

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ**

**СОЧИНЕНИЙ**

**КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО**

---

**ТОМЪ III.**

**1808 г. — 1827 г.**

---

**ИЗДАНИЕ**

**Графа С. Д. Шереметева.**

---

**С.-ПЕТЕРБУРГЪ.**

**Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.**

**1880**



**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ**  
**СОЧИНЕНИЙ**  
**КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО**

---

**ТОМЪ III.**  
**1808 г. — 1827 г.**

---

**ИЗДАНИЕ**  
**Графа С. Д. Шереметева.**

---

**С.-ПЕТЕРБУРГЪ.**  
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.

---

**1880**



# СТИХОТВОРЕНІЯ

---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1808 г. — 1827 г.

---

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

—  
1880



Въ настоящемъ томѣ собраны въ хронологическомъ порядкѣ стихотворенія Князя П. А. Вяземскаго за первыя девятнадцать лѣтъ его литературной дѣятельности.

Матеріаломъ для изданія служили:

1) Рукописи самого поэта, Сборники его стихотвореній, составленные подъ его наблюденіемъ въ 1820—1822 годахъ, современные списки, часто съ собственноручными поправками автора и изрѣдка—съ его замѣчаніями.

2) Рукописные Сборники, составленные покойнымъ Княземъ Н. А. Долгоруковымъ и В. И. Межовымъ.

3) Старые Русскіе Журналы. Помѣщенныя въ нихъ стихотворенія извлечены при пособіи печатаемаго Академіею Наукъ библіографическаго труда С. И. Пономарева подъ заглавіемъ: *Хронологическій Указатель Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.*

Такъ какъ въ рукописяхъ при большинствѣ стихотвореній время ихъ сочиненія не означено, то основаніемъ для хронологическаго ихъ размѣщенія принято время появленія ихъ въ печати.

Завѣдывалъ изданіемъ настоящаго тома Ѳ. Н. Бергъ подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова и Я. К. Грота.







## ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

	СТРАН.
I. Посланіе къ *** въ деревню . . . . .	3
II. Къ Нисѣ . . . . .	6
III. Эпиграмма (на стихи къ солнцу) . . . . .	7
IV. «Поэтъ, чтобъ быть великъ» . . . . .	—
V. На бракосочетаніе княжны Е. А. Вяземской . . . . .	8
VI. «Напрасно говорятъ, что будто Полидоръ» . . . . .	11
VII. «Я вѣкъ тебя хвалю» . . . . .	—
VIII. Молодой Эпикуръ . . . . .	12
IX. Объявленіе . . . . .	13
X. Быль въ преисподней . . . . .	14
XI. Къ портрету Меньшикова . . . . .	—
XII. Исторія челоѣка . . . . .	15
XIII. Къ портрету Боброва . . . . .	—
XIV. Къ Эльвирѣ . . . . .	16
XV. Мих. Вас. Милонову . . . . .	19
XVI. Алексѣю Алексѣевичу Перовскому . . . . .	20
XVII. Признаніе . . . . .	23
XVIII. «Дидоны прелести Виргилій выхваляетъ» . . . . .	24
XIX. Къ моимъ друзьямъ Жуковскому Батюшкову и Сѣверину . . . . .	27
XX. Къ Жуковскому изъ Москвы . . . . .	29
XXI. Путь къ честности . . . . .	31
XXII. Въ альбомъ Т. И. Остолоповой . . . . .	32
XXIII. Оправданіе Вольтера . . . . .	33
XXIV. Къ Остолопову . . . . .	—

	СТРАН.
XXV. Пѣсня (съ франц.) . . . . .	35
XXVI. Вакхическая пѣсня . . . . .	36
XXVII. Къ портрету . . . . .	39
XXVIII. Къ Тиртею Славянъ . . . . .	—
XXIX. Княгинѣ Аннѣ Петровнѣ Трубецкой . . . . .	41
XXX. Къ Барановой . . . . .	42
XXXI. Надпись Александру I. . . . .	45
XXXII. Польской (Пѣснь на взятіе Парижа) . . . . .	46
XXXIII. Многолѣтіе Государю Императору . . . . .	48
XXXIV. Эпиграмы: . . . . .	49
1) «Двѣ строчки Клитъ стихами написалъ».	
2) «Примѣру слѣдую ученаго народа».	
3) «Зачѣмъ въ трагедіи, недавно сочиненной».	
XXXV. Древніе и новые . . . . .	50
XXXVI. Слезливому стихотворцу . . . . .	51
XXXVII. На поэмы въ честь Петра Великаго . . . . .	52
XXXVIII. Кокоскину и Мерзлякову . . . . .	53
XXXIX. Къ Межакову . . . . .	55
XL. Къ подушкѣ Филлиды . . . . .	59
XLI. Весеннее утро . . . . .	62
XLII. Къ Софьѣ (гр. С. А. Мусиной-Пушкиной). . . . .	64
XLIII. Въ новый годъ (къ ней же). . . . .	65
XLIV. Къ ней же . . . . .	—
XLV. Къ партизану-поэту . . . . .	66
XLVI. Эпиграмма («Крѣзь богатѣеть каждый годъ») . . . . .	70
XLVII. Къ друзьямъ («Гонители моей невинной лѣни») . . . . .	—
XLVIII. Къ В. Л. Пушкину . . . . .	73
XLIX. Эпиграмы . . . . .	75
1) «Уѣздный врачъ, Эрастъ, въ часы свободы».	
2) «Подъ камнемъ сямъ лежитъ Надалъ».	
L. Мадригалы . . . . .	76
1) Е. И. К. «Веселый нравъ, для сердца взглядъ опасный».	
2) Е. А. Г. «Глаза у васъ прелестны—согласенъ».	
3) Н. П. Мансуровой. «Притворство, лести противны, знаю, вамъ».	
LI. Къ Ельминѣ . . . . .	78
LII. Когда . . . . .	79
LIII. Къ друзьямъ («Клинемъ печали») . . . . .	81
LIV. Прекрасной итальянкѣ . . . . .	82
LV. Гусь и змѣя (басня) . . . . .	83
LVI. Поэтический вѣнокъ Шутовскаго. (кн. А. А. Шаховскаго) . . . . .	84
1) «Въ комедіяхъ сатирахъ Шутовскаго».	
2) «Напрасно III. ты отдыха не знаешь».	
3) «Когда затѣйливымъ перомъ».	

- 4) «Коварный, Новый Стернь».
- 5) «Напрасно говорить, что грѣшника черты».
- 6) «Вольтеръ насъ трогаетъ».
- 7) «Съ какою легкостью свободной».
- 8) «Когда при свистѣ кресль».

LVII.	Липецкія воды . . . . .	87
LVIII.	Пѣснь на день рожденія Имп. Александра I. . . . .	—
LIX.	На открытіе въ Москвѣ дома благор. собр. . . . .	88
LX.	Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа. . . . .	91
LXI.	Эпиграмы . . . . .	94
	1) „Памфилъ забавенъ за столомъ“.	
	2) „Сказать о Ойрскѣ мнѣнье трудно“	
	3) „Моей рукой ты равенъ былъ слегка“.	
LXII.	Къ подругѣ . . . . .	95
LXIII.	Къ Батюшкову . . . . .	100
LXIV.	Къ Неѣлову . . . . .	105
LXV.	Къ Окуеву . . . . .	109
LXVI.	Мадригалъ Гашпару . . . . .	—
LXVII.	Къ кн. Гагаринѣ при посылкѣ пѣсенъ . . . . .	110
LXVIII.	Къ кн. Шаховской при посылкѣ стих. Жуковского . . . . .	111
LXIX.	Къ Елисаветѣ Сергѣевнѣ Огаревой (помѣч. собственноручно). . . . .	112
LXX.	Къ NN на смерть его сына. . . . .	114
LXXI.	Я жду тебя . . . . .	116
LXXII.	Погребъ . . . . .	117
LXXIII.	Разбитая статуя . . . . .	119
LXXIV.	Къ перу моему . . . . .	120
LXXV.	Стихи на обѣдѣ бар. Сакену. . . . .	125
LXXVI.	Разгуляевскому обществу . . . . .	126
LXXVII.	Д. В. Давыдову . . . . .	128
LXXVIII.	Къ овечкамъ. . . . .	131
LXXIX.	Къ Батюшкову . . . . .	135
LXXX.	Доведь (басня) . . . . .	137
LXXXI.	Какъ трудно жить . . . . .	138
LXXXII.	Пѣсни. . . . .	140
	1) «Спѣшите радости ловить»	
	2) «Храните сердца тишину».	
	3) «Собирайтесь дѣвки красны».	
	4) «Доволенъ я судьбою».	
LXXXII.	Отрывокъ изъ стихотворенія «Деревня» . . . . .	143
LXXXIII.	Первый свѣгъ . . . . .	146
LXXXIV.	Прощаніе съ халатомъ. . . . .	150
LXXXV.	Ухабъ . . . . .	154
LXXXV.	Петербургъ (отрывокъ). . . . .	157
LXXXVI.	Графу Ѳ. И. Толстому. . . . .	161

	СТРАН.
LXXXVII. Негодование . . . . .	164
LXXXVIII. Два чинжа . . . . .	173
LXXXIX. Дервишъ и ученикъ . . . . .	—
XC. Убогій и камень . . . . .	174
XCI. Круговая порука . . . . .	175
XCII. Двѣ собаки . . . . .	176
XCIII. Битый песь . . . . .	—
XCIV. Потокъ и рѣва . . . . .	177
XCV. Чернильница и перо . . . . .	—
XCVI. Два живописца . . . . .	178
XCVII. Человѣкъ и мотылекъ . . . . .	179
XCVIII. Медвѣдь . . . . .	180
XCIX. Малютка на лошади . . . . .	181
С. Въ каменѣхъ лѣсахъ, въ какой долинтѣ . . . . .	183
CI. Усладъ . . . . .	184
CII. Посланіе къ А. И. Тургеневу съ пирогомъ . . . . .	189
CIII. Эпиграмма . . . . .	192
CIV. Увыніе . . . . .	193
CV. Португальская пѣсня . . . . .	196
CVI. При возвращеніи альбома . . . . .	197
CVII. Уставъ столовой . . . . .	198
CVIII. Красавицѣ удивенной . . . . .	200
CIX. Трудная задача . . . . .	201
CX. Княжнинъ и фонъ-Визинъ . . . . .	202
CXI. Отвѣтъ фонъ-Визина . . . . .	—
CXII. Къ Лаурѣ въ день ея рожденія . . . . .	203
CXIII. Моленіе Лауры . . . . .	205
CXIV. Стихи, вырѣзанные на мертвой головѣ . . . . .	206
CXV. Эпиграммы . . . . .	208
<ol style="list-style-type: none"> <li>1) Вписавшись въ цехъ зонловъ строгихъ.</li> <li>2) Чтобъ полный смыслъ разбить въ твореніяхъ пѣвца.</li> <li>3) Работая перомъ какъ топоромъ.</li> <li>4) Его позваній вѣренъ счетъ.</li> <li>5) Стиховъ моихъ давно ты слышать хочешь.</li> <li>6) Бѣда намъ! говорить Аристъ.</li> </ol>	
CXVI. Сибирякову . . . . .	210
CXVII. Волки и пастухи . . . . .	215
CXVIII. Эпиграммы: . . . . .	217
<ol style="list-style-type: none"> <li>1) Для славы ты здоровья не жалѣешь.</li> <li>2) Корысти презрѣнной не покоряясь игу.</li> <li>3) Благословенный плодъ проклятаго терѣвья.</li> </ol>	
CXIX. Голосъ сердца . . . . .	218
CXX. Къ смерти . . . . .	—

	СТРАН.
СХХІ. Посланіе къ М. Т. Каченовскому . . . . .	219
СХХІІ. Пѣсня . . . . .	224
СХХІІІ. Къ итальянцу . . . . .	225
СХХІV. Къ В. А. Жуковскому . . . . .	226
СХХV. Вечеръ на Волгѣ . . . . .	230
СХХVІ. Утро на Волгѣ . . . . .	233
СХХVІІ. Чистосердечный врачъ . . . . .	237
СХХVІІІ. Ошибка врача . . . . .	—
СХХІХ. Столъ и постеля . . . . .	238
СХХХ. На нѣкоторую поэму . . . . .	239
СХХХІ. На нее же . . . . .	—
СХХХІІ. Пошла писать . . . . .	240
СХХХІІІ. Невыгоды лѣта . . . . .	241
СХХХІV. Гр. С. А. Мусиной-Пушкиной . . . . .	242
СХХХV. Отрывокъ . . . . .	245
СХХХVІ. Надпись солдату . . . . .	246
СХХХVІІ. Вакхическая пѣсня . . . . .	247
СХХХVІІІ. Эпиграммы . . . . .	248

- 1) Безстыдный лжець.
- 2) Какъ мастерски пророковъ змыхъ.
- 3) Сбираясь въ путь, глупецъ.
- 4) Безстыдной клеветой въ народѣ.
- 5) Въ ихъ ласкахъ лезть коварства.
- 6) Въ двухъ дюжинахъ поэмъ.
- 7) Въ портретѣ семь блестятъ.
- 8) Несчастный мужъ!
- 9) Руска въ душѣ.

СХХХІХ. Разговоръ . . . . .	251
СХL. Изъ письма къ Эоловой арфѣ (А. И. Тургеневу). . . . .	252
СХLІ. Изъ Москвы 29 дек. . . . .	253
СХLІІ. Молитвенныя думы . . . . .	255
СХLІІІ. Жрецъ и кумиръ . . . . .	261
СХLІV. И. И. Дмитріеву . . . . .	262
СХLV. Репейникъ . . . . .	264
СХLVІ. Пастухъ и овца . . . . .	265
СХLVІІ. Логогрифъ . . . . .	266
СХLVІІІ. Эпиграммы . . . . .	267

- 1) Твой списокъ послужной и оды.
- 2) Зоицы береговъ Невы.
- 3) Кутузовъ кураторъ.
- 4) Кутузовъ другомъ просвѣщенія.
- 5) Ага, плутовка мышь!
- 6) Тирсисъ всегда вздыхаетъ.
- 7) Красавица она, я знаю, и поэтъ!
- 8) Сжѣяться вы властны.
- 9) Россійскій Діогенъ.
- 10) Дамонъ хотъ говорить прелестно.

	11) Ариста гробъ.	
	12) Легко быть можетъ правъ.	
	13) За Клима духовникъ нашъ адомъ.	
	14) Кто свяжется съ цирюльникомъ Лукою.	
	14) Какъ Андрюхахи переводъ.	
SXLIX.	Къ *** (Скажи, уже-ль какъ на меня) . . . . .	270
CL.	Въ альбомъ К. А. П. Т. . . . .	271
CLI.	Къ С. Ѳ. Безобразовой въ деревню. . . . .	272
CLII.	Отрывки изъ путешествія въ стихахъ (Выходъ Вздыхалова)	275
CLIII.	Первый отдыхъ Вздыхалова . . . . .	276
CLIV.	Юпитеръ, Тебъ и мнѣ . . . . .	279
CLV.	Отложенныя похороны . . . . .	281
CLVI.	Даръ все дѣлать не впопадъ . . . . .	284
CLVII.	Пѣсня (На высотѣ надменныхъ скалъ). . . . .	286
CLVIII.	Да какъ-бы не такъ . . . . .	287
CLIX.	Сравненіе Петербурга съ Москвой . . . . .	289
CLX.	Мудрость (басня) . . . . .	293
CLXI.	Посланіе къ И. И. Дмитріеву . . . . .	294
CLXII.	Замѣтки: . . . . .	298
	1) При старости откланявшись веселью.	
	2) Былъ древній храмъ готическаго зданья.	
	3) Надменный нуль, Пигмей, крикунъ картавый.	
	4) Изъ Ж. Б. Руссо.	
CLXIII.	Всякій на свой покрой. . . . .	300
CLXIV.	Къ портрету болтуна . . . . .	302
CLXV.	Къ портрету молчаливаго . . . . .	—
CLXVI.	Цвѣты . . . . .	303
CLXVII.	Эпиграмма (Одинъ Фаонъ, Лезбсская пѣвица) . . . . .	305
CLXVIII.	Осель и быкъ (басня) . . . . .	—
CLXIX.	Логогрифъ (Одинадцать во мнѣ сочтете ногъ) . . . . .	306
CLXX.	Партизану-поэту. . . . .	308
CLXXI.	Гусь (басня) . . . . .	309
CLXXII.	Витязь . . . . .	310
CLXXIII.	Эпиграммы . . . . .	311
	1) Критонъ, услужливый въ душѣ.	
	2) Ты говоришь, что мучусь надъ стихомъ	
CLXXIV.	А. Я. Княжнину . . . . .	312
CLXXV.	Мои желанія. . . . .	314
CLXXVI.	Капля (Восточный апологъ) . . . . .	316
CLXXVII.	Языкъ и зубы (Восточный апологъ) . . . . .	317
CLXXVIII.	Къ спящему амуру . . . . .	318
CLXXIX.	Въ альбомъ (изъ Байрона) . . . . .	—
CLXXX.	Къ воспоминанію . . . . .	319
CLXXXI.	Мадригалъ матери и дочери . . . . .	320

	СТРАН.
CLXXXII. Парады . . . . .	320
1) Мое начальное—французская монета.	
2) Когда спасенъ кто душѣ своей желаетъ.	
CLXXXIII. Кабанъ и осель (басня) . . . . .	321
CLXXXIV. Левъ и лисица (басня). . . . .	322
CLXXXV. Калифъ и дервишъ (Восточный анологъ) . . . . .	324
CLXXXVI. Визирь Гассанъ (сказка) . . . . .	326
CLXXXVII. Къ прелестной . . . . .	329
CLXXXVIII. Эпиграма изъ Ж. Б. Руссо . . . . .	330
CLXXXIX. Статуя Геркулеса и прохожій . . . . .	331
CXС. Пѣсня. (Вчера предавшися покою) . . . . .	332
CXCI. Эпиграмы . . . . .	333
1) Нашъ журналистъ.	
2) Изсохло бы перо.	
3) Онъ первви былъ ученикомъ.	
4) Фирсъ каждый день.	
5) Труды ума ты моего всчисли.	
6) Въ жару холоднаго витійства.	
7) Пусть критикъ.	
8) Когда бесѣдчикамъ.	
CXСII. Шутка . . . . .	335
CXСIII. Прелести деревни . . . . .	339
CXСIV. Апологи . . . . .	341
1) Отвѣтъ древняго мудреца.	
2) Молотокъ и гвоздь.	
3) Ландышь.	
CXСV. Къ графу Чернышову въ деревню. . . . .	342
CXСVI. Сѣтованіе . . . . .	346
CXСVII. Прощаніе вонна . . . . .	347
CXСVIII. Эпиграмма, (Ты правъ, сожжемъ Каранзина творенья) . . . . .	348
CXСIX. Пѣсня зѣваки . . . . .	349
СС. Воли не давай рукавъ. . . . .	350
ССИ. Въ шляпѣ дѣло . . . . .	352
ССII. Давнымъ-давно . . . . .	354
ССIII. Куплеты нана Чижевскаго . . . . .	355
ССIV. Къ воспоминанію . . . . .	356
ССV. Шутка (въ альбомѣ) . . . . .	359
ССVI. Эпиграмы . . . . .	361
1) Нѣтъ состязаться мнѣ съ тобою не совмѣстно.	
2) Педантствуй сплошь.	
3) Клевреть журнальный.	
4) Жужжащій враль.	
ССVII. Сѣтованіе араба . . . . .	363
ССVIII. Къ пріятелю . . . . .	364
ССIX. Завѣщаніе Амура . . . . .	366
ССX. Графиня *** на смерть ея родителя . . . . .	370

	СТРАН.
ССХІ. Пяши пропало . . . . .	373
ССХІІ. Эпиграммы . . . . .	375
1) Ошибку у меня поймавъ.	
2) Какого общества быть можетъ живонисцемъ.	
ССХІІІ. Графинямъ С. И. и С. И. Чернышовымъ . . . . .	376
ССХІV. Того-сего. . . . .	378
ССХV. Младой пѣвецъ . . . . .	380
ССХVІ. Недовольный . . . . .	381
ССХVІІ. Къ княжнѣ *** при посылкѣ пѣсенъ . . . . .	383
ССХVІІІ. Черта мѣстности . . . . .	385
ССХІХ. Простосердечный отвѣтъ . . . . .	386
ССХХ. Къ двоюродной сестрѣ . . . . .	387
ССХХІ. Къ журнальнымъ близнецамъ . . . . .	388
ССХХІІ. Двѣ луны. . . . .	—
ССХХІІІ. Эпиграммы и замѣтки . . . . .	390
1) Чтобъ васъ оставить, васъ я вижу	
2) Тебѣ одной быть Антигоной можно.	
3) Предъ хоромъ ангеловъ	
ССХХІV. Запретная роза . . . . .	393
ССХХV. Коляска. Отрывокъ . . . . .	394
ССХХVІ. Эпиграмы . . . . .	401
1) Въ Клеонѣ видишь ты двуличнаго льстеца.	
2) Характеристика.	
3) Наши Ларошфуко.	
ССХХVІІ. Басни (съ польскаго изъ Красицкаго) . . . . .	402
ССХХVІІІ. О. С. Пушкиной (Павлищевой) . . . . .	405
ССХХІХ. Альбомъ . . . . .	406
ССХХХ. Нарвскій водопадъ . . . . .	408
ССХХХІ. Семь пятницъ на недѣлѣ . . . . .	410
ССХХХІІ. Къ мнимой счастливицѣ . . . . .	413
ССХХХІІІ. Воспоминаніе . . . . .	417
ССХХХІV. Луга . . . . .	420
ССХХХV. Байронъ (отрывокъ) . . . . .	423
ССХХХVІ. Е. А. Кологривовой . . . . .	427
ССХХХVІІ. Теперь мнѣ недосугъ . . . . .	428
ССХХХVІІІ. Къ Иллчевскому . . . . .	430
ССХХХІХ. Эпиграммы . . . . .	431
1) Булгаринъ хочетъ слѣть хорошимъ журналистомъ.	
2) Кто будетъ врать стихи твои.	
ССХХЕ. Щипцы и свѣчи (басня) . . . . .	432
ССХХІ. Р—у . . . . .	433
ССХХІІ. Къ молящейся . . . . .	434



	СТРАН.
ССХLIII. Вспыльчивость добродѣтельнаго (Восточный апологъ) . . . . .	435
ССХLIV. Нетлѣнный цвѣтокъ . . . . .	436
ССХLV. Слезы прощанія . . . . .	438
ССХLVI. Изъ стихотворенія «Деревня». . . . .	439
ССХLVII. Выдержки . . . . .	445
ССХLVIII. Е. Н. Ушаковой . . . . .	448
ССХLIX. Крохоборанъ . . . . .	449
ССL. Русскій богъ . . . . .	450
ССLI. Русскій богъ (по списку кн. Долгорукова) . . . . .	452

---



1808 г.



I.

ПОСЛАНИЕ КЪ \*\*\* ВЪ ДЕРЕВНЮ.

---

И такъ, мой милый другъ, оставя свучный свѣтъ,  
И въ поле уклонясь отъ шума и суетъ,  
Въ деревнѣ ты живешь, сповойный другъ природы,  
Среди кудравыхъ рощъ, подъ сѣнію свободы!  
И жизнь твоя течетъ, какъ свѣтлый ручеекъ,  
Бѣгущій по лугамъ, какъ легкій вѣтерокъ,  
Играющій въ поляхъ съ душистыми цвѣтами,  
Или въ тѣни древесъ пастушки съ волосами.  
Безпечность — твой удѣлъ! стократъ она милѣй  
И пышности владыкъ и блеску богачей!  
Не тотъ по мнѣ счастливъ, кто многимъ обладаетъ,  
Воспитанъ въ роскоши, въ звѣздахъ златыхъ сіяетъ  
(Ни злато, ни чины во счастью не ведутъ);  
Но тотъ, чьи ясны дни въ невинности текутъ,  
Кто сердцемъ не смущенъ, кто славы не желая,  
Но искренно, въ душѣ, свой ровъ благословляя,  
Доволенъ тѣмъ что есть, и лучшаго не ждетъ —  
И небо на него лучъ благи лѣтъ!

Громъ брани до него въ пустынь не доходитъ;  
 Ни алчность почестей, ни зависть не уводитъ  
 Его, сидящаго при свѣтломъ ручейкѣ,  
 Или въ объятіяхъ своей супруги нѣжной.  
 О другъ мой! такъ и ты, оставя градъ мятежной,  
 Въ уединеніи, въ безмолвной тишинѣ,  
 Вкушаешь всякій день лишь радости однѣ!  
 То бродишь по лугамъ, то по лѣсу гуляешь,  
 То лирою своей Климену восхищаешь,  
 То быстро на конѣ несешься по полямъ,  
*Какъ шумный вѣтръ пустынь*, то ходишь по утрамъ  
 Съ собакой и ружьемъ и съ птицами воюешь,  
 То, сидя на холмѣ, прелестный видъ рисуешь!  
 А вечеромъ, когда зефировъ рѣзвыхъ рой  
 На листьяхъ алыхъ розъ, осыпанныхъ росой,  
 Утихнетъ и заснетъ, какъ пахарь возвратится  
 Съ полей, чтобы въ семьѣ покоемъ насладиться;  
 Какъ вечера туманъ объемлетъ мрачный лѣсъ,  
 Когда усѣтся звѣздами сводъ небесъ,  
 Тогда ты, вышедши изъ хижины смиренной,  
 Покрытой мягкимъ мхомъ, древами осѣненной,  
 Съ своею милою приблизишься къ рѣкѣ,  
 И станешь разсѣвать съ ней волны въ челнокѣ,  
 И будетъ вамъ луна спутницей пріятной!  
 Взоръ бросивъ на тебя, взоръ только сердцу внятный,  
 Промолвить милая, — вздохнувъ: другъ нѣжный мой!  
 Какое счастье быть любимою тобой!  
 Но, ахъ! всегда-ль судьбы въ намъ будутъ такъ преклонны?  
 Быть можетъ, разлучать съ тобой насъ люди зlobны,  
 Иль смерть... печальна мысль! „На что себя смущать,  
 Ты скажешь ей: на что покой свой нарушать?  
 Любезны мы богамъ, чего же намъ страшиться?  
 Мы чистою душой привыкли имъ молиться!  
 Когда отъ насъ въ слезахъ убогій уходилъ?  
 Когда гонимый въ насъ друзей не находилъ?  
 Утѣшься, милая! Мы добры — и конечно

Насъ боги награды здѣсь жизнью долговѣчной!  
Потомъ, обнявшись, въ безмолвіи, домой  
Пойдете медленно вкушать ночной попой.  
Вы не услышите ни птичекъ щебетанья,  
Ни звука отъ роговъ, ни эха грохотанья,—  
Сны благотворные съ лазоревыхъ небесъ  
Слетятъ на ложе въ вамъ съ толпой пріятныхъ грезъ,  
А утренній Зефиръ, прохладу разливая,  
Разбудитъ васъ опять.... Живи въ поляхъ, вкушая  
Прямья радости чувствительныхъ сердецъ!  
Когда же Нимфъ соборъ оставитъ мрачный лѣсъ,  
Когда туманами одѣтая Аврора  
Въ лѣсу поющихъ птицъ не будетъ слышать хора,  
И вмѣсто яркихъ розъ лишь иней по утрамъ  
Съ осенней будетъ мглой на землю сыпать къ намъ:  
Тогда, мой милый другъ, въ столицу возвратися  
Таковъ, какъ былъ всегда, къ друзьямъ своимъ явися!  
Повѣрь, и въ городѣ возможно съ счастьемъ жить:  
Оно вездѣ—умѣй его лишь находить.

---

## II.

КЪ НИСѢ.  

---

Повѣрь, о Ниса! мнѣ — романы  
Одни прелестные обманы:  
Какъ можно вѣкъ одну любить?  
Мы грѣшны — любимъ перемѣну!  
Здѣсь все должно *на время* быть!  
За что-жъ клянeshь мою измѣну,  
Въ досадѣ, другъ бывалый мой,  
Что я любилъ тебя сердечно  
Лишь двѣ недѣли — а не вѣчно?  
Увы! не долѣе весной  
Цвѣтетъ и роза, другъ Зефира!  
Теперь другого ты плѣни!  
Когда-жъ наскучить мнѣ Темира,  
Я вспомню тѣ счастливы дни,  
Которые провелъ съ тобою,  
Опять плѣнюсь твоей красою,  
И снова, Ниса, всей душой  
На мѣсяцъ, на два буду твой!

---



## III.

## ЭПИГРАММА.

(НА ОТЪХИ КЪ СОЛНЦУ)

---

Кавими насъ морилъ несносными стихами  
Вчерашній день Оргонъ! со скуки я дремалъ.  
Ужъ на небѣ видна была луна съ звѣздами,  
А онъ . . . . все солнце призывалъ.

---

## IV.

Поэтъ, чтобъ быть великъ не долженъ подражать,  
Нѣтъ! подражаніе есть генію препона!  
Пусть будетъ творческимъ талантомъ онъ блистать,  
Пусть новымъ онъ путемъ вершины Геливона  
Достигнетъ—въ славѣ намъ дорога не одна....

---

## V.

## НА ВРАКОСОЧЕТАНІЕ КНЯЖНЫ Е. А. ВЯЗЕМСКОЙ.

## ПЕРВОЙ ГОЛОСЪ.

Забудь на время мечъ и брань,  
 Простри къ любви геройску длань,  
 Вкуси любовь въ сѣни покоя,  
 Любовь прелестныхъ — часть героя!  
 Внимать привыкнувши громамъ  
 И зрѣть въ поляхъ потоки крови,  
 Внимай пріятну пѣснь любви,  
 Вступивъ въ Гименовъ мирный храмъ.

## ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Красу, невинность, сердца жаръ  
 Неси возлюбленному въ даръ,  
 И съ нимъ веселіе прямое  
 Вкушай, вкушай въ любви, въ повоѣ!  
 Сплети изъ миртъ ему вѣнокъ;  
 Сважи ему, гдѣ путь ко счастью;  
 Къ тебѣ воспламененный страстью,  
 Да свой благословитъ онъ ровъ.

## ХОРЪ.

Что можетъ въ мірѣ быть славнѣе,  
 Что можетъ въ мірѣ быть милѣе  
 И мужества и красоты?  
 Примѣръ блаженнѣйшей четы!  
 Сліянны страстною душою,  
 Не зная жизни тяжкихъ бѣдъ,  
 Идите счастію во слѣдъ  
 Всегда цвѣтущею стезею!



1810 г.



## VI.

Напрасно говорятъ, что будто Полидоръ  
Чужіе все стихи читаетъ;  
Повѣрьте, это вздоръ!  
Они его — онъ ихъ за деньги покупаетъ.

---

## VII.

Я вѣкъ тебя хвалю, ты вѣкъ меня ругаешь.  
За что? Не знаю я, и ты того не знаешь!  
Но вотъ что чудное у насъ съ тобой въ судьбѣ:  
Никто не вѣритъ намъ — ни мнѣ и ни тебѣ

---

## VIII.

## МОЛОДОЙ ЭПИКУРЪ.

Повеселимся, другъ мой милый!  
Пусть радость будетъ намъ подругой цѣлой день,  
Онъ нашъ — но онъ мелькнетъ какъ тѣнь.  
А завтра какъ узнать? Быть можетъ, ночь могилой  
Затмитъ зарю счастливыхъ дней.  
Но что бы ни было, мы смерти не страшимся,  
Съ улыбкой на устахъ въ свѣтъ новый преселимся,  
И тамъ въ раю тѣней  
Съ тобою вѣчною любовью насладимся,  
И станемъ поджидать къ себѣ своихъ друзей!  
Дотолѣ прочь отъ насъ печали!  
И зависть мрачная съ блѣднѣющимъ лицомъ,  
Чтобъ гордость, суета дороги къ намъ не знали,  
И для заботъ всегда нашъ былъ растворенъ домъ.  
На вѣки прочь отъ насъ и славы призракъ льстивый!  
Нѣтъ! лучше пусть текутъ, безпечною счастливы,  
Дни наши, какъ ручья скользятъ струи лѣнивы  
По нивамъ, по лугамъ, едва журча въ цвѣтахъ,  
Потомъ невидимо теряясь въ пескахъ.

---

## IX.

## ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Разыгрывать на дняхъ новѣйшу драму стануть.  
Сумбуръ, творецъ ея, ручается собой,  
Что слезы зрители польють рѣва рѣкой,  
Что волосы у всѣхъ отъ страха дыбомъ стануть.

Актъ первый: трубный гласъ, громъ пушекъ, барабаны,  
Кровавая война, сраженье, вопли, раны...  
А декорация: кладбище, госпиталь.

Второй актъ: дождь, гроза, растрепанна печаль  
По сценѣ бѣгаетъ и водить за собою  
Свошка голода съ сестрицею чумою,  
И съ ревомъ рыскають медвѣди, львы въ лѣсахъ.

Актъ третій: ужасъ, страхъ,  
Землетрясеніе и преставленье свѣта;  
Смерть одинокая, во вдовій вѣсѣ одѣта,  
Хоронить смертныхъ родъ.  
Финалъ: балетъ чертей и фурій хороводъ.

## X.

## БЫЛЬ ВЪ ПРЕИСПОДНЕЙ.

„Кто тамъ стучится въ дверь?  
 Воскликнулъ Сатана — миѣ недосугъ теперь!“  
 — Се я, пѣвецъ ночей, шахматно-пѣгій геній,  
 Бибрисъ! меня занесъ къ вамъ въ полночь вѣтръ осенній,  
 Погрѣться дайте миѣ, слезить дождь въ уши миѣ!  
 „Что врешь ты за сумбуръ? Кто ты? Тебя не знаютъ!“  
 Ага! здѣсь видно такъ, какъ и на той странѣ:  
 Покойникъ говоритъ, меня не понимаютъ!

## XI.

## КЪ ПОРТРЕТУ МЕНЬШИКОВА.

Какъ волны, намъ дары Фортуны ненадежны,  
 Счастливецъ, не гордись!  
 Царевы милости съ погибелію смежны  
 Взгляни на образъ сей — и счастья страшись.



**ХІІ.****ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢКА.**

---

Родиться, жить и умереть,  
Есть тихіе брега—повннуть для волненья,  
Бороться съ бурями, повсюду гибель зрѣть,  
И бросить якорь свой у пристани забвенья.

---

**ХІІІ.****КЪ ПОРТРЕТУ БОБРОВА.**

---

Нѣтъ спора, что Бобровъ боговъ языкомъ пѣлъ;  
Изъ смертныхъ бо никто его не разумѣлъ.

---

## XIV.

КЪ ЕЛЬВИРЪ.  

---

Съ тобой встрѣчаяся, я радуюсь сердечно;  
Въ отсутствіи твоёмъ нельзя мнѣ не скучать,  
И я тебя желалъ бы видѣть вѣчно  
Иль вовсе не видать!

---

1811 г.



## XV.

## МИЛОНОВУ.

По прочтении перевода его изъ Горация.

---

Когда намъ уши раздраютъ  
Несносны крики совъ, гагаръ,  
И музы въ наши дни страдаютъ  
Какъ предки наши отъ Татаръ;  
Когда одинъ съ поэмой вздорной,  
Другой съ комедіей снотворной  
И вся Батыева орда  
Выходить на Парнассъ войною,  
Ты въ эти смутные года,  
Со свѣтлой полною душою  
И лирой звонкой золотой,  
Невѣждъ ватагу оставляешь  
И славу на пути встрѣчаешь—  
Ея пріемышь молодой.  
Иди впередъ, другъ музъ и грацій,  
За избраннымъ тобой вождемъ  
И пусть учитель твой Гораций  
Съ тобой подѣлится вѣнкомъ.

---

## XVI.

АЛЕКСЪЮ АЛЕКСѢВИЧУ ПЕРОВСКОМУ.

АВТОРУ „МОНАСТЫРЕН“.

Прости, проказникъ милый!  
Ты ѡдешь, добрый путь!  
Твой геній златокрылый  
Тебѣ попутчикъ будь.

Давно слетѣли пчелы  
Съ медоточивыхъ лицъ,  
Давно деревья голы  
И соловей охрипъ.

Подъ мракомъ снѣжной тучи  
Одну ты пѣсню знай,  
Та пѣснь — морозъ трескучій  
Да вьюги вой и лай.

Не замышляй идиллій,  
Мой нѣжный пастушокъ,  
Ни Геснеръ, ни Виргилій  
Теперь тебѣ не впрокъ.

Аркадіей не бредя,  
И помня что ты Россъ,  
Въ сибирскаго медвѣдя  
Воткни и спрячь свой носъ.

А чтобы нѣгой майской  
Согрѣть и вспрыснуть грудь,  
Съ собою ромъ ямайскій  
Ты взять не позабудь.

Уважь моимъ совѣтамъ:  
Ромъ — славный чудодѣй,  
Зима съ нимъ пахнетъ лѣтомъ  
И нѣтъ ненастныхъ дней.

Въ дорогѣ, на услуги  
Онъ мастеръ пребольшой,  
Онъ скуку и недуги  
Снимаетъ, какъ рукой.

Почуешь ли изгагу  
Желудка иль души —  
Цѣлительную влагу  
Себѣ ты пропиши.

Смотритель ли откажетъ  
Дать лошадей тебѣ,  
И долго ждать прикажетъ  
Въ курной своей избѣ,

Словъ бранныхъ по пустому  
Ты съ нимъ не расточай,  
А рому, много рому  
Подлей себѣ ты въ чай.

Два, три стакана дружно  
Осушишь — а потомъ  
И лошадей не нужно,  
Ударь по всѣмъ по тремъ!

На этой рьяной тройкѣ  
Заѣдешь далеко,

Качаясь, какъ на войкѣ,  
Спокойно и легко.

Все важничать разсудкомъ —  
Сухая жизни цѣль;  
Не худо промежуткомъ  
Впустить въ башку и хмѣль.

Безсмертіе Платона  
И съ нимъ всѣхъ мудрецовъ  
За день Анакреона  
Отдать бы я готовъ.



## XVII.

## ПРИЗНАНЬЕ.

Я пѣть хотѣлъ въ восторгѣ дивномъ  
Петра Великаго дѣла,  
Но лира тономъ заунывнымъ  
Одну Мальвину пѣть могла.

Въ досадѣ переладивъ струны,  
Я пѣть Суворова хотѣлъ,  
И браней и побѣдъ перуны!  
Безсмертье, думалъ, мой удѣлъ!

Но, нѣтъ! моя упряма Муза,  
Изъ розъ украсившись вѣнкомъ,  
Бѣжитъ съ героями союза,  
Одну любовь поетъ тишкомъ.

И такъ, прости мечтанье славы!  
Мой скромный жребій: пѣть подчасъ  
Любовь, весеннихъ дней забавы,  
И власть надъ сердцемъ милыхъ глазъ!

---

## XVIII.

\* \*  
\* \*

Дидоны прелести *Виргилій* выхваляетъ.  
Дидоны я не зналъ; но сердце увѣряетъ,  
Что не было въ ней той волшебной красоты,  
Которою вчера насъ восхищала ты.  
Нѣтъ, если бы съ тобой могла она сравниться,  
Еней, хоть набоженъ, въ счастливѣйшей судьбѣ,  
Разсудку своему не могъ бы покориться,  
И, измѣня богамъ, былъ вѣренъ бы тебѣ.  
Ахъ! можно ль и на мигъ хотѣть тебя покинуть.  
Кто сердца твоего возможетъ даръ отринуть?  
Кто можетъ не желать, и презрѣнный тобой,  
Быть красоты твоей свидѣтелемъ всечасно,  
И въ грозный смерти часъ, простясь на вѣкъ съ прекрасной,  
Снести во мрачный гробъ любовь и образъ твой?



1812 г.



ХІХ.

КЪ МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ:

ЖУКОВСКОМУ, БАТЮШКОВУ И СЪВЕРИНУ.

---

Гдѣ вы, товарищи-друзья?  
Кто разлучилъ соединенныхъ  
Душой, руками соплетенныхъ?  
Одинъ безъ сердцу драгоцѣнныхъ,  
Одинъ теперь скитаюсь я.

И сей, друзья, печальный стонъ  
Вотще по воздуху несется,  
Вотще средь ночи раздается,  
Увы! до васъ онъ не воснется,  
Не будетъ вами слышенъ онъ!

И, можетъ быть, въ сей самый часъ,  
Какъ ночи сонъ тревожитъ вьюга,  
Одинъ изъ васъ въ огнѣ недуга  
Угасшимъ гласомъ имя друга  
Въ послѣдній произносить разъ.

Почій счастливецъ кроткимъ сномъ!  
Стремлюсь надеждой за тобою.  
Отъ бури ты идешь въ повою,  
Пловецъ, измученный грозою,  
Усни на берегѣ родномъ!

Но долго-ль васъ, друзья, мнѣ ждять?  
 Когда просвѣтитъ день свиданья?  
 Иль—жертвы вѣчнаго изгнанья—  
 Не будемъ чаши ликованья  
 Другъ другу мы передавать?

Иль суждено, чтобъ сердца хладъ  
 Уже во мнѣ не согрѣвался,  
 Какъ вѣтръ въ пустынѣ стонъ терялся,  
 И съ взглядомъ друга не встрѣчался  
 Бродящій мой во мракѣ взглядъ?

Давно-ль, съ любовью пополамъ,  
 Плели для насъ вѣнки Хариты  
 И Вакхъ румянилъ намъ ланиты,  
 И мы, веселые пѣнты,  
 Слагали гимны въ честь богамъ?

Давно-ль? и сладкій сонъ исчезъ!  
 И пѣсни наши—голосъ муки,  
 И дни восторговъ—дни разлуки!  
 Вотще возносимъ къ небу руки—  
 Пощады нѣтъ намъ отъ небесъ!

А вы, товарищи-друзья,  
 Явитесь мнѣ хоть въ сновидѣньи,  
 И, оживя въ воображеньи  
 Часовъ протевшихъ наслажденья,  
 Обманомъ счастливъ буду я.

Но вотъ ужъ мракъ сошелъ съ полей,  
 И вьюга съ ночью удалилась,  
 А васъ душа не допросилась.  
 Зарей окрестность озарилась...  
 Придти ль когда зарѣ моей?

## XX.

## КЪ ЖУКОВСКОМУ.

И такъ, мой другъ, увидимся мы вновь  
Въ Москвѣ, всегда священной намъ и милой;  
Въ ней знали мы и дружбу, и любовь,  
И счастье въ ней дни наши золотило!  
Изъ дѣтства, другъ, для насъ была она  
Святилищемъ драгихъ воспоминаній,  
Протекшихъ бѣдъ, веселій, слезъ, желаній;  
Здѣсь повѣсть намъ вездѣ оживлена.  
Здѣсь красится дней нашихъ старина,  
Дней сладости и ясныхъ, и веселыхъ,  
Мелькнувшихъ намъ едва и отлетѣлыхъ.  
Но что теперь твой встрѣтитъ мрачный взглядъ  
Въ столицѣ сей и мира, и отрадъ?  
Ряды могилъ, развалинъ обгорѣлыхъ  
И степь полей пустыхъ, осиротѣлыхъ,—  
Слѣды враговъ, злодѣйства гнусныхъ чадъ.  
Наукъ, забавъ и роскоши столица—  
Издравле край любви и красоты—  
Есть нынѣ край и слезъ, и нищеты.  
Здѣсь блѣдная скитается вдовица,  
Тамъ слышенъ вопль младенца-сироты;  
Ихъ застаютъ румяная денница  
Въ слезахъ, и ночь ихъ застаютъ въ слезахъ.  
А тамъ старивъ, прибредшій на клюкахъ,  
На хладный пепелъ роднаго пепелища,

Не узнаетъ знакомаго жилища,  
Гдѣ онъ, склоня главу на дщери грудь,  
Мнилъ въ тишинѣ сномъ вѣчности заснуть;  
Теперь одинъ рукою молитъ нищей  
Онъ для себя пріюта на владбищѣ.  
Пусть будетъ тихъ его послѣдній часъ,  
Пускай мечты его обманутъ муку,  
Пусть слышится ему дочерній гласъ,  
Пусть, въ гробъ сходя, онъ мнитъ подать ей руку!  
Счастливъ, мой другъ, кто мрачныхъ сихъ картинъ,  
Сихъ ужасовъ и бѣдствій удаленный,  
И строгихъ узъ семейныхъ отчужденный,  
Своей судьбы единый властелинъ,  
Летитъ теперь, отмищенъ вдохновенный,  
Подъ знамена варающихъ дружинъ!  
Счастливъ, кто мечъ, отчизнѣ посвященный,  
Подъялъ за прахъ родныхъ, за домъ Царей,  
За смерть въ бояхъ утраченныхъ друзей,  
И роковымъ постигнутый ударомъ  
Онъ скажетъ, свой смыкая мутный взоръ:  
„Москва! я твой питомецъ съ юныхъ поръ,—  
„И смерть моя—тебѣ послѣднимъ даромъ!“  
Я жду тебя, товарищъ милый мой,  
И по мѣстамъ, уныню посвященнымъ,  
Мы медленно поидемъ рука съ рукою  
Бродить, мечтавъ предавшись потаеннымъ;  
Здѣсь тусклъ зари пылающій вѣнецъ,  
Здѣсь мраченъ день въ краю опустошеній,  
И скорби сынъ, развалинъ сихъ жилецъ,  
Склоня чело, объятый думой геній,  
Гласитъ на нихъ протяжно: нѣтъ Москвы!  
И хладный прахъ, и рухнувшіе своды,  
И древній Кремль, и ропотныя воды  
Ужасной сей исполнены молвы.

---



## XXI.

ПУТЬ КЪ ЧЕСТНОСТИ.  

---

Излучистымъ путемъ къ фортунѣ достигая,  
Змѣинъ! ты наконецъ за трудъ свой награжденъ  
Въ твои хранилища бѣжитъ струя золотая,  
Услужниковъ толпа, друзьями окруженъ, —  
И жизнь среди утѣхъ спокойно протекаетъ.  
Теперь ничто тебѣ быть честнымъ не мѣшаетъ!

---

## XXII.

## ВЪ АЛЬБОМЪ

ТАТЬЯНЪ НИКОЛАЕВНЪ ОСТОЛОПОВОЙ.

Хвала тому, кто, небомъ вдохновенный,  
 Альбомы въ честь пустиль благословенны!  
 Заслугой сей онъ смертныхъ обязалъ  
 И въ храмъ себя безсмертья записалъ.  
 Ахъ! сколько-бы поэтовъ, безъизвѣстно  
 Таящихся, никто не угадалъ,  
 Когда-бы имъ пути ко славѣ честной  
 Черезъ акrostихъ альбомъ не открывалъ!  
 Любовникамъ онъ во сто разъ полезнѣй:  
 Безъ страха дочь при матери своей  
 Хранить въ листкахъ ей имя всѣхъ любезнѣй,  
 Въ душѣ давно хранимое у ней;  
 А юноша, и скромной и стыдливой,  
 Любви своей не смѣющій сказать,  
 Дерзаетъ въ нихъ рукою боязливой  
 О тайнѣ чувствъ жестокой намебать. —  
 Но сколько же сей выдумки счастливой  
 Творца во вѣкъ мнѣ должно выхвалять?  
 Я въ Вологдѣ спасусь имъ отъ забвенья!  
 Темира мнѣ писать себѣ велить, —  
 И времени я не страшусь стремленья,  
 Прекрасною не буду я забыть!  
 Въ досужный часъ, когда она заглянетъ  
 Въ альбомъ и въ немъ стихи мои найдетъ,  
 Читая ихъ — не разъ, не два зѣвнетъ,  
 И не-хотя, но обо мнѣ вспоманетъ.

## XXIII.

## ОПРАВДАНИЕ ВОЛЪТЕРА.

Вольтера всѣ бранятъ, что Бога онъ не зналъ,  
 Но осуждать его за это я не смѣю;  
 Пускай его бранятъ, а я объ немъ жалѣю:—  
 Онъ *Въры* не видалъ.

## XXIV.

## КЪ ОСТОЛОПОВУ.

Ты, коего стихи прелестны  
 Я знаю съ именемъ давно —  
 Мои тебѣ хотя безвѣстны,  
 Какъ имя, такъ стихи равно,  
 Прими ты отъ меня почтенье  
 И всенижайшее прошенье,  
 А въ чемъ? дай трудъ себѣ прочесть.  
 Я въ Вологду попалъ, Богъ-вѣсть  
 Какой печальною судьбою.  
 Московскій житель съ раннихъ поръ,  
 Какъ солнце мой увидѣлъ взоръ,  
 О Вологдѣ, передъ тобою  
 Я признаюсь — не помышлялъ,  
 Ни въ явь, ни между сновидѣній  
 О ней не думалъ, не гадалъ;  
 Но, жертва бури и волненій,  
 Мой тихій, мой смиренный челнъ,

Завинутый враждою волнъ  
На брегъ отъ родины далекой,  
Томится въ скукѣ одинокой;  
Въ студеной сѣвера странѣ,  
Все чуждо, неизвѣстно мнѣ,  
Все чуждо сердцу, чуждо взгляду,  
И взявши Адресъ-календарь,  
Увидѣлъ я, что Государь,  
Какъ бы мнѣ на смѣхъ и досаду,  
Все незнакомыхъ мнѣ людей,  
Въ мѣста совѣтниковъ, судей  
Прислать изволилъ въ городъ сей.  
Въ сердцахъ листы перебираю,  
Твое вдругъ имя я встрѣчаю;  
Свѣтлѣетъ пасмурный мой взоръ —  
Здѣсь музъ любимецъ прокуроръ!  
Не откажи ты мнѣ во дружбѣ,  
Въ одной считаемся мы службѣ,  
Хотя и не въ однихъ чинахъ —  
Ты офицеръ ужъ заслуженный  
И Аполлономъ награжденный,  
За вкусъ разборчивый въ стихахъ:  
А я, я рекрутъ новобранный  
И на Парнасѣ безъимянный,  
И нѣтъ заслуги никакой,  
Какъ развѣ то, что музъ служитель,  
Прямыхъ талантовъ я почитель,  
И потому поклонникъ твой!

---

## XXV.

## ПѢСНЯ.

СЪ ФРАНЦ.: О ТОІ, QUI J'ADORE...

---

Приди, мой другъ, волненья  
 Души моей смири  
 И снова увѣренья  
 Въ любви мнѣ повтори!  
 Ахъ, сжался надъ тоскою  
 Плѣннаго тобою,  
 Свои восторги ты съ моими съедини,  
 Укрась любовію безрадостные дни.  
 Когда тебя встрѣчаю,  
 Теряюсь, трепещу,  
 Въ отсутствіи страдаю  
 И по тебѣ грущу,  
 И всюду несчастливой,  
 Душою я тоскливой,  
 Прошу тебя у водъ, у рощей, у луговъ,  
 У раннія зари, у вечера часовъ!

Измѣны, другъ сердечной,  
 Твоей не дай мнѣ зрѣть,  
 Любовью буду вѣчной  
 Къ одной тебѣ горѣть;  
 Но если позабудешь  
 И мнѣ невѣрной будешь,  
 Безъ жалобъ, безъ упрековъ, прощаяся съ тобой,  
 Угасну, на тебя взоръ устремивши мой.

---

## XXVI.

## ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Хвала любви, хвала вину,  
 Хвала пріятельской пирушкѣ!  
 Мы заживемъ какъ въ старину,  
 Будь сердце на рукѣ, а умъ и радость въ кружкѣ.

Пословица твердить давно:  
 Не постарѣешь на пирушкѣ,  
 Пей только старое вино  
 И вѣчной юности найдешь источникъ въ кружкѣ.

По мнѣ ученіе смѣшно  
 И миеологія игрушка,  
 Мой нектарь—старое вино,  
 Кастальскій ключъ — бокаль, Элизіумъ — пирушка!

Иной морей тревожитъ дно,  
 Другой безумецъ рвется въ пушкѣ;  
 Я въ мірѣ зрю одно вино,  
 А міръ обширный зрю въ моей обширной кружкѣ.

Не пить иль пить, друзья, — равно  
 Слечь навсегда намъ на подушкѣ.  
 Такъ будь намъ жизнь и смерть вино;  
 пылая жизнь — угаснемъ на пирушкѣ.



1813 г.





## XXVII.

### КЪ ПОРТРЕТУ.

---

Художникъ здѣсь рукою вѣрной  
Черты того изобразилъ,  
Кто всѣми былъ любимъ безмѣрно  
И отъ роду въ стихахъ самъ мѣры не хранилъ.

---

## XXVIII.

### КЪ ТИРТЕЮ СЛАВЯНЪ.

---

Давно ли ты, среди грозы военной,  
Тиртей Славянъ на лирѣ вдохновенной  
Побѣду пѣлъ передъ вождемъ побѣдъ,  
И лаврами его означилъ слѣдъ?  
Давно ли ты, воспламененъ героемъ,  
Воспѣлъ его, съ безтрепетнымъ покоемъ  
Сстоящаго предъ трепетнымъ врагомъ?  
О сколь тебѣ прекрасенъ передъ строемъ  
Казался онъ съ израненнымъ челомъ!  
И ты прочелъ, въ священномъ упоеньѣ,  
На семъ челѣ судьбины приговоръ:  
Успѣхъ вождя и пришлеца позоръ  
И ты предрекъ грядущихъ дней явлецье,

Но гдѣ-жъ тобой обѣщанный возвратъ?  
Гдѣ вождь побѣдъ? увы, и старъ и младъ,  
Предупреда дрожащій лучъ денницы,  
Во срѣтенье къ нему не поспѣшатъ;  
Не окружатъ побѣдной колесницы  
И спасшей ихъ отмстительной десницы  
Къ устамъ своимъ не поднесутъ стократъ!  
И каждый шагъ его не огласятъ  
Языкомъ чувствъ, хвалою благодарной;  
Не придетъ сей желанный нами день!  
Внезапно смерть простерла noci тѣнь  
На путь вождя, путь славы лучезарной!  
Спасенья мужъ свой зоркій глазъ смежилъ  
И тѣсный гробъ—великаго вмѣстилъ!  
Обвей свою ты кипарисомъ лиру,  
Тиртей Славянъ! и прахъ; священный міру,  
Да пѣснь твоя проводитъ въ мрачный сводъ  
И тѣнь его, съ безоблачныхъ высотъ  
Склонясь на гласъ знакомыхъ пѣснопѣній,  
Твой будетъ щитъ и вдохновенья геній!

---

## XXIX.

## КЪ КН. ТРУБЕЦКОЙ,

КОТОРАЯ НА БЕРЕГУ ВОЛГИ ПРЕЛЬЩАЛАСЬ ЗВЪЗДОЮ, СЛЮЩЕЙ НА ЧИСТОМЪ НЕБѢ.

---

Какъ ясная звѣзда, прельстившая твой взоръ,  
Свѣтитъ надъ вершиной горъ  
И надъ ватащейся въ безмолвіи рѣкою,  
Молю боговъ всещедрыхъ я,  
Да не мрачится ввѣкъ тоскою  
Безоблачная жизнь твоя!  
И какъ застигнутый пловецъ полночной тьмою,  
Спасительнымъ лучамъ ввѣряся ея,  
Летитъ ко пристани безвредною стезею,  
Такъ нѣкогда да избранный тобою,  
Полнъ благодарности къ судьбѣ,  
Познаетъ къ счастью путь, ввѣряся тебѣ!

---

XXX.

КЪ БАРАНОВОЙ,

НА ПРИСЛАННЫЙ ЕЮ БАНТЪ ДЛЯ КРЕСТА.

---

Герой мнѣ далъ его. Священною цѣною  
Усердность онъ мою въ день битвы увѣнчалъ;  
Ты даръ его своей украсила рукою:  
Отнынѣ мнѣ онъ памятникомъ сталъ  
Геройства съ красотою.



1814 г.



**XXXI.**

**НАДПИСЬ НАДЪ БЮСТОМЪ  
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.**

---

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,  
Какой вѣнецъ ему, какой ему алтарь?  
Вселенная! пади предъ нимъ, Онъ твой спаситель;  
Россія! имъ гордись — Онъ сынъ твой, Онъ твой царь!

---

## XXXII.

## ПОЛЬСКОЙ.

(ПѢСНЬ НА ВЗЯТІЕ ПАРИЖА).

Упалъ на дерзкія главы  
Громъ мести сильной и правдивой:  
Знамена, мстители Москвы,  
Шумятъ надъ Сеной горделивой.  
Возстань, о древній градъ Царей,  
И отряси съ чела туманы,  
Да славою твоихъ дѣтей  
Твои цѣлятся нынѣ раны!

\*  
\* \*

ХОРЪ.

Мы празднуемъ твою днесъ мечь!  
Москва! хвала тебѣ и честь!  
Твои развалины священны, —  
Онѣ гробницей бѣдъ вселенны.

Небесъ въ намъ грозныхъ приговоръ  
Просилъ отъ свѣта жертвы славной;  
Безъ ропота и безъ уворъ  
Склонилась ты главой державной.  
Три дня объятая огнемъ,  
Ты гнѣвъ ихъ ярый утолила;  
Разящій отвратила громъ  
И Небо съ нами примирила.



## ХОРЪ.

Москва! твоихъ развалинъ видъ  
 Краснорѣчивѣй пирамидъ!  
 Онѣ и отдаленныхъ внучать  
 Геройскимъ подвигамъ научать.

Сражень полуденный кумиръ  
 Отъ твердой Сѣвера десницы,  
 Уже сердцамъ свѣтлѣетъ миръ,  
 Какъ послѣ бури лучъ денницы,  
 И съ умиленіемъ къ Москвѣ  
 Народы, жертвы долгой брани,  
 Въ благоговѣйномъ торжествѣ  
 Возносятъ благодарны длани.

## ХОРЪ.

Народы! бичъ вашъ гордый палъ!  
 День отдыха для васъ насталъ!  
 Омыты своею кровью,  
 Связуйтесь миромъ и любовью!

Красуйся славою въ вѣвахъ,  
 Москва! снисхительница міра!  
 Да будетъ вѣкъ въ твоихъ стѣнахъ  
 Обитель счастья и мира!  
 Да процвѣтутъ твои сыны  
 И дѣвы, прелестями вѣнчанны;  
 Да придетъ съ ужасовъ войны  
 Къ тебѣ скорѣй твой Царь желанный!

## ХОРЪ.

Спѣши, о радостный намъ часъ!  
 Да узримъ мы Царя средь насъ!  
 Да отдохнетъ на нашихъ дланяхъ  
 Герой, увѣнчанный во браняхъ!

---

**XXXIII.****МНОГОЛѢТІЕ,**

ПѢТОВЪ ВО ВРЕМЯ УЖИНА, ПРИ ПИТЬѢ ЗА ЗДРАВІЕ ГОСУДАРЯ

---

Многія лѣта, многія лѣта,  
Спасшему царства праведной битвой,  
Славѣ Россіи, радости свѣта!  
Боже! тронися нашей молитвой:  
Спасшему царства праведной битвой,  
Славѣ Россіи, радости свѣта,  
Многія лѣта, многія лѣта!

---

## XXXIV.

## ЭПИГРАММЫ.

## 1.

Двѣ строчки Клитъ стихами написалъ,  
И радъ безъ памяти... Да какъ и быть не раду!  
Онъ, бѣдный, двѣ ночи не спалъ:  
Теперь хотя уснетъ за тяжкій трудъ въ награду.

## 2.

Примѣру слѣдуя ученаго народа,  
Клеонъ спѣшитъ свои творенья въ свѣтъ издать.  
Что противъ этого сказать?  
Пріятно въ кучку всѣхъ дѣтей своихъ собрать,  
Пріятно съ милою семьею обитать;  
Но, по несчастію, въ семьѣ не безъ урода!

## 3.

„За чѣмъ въ трагедіи недавно сочиненной,  
Гдѣ Фирсисъ свой талантъ приноситъ въ даръ вселенной,  
Такъ часто авторъ сей велитъ *трубамъ трубить?*“  
— За чѣмъ? смѣшной вопросъ! — чтобъ зрителей будить.

## XXXV.

ДРЕВНИЕ И НОВЫЕ.  

---

Героя древнихъ лѣтъ, съ почтенной сѣдиной,  
Лавровымъ листвіемъ морщливый лобъ украшенъ  
За то, что онъ врагамъ отечества былъ страшенъ;  
А мы тотъ листъ владемъ на оборокъ свиной.

---

## XXXVI.

КЪ СЛЕЗЛИВОМУ СТИХОТВОРЦУ.  

---

Когда плачевные стихи твои читаю,  
Ты сердисься за то, что слезъ не проливаю.  
Сердиться на меня за то тебѣ грѣшно!  
Виновенъ ли я въ томъ, что плачешь ты смѣшно?

---

## XXXVII.

## НА ПОЭМЫ ВЪ ЧЕСТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

---

Не страненъ ли судьбъ уставъ!  
Пѣвцы Петра—несчастья жертвы:  
Нашъ Пиндаръ кончилъ жизнь, поэмы не скончавъ;  
Другіе живы всѣ, но ихъ поэмы мертвы!

---

## XXXVIII.

## КЪ КОКОШКИНУ И МЕРЗЛЯКОВУ.

---

За Московою, что бывало  
Бѣлокаменной Москвой  
Звали на Руси святой,  
Но гдѣ нынѣ вамней мало  
И бѣлѣтъ снѣгъ одинъ  
На громадахъ обгорѣлыхъ —  
Въ тишинѣ лѣсовъ, долинъ,  
У ручьевъ оледенѣлыхъ  
Не чудакъ и не мудрецъ,  
Но такъ, попросту, бѣглець  
Отъ дурачествъ суетливыхъ,  
И умѣющій тайкомъ,  
Безъ желаній прихотливыхъ,  
Счастливъ быть въ углѣ своемъ,  
И забытый шумнымъ свѣтомъ,  
И почти забывши свѣтъ,  
Молодымъ анахоретомъ  
Поживаетъ вашъ поэтъ!  
Онъ отъ шума устранился  
И заботамъ поклонился —  
Имъ служить ему не въ мочь;  
Но отъ дружбы онъ не прочь.  
И пріятелей съ Парнасса,  
Моліера онъ и Тасса,

Призываетъ въ уголь свой  
Погостить съ нимъ день, другой.  
Филемонъ, какъ мы читаемъ  
Въ лѣтописцѣ всѣхъ чудесъ  
И проказъ жильцовъ небесъ,  
Зевса съ богомъ-краснобаемъ  
Къ удивленью своему  
Угостилъ въ своемъ дому.  
Онъ безъ памяти доволенъ  
Былъ нечаяннымъ гостямъ;  
Каждый здѣсь во вкусахъ воленъ,  
Радъ бы не былъ я богамъ!  
Зевсъ, скажу чистосердечно,  
Долженъ быть тяжелъ подъ часъ;  
А Меркурій, безконечной  
Враль, какъ много ихъ у насъ.  
Изо всѣхъ боговъ, я каюсь,  
И молюсь и поклоняюсь  
Аполлону одному,  
Съ нимъ желалъ бы повидаться,  
Но до сей поры, признаться,  
Глухъ онъ къ зову моему.  
Отъ моленій бесполезныхъ  
Я утѣшиться готовъ,  
Если въ уголь мой любезныхъ  
Дозовусь его пословъ!

---



## XXXIX.

## КЪ МЕЖАКОВУ.

Нѣтъ, нѣтъ, обмановъ соплетатель  
И Музы робкія ласкатель,  
Хотя и складно ты поешь,  
Меня въ вороны не введешь;  
Не каркну я, прельстясь хвалами,  
На смѣхъ лисицѣ и уму:  
Живемъ на бѣломъ свѣтѣ сами  
И знаемъ, вѣрить здѣсь чему.  
Но если бѣ было справедливо,  
Что данъ мнѣ съ неба лестный даръ  
Воспламенить твой духъ лѣнливой  
И пробуждать твой къ пѣнью жаръ,  
Охотно я бы и безъ толку  
Съ утра до вечера все пѣлъ,  
И мой гудокъ бы безъ умолку  
Скрипѣлъ, скрипѣлъ да и скрипѣлъ!  
Доволенъ пользой приносимой  
Нескладнымъ пѣніемъ моимъ —  
Какъ червь, трудящійся незримо,  
Готовитъ рвеніемъ своимъ  
Тотъ шелкъ, который обращенный  
Искусства хитрою рукой

Въ нарядъ, любимый красотой,  
Плѣняетъ взоры изумленны —  
Нестройностью моихъ стиховъ  
Готовилъ бы я пѣсни стройны,  
Которыя гремѣть достойны,  
На пиршествахъ самихъ боговъ.



1815 г.



XL.

КЪ ПОДУШКЪ ФИЛЛИДЫ.

---

Повѣдай тайны мнѣ свои,  
Подушка, смятая Филлидой,  
Пухъ съ горлицъ, вскормленныхъ Кипридой,  
Иль съ легкихъ крыльевъ любви.

Не сказывай, что взоръ встрѣчаетъ,  
Когда покровъ съ себя ночной  
Откинетъ легкою ногой,  
Или зефиръ его сдуваетъ.

Не сказывай ты мнѣ равно,  
Какъ усть прелестныхъ осязаньемъ  
И сладостнымъ она дыханьемъ  
Твое согрѣла полотно.

И самъ Амуръ краснорѣчивый  
Всего бы мнѣ не рассказалъ  
Того, что прежде угадалъ  
Мечтою я нетерпѣливой.

Нѣтъ, нѣтъ! повѣдай мнѣ сперва,  
Какъ часто съ робостію скромной  
Любви восторговъ шепчетъ томно  
Она волшебныя слова!

Скажи мнѣ, сколько слезъ уборы  
И ревности упало слезъ  
Въ тебя, когда я вѣткой розъ  
Украшилъ грудь Элеоноры.

На-дняхъ украдкою въ тѣни  
Она меня поцѣловала:  
Ты видишь — ты любимъ, сказала,  
Но отъ меня самой храни.

Въ огнѣ желаній, упоенья  
Невинности не оскорбилъ,  
Я отказался наслажденья,  
Но я надежду сохранилъ.

Я тутъ съ Филлидою разстался.  
Скажи, могла ль она заснуть?  
Скажи, какъ трепетала грудь,  
Какъ вздохъ за вздохомъ вырывался?

Дѣвица въ поздніе часы  
Подъ завѣсомъ не столь таится:  
Душа ея нагая зрится,  
Какъ и открытыя красы.

Другимъ бы можетъ-быть скорѣе  
Пристало тайны знать твои,  
Но изъ повлонниковъ любви  
Достойнѣй тотъ, кто всѣхъ нѣжнѣе.

Когда, ущедренный судьбою,  
Я при тебѣ къ груди своей  
Прижму ее и робость въ ней  
Я поцѣлуемъ усвокою?

Вечоръ мнѣ руку подала,  
Затрепетала и вздохнула;

Ты завтра приходи! шепнула  
И, зараснѣвшись, отошла.

О, боги! можно ли мнѣ льститься?  
Прелестной вѣрить ли судьбѣ?  
Подушка! вечеромъ къ тебѣ  
Приду отвѣта допроситься.

---

## XLI.

ВЕСЕННЕЕ УТРО.  

---

По зыбкимъ, бѣлымъ облакамъ  
Горятъ пылающія розы,  
Денницы утреннія слезы  
Блестятъ, какъ жемчугъ по лугамъ,  
И съ пышной липы и березы  
Душистый вѣтъ ошмѣямъ!

Разлитое струями злато  
Волнуется на темяхъ горъ,  
Садовъ богини вѣрный дворъ —  
Зефировъ легкихъ рой крылатый —  
Летитъ на сотканный коверъ  
Рукою Флоры тароватой.

Насталъ любви условный часъ,  
Часъ сладострастья, часъ желаній.  
Спи, Аргусъ, подъ крыломъ мечтаній!  
Не открывай, ревнивецъ, глазъ!  
Красавицы! звѣзда свиданій,  
Звѣзда Венеры будитъ васъ.

Оставь ты одръ уединенный,  
Услышь, о Дафна, друга зовъ!  
Накинь свой утренній покровъ,  
И матери непробужденной



Оставь неблагоклонный кровъ,  
Восторгами не освященный.

Приди ко мнѣ! Насъ въ рощахъ ждетъ  
Подъ сѣнь таинственнаго свода  
Теперь и нѣга, и свобода;  
Птиць ожилъ хоръ и шопоть водъ,  
И для любви сама природа  
Отъ сна, о Дафна, возстаетъ!

---

## XLII.

КЪ СОФЬѢ.  

---

Ты тьму различностей въ себѣ соединяешь:  
Какъ ангелъ хороша, какъ духъ насъ мучишь злой,  
Ты именемъ своимъ о *мудрости* вѣщаешь  
И до безумія плѣняешь красотой.

---

## XLIII.

## ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

ГР. СОФІИ АЛЕКСѢЕВНѢ МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ.

---

Чего мнѣ пожелать, прелестная Софія,  
На новый годъ тебѣ? Напрасно бы искать!  
Пускай отъ Неба ждуть даровъ себѣ другіе,  
Тебѣ ужъ нечего желать.

---

## XLIV.

## КЪ НЕЙ ЖЕ.

Любуясь на дняхъ собою,  
Амуръ предъ зеркаломъ стоялъ,  
И отъ роду своей красою  
Еще онъ такъ доволенъ не бывалъ.  
Но хвастунишва ошибался:  
Онъ былъ передъ простымъ стекломъ,  
И Софьи красотой плѣнялся,  
Къ стеклу подвравшейся тайкомъ.

---

## XLV.

## КЪ ПАРТИЗАНУ-ПОЭТУ.

Давыдовъ, баловень счастливый  
Не потаскушви той слѣпой,  
Податливой и вдругъ свѣсивой,  
Вертящей мѣръ своей клюкой,  
Предъ воюю народъ трусливый  
Поникъ просительной главой,—  
Но Музы острой и шутивой  
И Марса, враго въ бояхъ.  
Пусть грудь твоя, противнымъ страхъ,  
Не отливается игриво  
Въ златистыхъ и цвѣтныхъ лучахъ,  
Какъ радуга на облакахъ;  
Но мнѣ твой усъ краснорѣчивой,  
Вращенный, завитой въ поляхъ  
И дымомъ брани окуренный,  
Повѣствователь неизмѣнный  
Твоихъ набѣговъ удамыхъ  
И ухарскихъ врагамъ привѣтовъ,  
Колеблющихъ дружины ихъ;  
Пусть генеральскихъ эполетовъ  
Не вижу на плечахъ твоихъ,  
Отъ коихъ часто поневолѣ  
Вздываются плеча другихъ.  
Не всѣ быть могутъ въ равной долѣ,  
И жребій съ жребіемъ не схожъ:

Иной, безстрашный въ ратномъ полѣ,  
 Застѣнчивъ при дверяхъ вельможъ;  
 Другой, застѣнчивый средь боя,  
 Съ непоколебимостью героя  
 Вельможей осаждаеть дверь;  
 Но не тужи о томъ теперь.  
 На барскую ты половину  
 Ходить съ поклономъ не любилъ,  
 И скромную свою судьбину  
 Ты благородствомъ озлатилъ;  
 Врагамъ былъ грозенъ не по чину,  
 Другьямъ ты не по чину милъ.  
 Слѣши въ объятя ихъ безъ страха  
 И, въ соприсутствіи намъ Вакха,  
 Съ друзьями здѣсь возобнови  
 Союзъ священный и прекрасный,  
 Союзъ и братства, и любви,  
 Судьбѣ могущей неподвластный.

Гдѣ чаши свѣтлаго стекла?

Пускай ихъ рядъ, въ сей день счастливый,  
 Уставить грозно и свѣсиво  
 Обширность круглаго стола,—  
 Сокрытый въ нихъ рукой цѣлебной,  
 Даръ благодатный, даръ волшебный  
 Благословеннаго *Аи*  
 Кипить, бьетъ искрами и цѣной—  
 Такъ жизнь кипить въ молодые дни...  
 Тамъ за столомъ непринужденно  
 Родятся искры острыхъ словъ,  
 Другъ друга гонять, упреждаютъ,  
 И, загорѣвшись, угасаютъ  
 При шумномъ смѣхѣ остряковъ.  
 Ударимъ радостно и смѣло  
 Мы чашу съ чашей въ звонкій ладъ;  
 Но твой, Давыдовъ, бѣглою взглядъ  
 Окинулъ кругъ друзей веселой,

И, среди насъ осиротѣлый,  
Ты въ чашѣ грустно приступилъ,  
И вздохъ невольный и тяжелый  
Поверхность чаши заструилъ.  
Вздохъ сердца твоего мнѣ внятень,  
Онъ скорбной траты тайный гласъ,  
И сей бродящій взоръ понятень—  
Онъ ищетъ Бурцова средь насъ.  
О Бурцовъ, Бурцовъ! Честь гусаровъ,  
По сердцу Вакха человекъ!  
Ты не поморщился вовѣкъ  
Ни съ блеска сабельныхъ ударовъ,  
Блестящихъ надъ твоимъ челомъ,  
Ни съ разогрѣтаго арава,  
Желтѣющаго за стекломъ  
При дымномъ пламени бивака.  
Отъ сиротствующихъ пировъ  
Ты былъ оторванъ смертью жадной;  
Такъ рѣзкій вѣтръ, посоль снѣговъ,  
Въ борьбѣ съ лозою виноградной,  
Красой и гордостью садовъ,  
Срываетъ съ корнемъ, повергаетъ,  
И въ ней надежду убиваетъ  
Усердныхъ Вакховыхъ сыновъ.

Не удалось судьбой жестокой  
Ударить робко чашей мнѣ  
Съ твоею чашею широкой,  
Всегда потопленной въ винѣ.  
Я не видалъ ланить румяныхъ,  
Ни на челѣ слѣдовъ багряныхъ  
Побѣдъ, одержанныхъ тобой;  
Но здѣсь, за чашей круговой,  
Клянусь Давыдовымъ и Вакхомъ,  
Пойду на холмъ надгробный твой  
Съ благоговѣніемъ и страхомъ;

Водяныхъ слезъ я не пролью,  
Но свѣжимъ плющемъ холмъ украшу,  
И, опрокинувъ полную чашу,  
Я жажду праха утолю;  
И мой рѣзецъ, въ рукѣ дрожащій,  
Изобразить отъ сердца стихъ:  
„Здѣсь Бурцовъ, другъ пировъ молодыхъ,  
„Сномъ вѣчности и хмѣля спящій.  
„Любилъ онъ въ чашахъ видѣть дно,  
„Врагамъ казать лицо средь боя:  
„Почтите падшаго героя  
„За честь, отчизну и вино“.

---

## XLVI.

## ЭПИГРАММА.

Крезъ богатѣеть каждый годъ  
 И скупость каждый годъ его сильнѣе мучить.  
 Бѣда, какъ новое наслѣдство Крезъ получить:  
 Онъ съ голоду умретъ!

## XLVII.

## КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Гонители моей невинной лѣни,  
 Ко мнѣ и льстивые, и строгіе друзья,  
 Благодарю за похвалы и пени—  
 Но не лѣнивъ, а остороженъ я.  
 Пускай, довольствуясь быть знаемъ въ кругѣ маломъ,  
 Я ни однимъ еще не завладѣлъ журналомъ,  
 И, пальцемъ на меня указывая, свѣтъ  
 Не говорятъ: вотъ записной поэтъ!  
 Но признаюсь, хотя и лестно, а робѣю:  
 Легко, не согласясь съ способностью моею,  
 Обогащать, друзья, себѣ и вамъ на зло  
 Писателей дурныхъ богатое число.  
 Немало видимъ мы въ поэтахъ жертвъ несчастныхъ  
 Успѣха перваго и первой похвалы;



Для нихъ день ясный былъ предтечей дней ненастныхъ,  
 И вѣтръ, сорвавъ съ береговъ, ихъ бросилъ на скалы.  
 Притомъ, хотя онѣ безсмертнаго рожденья,  
 Но музы—женщины—не нужно объясненья!  
 Смѣшонъ, кто съ первыхъ ласкъ имъ ввѣриться готовъ;  
 Какъ часто васъ онѣ коварно задираютъ,  
 Когда вы ихъ не ищете даровъ;  
 А тамъ еще стократъ коварнѣй покидаютъ,  
 Когда вы, соблазнясь притворной лаской ихъ,  
 Владычицъ видите въ нихъ и богинь своихъ!  
 Смотрите—не искать тому примѣровъ дальнихъ:

Мы здѣсь обружены толпой

Обманутыхъ любовниковъ печальныхъ.

Не знавшись съ музами, они бѣ цвѣли душой,

И въ нѣгѣ тишины цвѣлбной

Лишь мимоходомъ знали бѣ трудъ!

Но первый ихъ экспромтъ разрушилъ мѣръ волшебной  
 И рѣмы коршуны, въ нихъ впившись, ихъ грызутъ.  
 Быть можетъ, удалось брылатымъ вдохновеньемъ  
 И мнѣ подчасъ склонять на робкой гласъ пѣвца  
 Красавицъ, внемлющихъ мнѣ съ тайнымъ умиленьемъ,  
 Иль на бѣду его счастливымъ выраженемъ  
 Со смѣхомъ сочетать прозваніе глупца.

И смерть пускай его предасть забвенью, злобѣ,

Мой дѣятельный стихъ его и въ дальнемъ гробѣ

Преслѣдуетъ, найдетъ, потомству воскреситъ,

И внуковъ памятью о дѣдѣ разсмѣшитъ!

Иль смѣлою рукой младую лиру строя,

Быть можетъ, съ похвалой я пѣлъ Царя-героя,

И такъ и быть—здѣсь вамъ шепну на всякій страхъ,

Быть можетъ, больше я и въ четырехъ стихахъ

Сказалъ о немъ, чѣмъ сонмъ лже-Пиндаровъ надутыхъ

Въ громадахъ пресловутыхъ

Ихъ одъ торжественныхъ, гдѣ торжествуетъ вздоръ,

И мать счастливая увѣнчаннаго сына

(Награда лестная, завидная судьбина!)

Привѣтливый на нихъ остановила взоръ.  
 Я праведно бы могъ гордиться въ упоеньи;  
 Но строгій для другихъ, иль буду къ одному  
 Я снисходителенъ себѣ, на смѣхъ уму?  
 Нѣтъ, нѣтъ! опасное отвергнувъ обольщенье,  
 Удачу не сочту за несомнѣнный даръ;  
 И Рубанъ при одномъ стихѣ вошелъ въ храмъ славы.  
 И въ наши, можетъ, дни (чѣмъ не шутилъ лукавый?)  
 Порядочнымъ стихомъ обмолвится Гашпаръ.

О, дайте мнѣ, друзья, подъ безмятежной тѣнью,  
 Куда укрылся я отъ шума и отъ грозъ,  
 На ложѣ сладостномъ изъ маковъ и изъ розъ,  
 Разостланномъ счастливой лѣнью,  
 Понѣжиться еще въ безвѣстности своей!  
 Успѣховъ просить умъ, а сердце счастья просить!  
 И самолюбія ножъ острый часто носить  
 Весенніе цвѣты молодыхъ и красныхъ дней.

Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я, что бъ мнѣ ни обѣщали,  
 Блаженнымъ Скюдери не буду подражать!

Чтобъ болѣе меня читали,  
 Я стану менѣ писать.

---

## XLVIII.

КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Ты правъ, любезный Пушкинъ мой,  
 Съ людьми ужиться въ свѣтѣ трудно!  
 У каждаго свой вкусъ, свой судъ и голосъ свой;  
 Но пусть невѣжество—талантовъ судіей—  
 Ты смѣйся—и молчи... Роптанье безразсудно!  
 Грудистыхъ кривуновъ, въ которыхъ разумъ скудной  
 Запасомъ дерзости съ избыткомъ замѣненъ,  
 Перекричать нельзя; языкъ ихъ—брань, искусство—  
 Пристрастьемъ заглушать священной правды чувство,  
 А демонъ зависти—ихъ мрачный Аполлонъ!  
 Но ихъ безвредное, смѣшное вѣроломство  
 Въ борьбѣ съ талантами не можетъ устоять;  
 Какъ волны отъ скалы, оно несется вспять!  
 Что вѣкъ зоила? день! Вѣкъ генія? потомство.  
 Учись! здѣсь Карамзинъ, честь края своего,  
 Сокрывшихся вѣковъ отважный собесѣдникъ,  
 Наперсникъ древности и Ливія наследникъ,  
 Не знаетъ о врагахъ, шипящихъ вѣругъ него.  
 Пускай дурачатся! Гордись рукоплесканьемъ  
 Сотрудниковъ своихъ. Ихъ рѣчи—тщетный звонъ!  
 Не примѣчая ихъ, наказываетъ онъ  
 Витійственный ихъ гнѣвъ убійственнымъ молчаньемъ.

Такъ путникъ посреди садовъ,  
 Любуясь зеленью и свѣжими цвѣтами,

Не видитъ подъ травой ползущихъ червяковъ,  
Ихъ топчетъ твердыми ногами,  
И далѣе идетъ, не думая о нихъ.  
Оставимъ сихъ слѣпцовъ; ихъ сумрачныя очи,  
Привыкшія ко тьмѣ, бѣгутъ лучей дневныхъ;  
И, пожелавъ имъ доброй ночи,  
Сзовемъ къ себѣ друзей своихъ  
Стихи читать, не зачитаться,  
Поговорить и посмѣяться  
На свой, подъ часъ и счетъ другихъ;  
Но только съ тѣмъ, чтобъ осторожно!  
И въ дружескомъ кругу своемъ,  
Повѣрь, людей еще найдемъ,  
Съ которыми ужиться можно.

---

## XLIX.

ЭПИГРАММЫ.  

---

## 1.

Уѣздный врачъ, Эрастъ, въ часы свободы  
Отъ должности убійственной своей,  
Съ недавнихъ поръ пустился въ переводы.  
Эрастъ! дивлюсь я твердости твоей.  
Иль мало перевелъ въ уѣздѣ ты людей?

## 2.

Подъ камнемъ симъ лежитъ Надалъ  
Который цѣлый вѣкъ картавилъ,  
И ничего не досказалъ;  
Вѣкъ цѣлый публику забавилъ,  
И никого не забавлялъ,  
И томовъ шесть стиховъ оставилъ,  
О коихъ лишь Всевѣдецъ зналъ.

---

L.

## МАДРИГАЛЫ.

1.

Е. Н. К.

Веселый нравъ, для сердца взглядъ опасный,  
Умъ, предразсудкамъ непричастный,  
И красоту души природа вамъ дала,  
Какъ мать нѣжная, сказавши съ умилениемъ:  
Будь такъ же счастлива, какъ будешь ты мила,  
Будь общества душой и ближнимъ утѣшениемъ!

2.

Е. А. Г.

Глаза у васъ прелестные, согласенъ!  
Вы шутите и судите умно,  
И ваша вистъ и голосъ вашъ прекрасенъ,  
И, словомъ, вамъ все, кажется, дано;  
Но, признаюсь, въ порокъ обвиняетъ  
И васъ одномъ судъ строгія молвы:  
Въ васъ сердце, я слыхалъ, любви не знаетъ;  
Спознайтесь съ ней, и совершенны вы!

## 3.

Настасьѣ Павловнѣ Мансуровой.

Притворство, лесть противны, знаю, вамъ!  
Хоть, Аполлоновъ жрецъ, и я не друженъ съ ними,  
Я, право, не люблю давать моимъ стихамъ  
Быть въ ссорѣ съ чувствами моими;  
Мнѣ правды святъ языкъ, а если и солгу,  
Такъ, видно, иначе ужъ сдѣлать не могу!  
Но, съ вами говоря, мнѣ дѣла нѣтъ до басенъ,  
До вымысловъ, до лести дѣла нѣтъ;  
Когда я васъ хвалю, я съ истиной согласенъ —  
Я живописецъ, не поэтъ!

---

## ЛІ.

• КЪ ЕЛЬМИНЪ.  

---

Ельмина! ты собой прекрасна!  
Умна, добра и весела,  
Съ лицомъ душа твоя согласна,  
Лицомъ, какъ и душой, мила.  
Въ своихъ пріятныхъ разговорахъ  
Мѣшаешь разумъ съ остротой.  
Ельмина! Ты мила въ уборахъ,  
Мила и собственной красой.  
Плѣнять есть твой удѣлъ безспорный,  
Лети хоть въ Кяхту, хоть въ Парижъ —  
Найдешь вездѣ сердца поворны,  
Найдешь — взоръ бросишь, побѣдишь.

---



## III.

## КОГДА.

Когда утихнуть дни волненья,  
 И яснымъ днямъ придетъ чреда?  
 Разсѣется звѣздой спасенья  
 Кровавыхъ облаковъ града—  
 Когда, когда?

Когда воскреснуть добры нравы,  
 Уснетъ и зависть, и вражда?  
 Престанутъ люди для забавы  
 Желать взаимнаго вреда—  
 Когда, когда?

Когда корысть, не зная страха,  
 Не будетъ въ храминахъ суда?  
 И въ погребахъ, въ прирѣвнѣ Вакха,  
 Вино размѣшивать вода—  
 Когда, когда?

Когда поэты будутъ скромны,  
 При счастья глупость не горда,  
 Красавицы не вѣроломны,  
 А дружба въ бѣдствіяхъ тверда—  
 Когда, когда?

Когда очистится съ Парнасса  
 Невѣрныхъ злобная орда,

И диваго ея Пегаса  
Смирить надежная узда—  
Когда, когда?

Когда на языкѣ любовномъ  
Нѣтъ будетъ *нѣтъ*, да будетъ *да*,  
И у людей въ согласьи ровномъ  
Расти съ разсудкомъ борода—  
Когда, когда?

Когда не по полу прихожей  
Стезю проложить въ господа,  
И будетъ вывѣска вельможей  
Высокій духъ, а не звѣзда—  
Когда, когда?

Когда газета позабудетъ  
Людей морочить безъ стыда,  
Суббота отрицать не будетъ  
Того, что скажетъ среда—  
Когда, когда?

---

## LIII.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.  

---

Кинемъ печали!  
Боги намъ дали  
Радость на часъ;  
Радость отъ насъ  
Молній быстрѣ  
Быстро парить,  
Птичекъ рѣзвѣ  
Рѣзво летить.  
Неумолимой  
Неумолимъ,  
Невозвратимой  
Невозвратимъ.

Утромъ гордится  
Роза красой,  
Роца живится  
Утромъ росой.  
Вѣтеръ не смѣетъ  
Тронуть листовъ,  
Флора лелѣетъ  
Прелесть садовъ.  
Въ вечеръ прелестной

Вянетъ цвѣтокъ.  
Други! безвѣстно  
Свольво намъ ровъ  
Жизни отложить;  
Вечерь, быть можетъ,  
Нашъ не далекъ.

---

## LIV.

## ПРЕКРАСНОЙ ИТАЛЬЯНКѢ.

Римляне древнѣе землѣ законъ писали;  
Римляне нашихъ дней покорствуютъ понамъ;  
Но въ даръ тебѣ судьбы даръ предковъ ниспослали.  
Прекрасная! твой взглядъ даетъ законъ сердцамъ.

---

## LV.

## ГУСЬ И ЗМѢЯ.

## БАСНЯ.

(Изъ Ириарта, испанс. поэта)

Ну былъ ли кто, когда,  
 Щедрѣе надѣленъ меня рукой природы?  
 Кричалъ свѣсивый гусь на берегъ пруда:  
 Поворны и земля, и воздухъ мнѣ, и воды.  
 Все дѣлаю, что́ бѣ я ни захотѣлъ;  
 Препятствій нѣтъ моей непостоянной волѣ!  
 Наскучилъ плавать? полетѣлъ;  
 Наскучилось летать? прогуливаюсь въ полѣ.  
 — Къ чему изволишь, гусь, такъ величать себя?  
 Съ насмѣшкой хвастуну змѣя,  
 Подкравшись, просвистала,  
 Оленьяго, мой другъ, въ тебѣ проворства нѣтъ,  
 Съ полетомъ сокола не равенъ твой полетъ;  
 А щука о тебѣ на двѣ и не слыхала!  
 И такъ совѣтую смиреннѣхоньво сидѣть.  
 И милости твоей я доложу: не трудно  
 На все видаться безразсудно,  
 Но трудно въ чемъ-нибудь успѣть.  
 Поэтъ! нѣтъ, нѣтъ! Риомачъ! нашъ трагикъ, нашъ сатирикъ,  
 Нашъ баснословъ, нашъ лирикъ,  
 Назвать тебя остерегусь,  
 Но на ухо тебѣ шенну: ты тотъ же гусь!

## LVI.

## ПОЭТИЧЕСКІЙ ВѢНОКЪ ШУТОВСКАГО.

## 1.

Въ комедіяхъ, сатирахъ Шутовскаго  
Находимъ мы веселость словаря,  
Затѣйливость мѣсяцеслова,  
И соль, и волость буквара.

## 2.

Напрасно, Шутовской, ты отдыха не знаешь,  
За неудачами отъ неудачъ спѣшишь:  
Комедіей друзей ты плавать заставляешь,  
Трагедіей ты зрителей смѣшишь.

## 3.

Когда затѣйливымъ перомъ,  
Забавникъ Шутовской, шутя, *Состодовъ* ссорилъ,  
Самъ не на шутку онъ, Богъ вѣсть, за что повздорилъ  
Съ партеромъ, вкусомъ и умомъ.

## 4.

*Коварный, Новый Стернь, Шиши!*  
Они незрѣлый плодъ творца,  
Но *Полубарскія Затты*  
Затты полнаго глупца.

## 5.

Напрасно говорятъ, что грѣшника черты  
 Доносятъ намъ, какъ онъ раскаяньемъ замученъ,  
 Смотрите: какъ румянъ и тученъ  
 Убійца *Сироты*.

## 6.

Вольтеръ насъ трогаетъ *Китайской Сиротой*,  
 И тѣмъ весельчаковъ заслуживаетъ пени;  
 Но слезы превратилъ въ забаву *Шутовской*:  
 Онъ изъ трагедіи удачною рукой  
 Китайскія подѣлалъ тѣни.

## 7.

Съ какою легкостью свободной  
 Играешь ты въ стихахъ природой и собой,  
 Ты въ *Шубахъ* Шутовской холодной,  
 Въ *Водахъ* ты Шутовской сухой.

## 8.

Когда при свистѣ креслъ, партера и райка,  
 Торжественно сошелъ со сцены твой *Коварный*,  
 Вيني себя, и впредь готовься не слегка.  
 Ты выбралъ для себя предметъ неблагодарный:  
 Тебѣ ли рисовать коварнаго портретъ?  
 Чистосердеченъ ты, въ тебѣ коварства нѣтъ.  
 И каждый, кто прочтетъ трудовъ твоихъ собранье,  
 Или послушаетъ тебя минуты двѣ,  
 Увидитъ, какъ насквозь: въ душѣ вредить желанье  
 И неспособность въ головѣ.

## LVII.

## ЛИПЕЦКІЯ ВОДЫ.

## 1.

— Каковъ ты? Что-то все не спится,  
Хоть пью лѣкарства по ночамъ.  
Чтобъ отъ бессонницы лѣчиться,  
Отправься къ Липецкимъ водамъ.

## 2.

— Каковъ ты? Пламя потаенно  
Жжетъ кровь мою на зло врагамъ.  
Чтобъ просвѣжиться совершенно  
Отправься къ Липецкимъ водамъ.



## LVIII.

## ПѢСНЬ

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

---

Раздайся пѣснь хвалы межъ Русскими сынами!  
 Да гласы радости сольются въ звучный хоръ,  
 Отъ гордыхъ чель Кавказскихъ горъ  
 До водъ Двины, кипящей льдами.  
 Сей день—день счастья Россіанъ:  
 Монархъ-Герой намъ небомъ данъ.  
 Да оживетъ восторгъ, и струны лиръ отгрянутъ,  
 И громъ раздастся ихъ на берегахъ Москвы!  
 Кремля столѣтнія главы,  
 Отринувъ мракъ, при немъ воспрянутъ.  
 Сей день—день счастья Россіанъ:  
 Монархъ-Герой намъ небомъ данъ.  
 Россія! въ небесамъ въ сей день неси молитвы!  
 Сей день со славою твоею сопряженъ;  
 Залогъ блаженства въ мирѣ онъ,  
 Залогъ побѣды онъ средь битвы;  
 О Царь! дни долгіе живи  
 Подъ сѣнью славы и любви.

---

## LIX.

## НА ОТКРЫТІЕ

ВЪ МОСКВѢ ДОМА РОССІЙСКАГО БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ.

---

Угасъ Перунъ, умолянулъ бой,  
И мщенье грозное почло,  
И мужество предъ красотой  
Доспѣхи бранные сложило.

Сокройся мечъ, дымящійся въ крови!  
Довольно жертвъ свирѣпой славы.  
Насъ призываетъ гласъ забавы  
Во храмъ веселья и любви.

Сберитесь войны, сберитесь дѣвы юны,  
И пѣсню радости воспламенятся струны.

Устала жадная война  
Сбирать въ строяхъ съ героевъ дани.  
Недвижны наши знамена,  
Побѣдъ предтечи въ полѣ брани.  
Умчалась ночь кровавая войны,  
И надъ воспрянувшей Москвою,  
Одѣто счастья зарею  
Восходить утро тишины.

Сберитесь войны, сберитесь дѣвы юны,  
И пѣсню радости воспламенятся струны.

Съ звучащихъ радостію лиръ  
 Несется въ пѣсняхъ гласъ свободы!  
 Вселенная—обширный пиръ,  
 Семейство братіевъ—народы.

Союзъ Царей!—любви святой союзъ!

Уснули ненависть и мщенье,—  
 Все празднуетъ освобожденье  
 Отъ бремени позорныхъ узъ.

Стекитесь храбрые, отечества ограда!

Здѣсь дѣвы красоты; ихъ взглядъ—побѣдъ награда.

Давно ли здѣсь звучала брань,  
 Смерть по развалинамъ бродила?  
 Враговъ неистовая длань  
 Съ убійствомъ пламень разносила?

И снова днесъ веселья слышенъ зовъ

Во храмъ, искусствомъ обновленный,  
 Мечемъ побѣды отомщенный  
 За дерзкій умыселъ враговъ.

Достойные сыны полунощной державы,

Почійте средь забавъ отъ бури бранной славы!

Вашъ подвигъ древность устыдилъ,  
 Потомству будетъ удивленьемъ;  
 Вамъ Царь вождемъ ко славѣ былъ,  
 Народовъ счастье—награжденьемъ.

Хвала! хвала! полунощи сыны!

Сподвижники Царя и мести!  
 Съ стези опасности и чести,  
 Отъ грома пламенной войны,

Спѣшите миръ вкусить, ласкаемы любовью!

Да отдыхаетъ мечъ, въ бояхъ омытый кровью.

Сберитесь стройныя четы,  
 Къ утѣхамъ пѣжнымъ и забавѣ,  
 Несите лавры и цвѣты,  
 Дань юной прелести, дань славѣ.

Да пропадетъ протекшихъ бѣдствій слѣдъ,  
И на развалинахъ столицы  
Взыграютъ мирныя пѣвицы—  
Пророчицы счастливыхъ лѣтъ!

Достойные сыны полунощной державы,  
Почійте средь забавъ отъ бури бранной славы.

---

## LX.

## РУССКІЙ ПЛѢННИКЪ ВЪ СТѢНАХЪ ПАРИЖА.

На брегъ Сены знаменитой,  
Сынъ брани, славою забытый,  
Обезоруженный герой,  
Пѣлъ Русской плѣнникъ въ часъ ночной:  
„Намъ, воины Москвы и чести!  
Удѣлъ завидный данъ судьбой:  
Въ кровавой битвѣ жажда мести;  
Средь бѣдствій твердость и повой!

Врагамъ я отдалъ мечъ булатной,  
Но мечъ, иссѣченный трикратно,  
Былъ кровью дерзкихъ обогреть:  
Глаза подернулъ смерти сонъ.  
О, воины Москвы и чести!  
Товарищъ вамъ не измѣнилъ;  
Считите раны: жажду мести  
Я токомъ крови утолилъ!

Узрю ли васъ, друзья-герои!  
И скоро ли блестящи строи  
Обстанутъ вдругъ надменныхъ стѣнъ?  
Побѣда выкупить мой плѣнъ.

О, войны Москвы и чести!  
 Пройдите дальнія поля!  
 Потухнетъ огонь священной мести  
 Съ позоромъ древняго Кремля!“

Онъ пѣлъ, и берегъ молчаливый  
 Его протяжные отзвывы  
 Изъ края въ край передавалъ,  
 И ропотъ волнъ имъ отвѣчалъ;  
 Туманъ, разлитый надъ рѣкою,  
 При свѣжемъ вѣтеркѣ рѣдѣлъ,  
 И мѣсяцъ долгою струёю  
 Въ волнахъ трепещущихъ блѣднѣлъ!

Денница на небѣ свѣтлѣла,  
 И Сена тихая алѣла,  
 Небесъ рисуя яркій сводъ;  
 Нашъ плѣнникъ въ тишинѣ поетъ:  
 „О, войны Москвы и чести!  
 Пройдите дальнія поля!  
 Потухнетъ огонь священной мести  
 Съ позоромъ древняго Кремля!“

Но вдругъ на брегѣ молчаливомъ  
 Перуны вторятся отзвонкомъ;  
 Шумъ битвы тишину прервалъ,  
 И брегъ безмолвный застоналъ,  
 И въ сердцѣ юнаго героя  
 Шумъ битвы тишину прервалъ,  
 Онъ слышитъ гласъ знакома боя,  
 И въ немъ надежда ожила!

Гдѣ мечъ мой праздный, охладѣлый?  
 Гдѣ конь, въ бояхъ товарищъ смѣлый,  
 Краса Кавказскихъ табуновъ?  
 Онъ, вспомявъ клятву данныхъ словъ:

О, войны Москвы и чести!  
Поетъ при Сенскихъ берегахъ,  
Онъ запылалъ—день ярой мести,  
А въ вашихъ нѣтъ меня рядахъ!

Но битвы шумъ умолю, и Сена  
Зритъ съ гнѣвомъ Русскія знамена  
На красныхъ берегахъ своихъ,  
И рѣзвый вѣтръ колышетъ ихъ.  
О! развѣвайтесь горделиво,  
Знамена, честь Кремлевскихъ стѣнъ!  
Ты, воинъ, встрѣти день счастливый:  
Побѣдой выкупленъ твой плѣнъ!

И на чело отъ ранъ священо  
Онъ шлемъ надвинулъ оперенный,  
Схватилъ рукой горящій мечъ,  
И къ братьямъ простираетъ рѣчь:  
О, войны Москвы и чести!  
Я вашей славы не дѣлилъ,  
Но въ тяжкомъ плѣнѣ чувствомъ мести  
Товарищъ васъ достойный былъ!

---

## LXI.

ЭПИГРАММЫ.  

---

## 1.

Памфилъ забавень за столомъ,  
Хоть часто и на зло разсудку;  
Веселостью обязанъ онъ желудку,  
А памяти умомъ.

## 2.

Сказать о Оирсѣ мнѣнье трудно!  
Его цѣню и такъ и сязъ:  
Съ перомъ въ рукахъ онъ безразсудной,  
А въ разговорѣ онъ дуракъ.

## 3.

Моей рукой ты раненъ былъ слегка,  
Дружокъ! тебѣ остаться бы при этомъ;  
Но вздумалъ ты меня почтить отвѣтомъ:  
Зарѣзала тебя твоя рука.

---



## LXII.

КЪ ПОДРУГѢ.  

---

Отъ шума, отъ раздоровъ,  
Гостинныхъ сплетней, споровъ,  
Отъ важныхъ дураковъ,  
Забавниковъ добучныхъ  
И вѣчныхъ болтуновъ,  
Съ злословьемъ неразлучныхъ,  
Отъ жалкихъ пастушковъ,  
При дамскихъ туалетахъ  
Вдыхающихъ въ сонетахъ;  
Отъ критиковъ-слѣпцовъ,  
Завистниковъ талантовъ,  
Нахмуренныхъ педантовъ,  
Бродящихъ фоліантовъ,  
Богатыхъ знаньемъ словъ;  
Отъ суетнаго круга,  
Что прозванъ свѣтъ большой,  
О милая подруга!  
Укроемся со мной.  
Простись съ блестящимъ свѣтомъ,  
Приди съ своимъ поэтомъ,  
Приди подъ кровъ родной,  
Счастливой и простой,  
Гдѣ счастье неизмѣнно  
И дружбой крыль лишено

Насъ угостить съ тобой!  
Хотя мы жили мало,  
Но въ вихрѣ юныхъ лѣтъ  
Насъ горе испытало,  
И по морю суеть,  
Пловцы неосторожны,  
Мы часто брали ложный  
Путь гибели и бѣдъ  
За вѣрный и надежный,  
Назавшій къ благу слѣдъ.  
И тамъ съ бѣдой встрѣчались,  
Гдѣ мы найти ласкались  
И счастье, и покой.  
О другъ безцѣнный мой!  
Испытанное горе  
Забвенью предадимъ,  
И тревоженій море  
Уступимъ мы другимъ. —  
Даръ рѣдкій, особливой  
Съ небесъ необходимъ,  
Чтобъ управлять счастливо  
На немъ челномъ своимъ.  
Что-жъ дѣлать? не имѣемъ  
Искусства мы сего;  
За то, мой другъ, умѣемъ  
Прожить и безъ него.  
Уже воображенье  
Сближаетъ отдаленье  
Мнѣ тѣхъ счастливыхъ дней,  
Когда уединенье,  
Повой и размышленье  
Смирять души смятенье,  
И усыпать страстей  
Коварное волненье!  
Уже среди полей,  
Украшенныхъ природой,

Я, свергнувъ плѣнь цѣпей,  
Горжусь своей свободой,  
И восхищаюсь ей,  
Какъ плѣнникъ освобожденный,  
Въ отчизну возвращенный  
Отъ вражескихъ береговъ,  
Съ восторгомъ внемлетъ пѣнью  
Знакомыхъ голосовъ,  
И веселится тѣнью  
Родительскихъ дубовъ.  
Уже тебя мечтою  
Я, утренней порою,  
Бѣгущей вижу въ садъ  
Для нѣги и прохлады,  
И флорой и тобою  
Украшенный стократъ!  
Твой утренній нарядъ,  
И скромный и прелестной,  
Межъ зелени древесной  
Блѣдется вдали,—  
Ты все обозрѣваешь:  
Здѣсь мирты поливаешь,  
Гвоздику расправляешь,  
Склоненную къ земли;  
А тамъ тропу отъ спальни  
Къ бесѣдкѣ, у купальни,  
Прокладываешь ты!  
Но воздухъ тмится паромъ,  
И солнце пышетъ жаромъ  
Съ лазурной высоты;  
Тутъ ты работы бросишь,  
И розу мнѣ приносишь—  
Подобіе себя!  
Но, ахъ! могу ли я  
Грядущаго вартину  
Искусною рукой

Представить предъ тобой?  
Нѣтъ! развѣ тѣнь едину  
Тебѣ изобразу;  
Нѣтъ, развѣ половину  
Я радостей сважу,  
Которы насъ встрѣтять,  
Украсятъ и освѣтятъ  
Смиранный нашъ пріютъ!  
Съ чудесной быстротою  
Дни новые бѣгутъ:  
Межь утренней зарею  
И сумрачной порою  
Лишь нѣсколько минутъ  
Сочтемъ, мой другъ, съ тобою!  
Тогда какъ въ тѣхъ домахъ,  
Гдѣ гордость съ суетою  
И подлость, въ поныхахъ,  
Одна передъ другою  
Въ натянутыхъ словахъ  
Невольнo открываютъ  
Всю скуку, что питаютъ  
Въ изношенныхъ душахъ,  
Едва тащится время  
И каждый мигъ, какъ бремя,  
Тягчится на плечахъ.  
Быть можетъ, къ намъ въ обитель  
Заманимъ мы друзей:  
И тишины любитель,  
И младости моей  
Наставникъ и хранитель,  
Безсмертной Кліи сынъ,  
Трудами утомленный,  
Подъ кровъ уединенный  
Придетъ вкусить покой;  
И, можетъ быть, молодой  
Наперсникъ фей и грацій,

Веселый какъ Горацій,  
И сумрачный порой,  
Какъ самый Громобой,  
Въ полуночи ненастной  
Балладою ужасной  
Придетъ насъ восхищать,  
И внемлющихъ безгласно  
И трогать, и пугать;  
А съ нимъ и сладострастной  
Цитерскихъ тайнъ пѣвецъ,  
Тибулль нашъ сладкогласной,  
И гражданинъ, и жрецъ  
Благословенной Книды,  
Отъ Марса и Киприды  
Пріавшій свой вѣнецъ,  
Быть можетъ, въ намъ въ дубравы  
Перенесетъ Тибуръ,  
И сердцемъ Эпикуръ,  
Всѣ обольщенья славы,  
И шумныя забавы  
Столицы между насъ  
Придетъ забыть на часъ.  
О дружба! жизни радость,  
Твою святую сладость  
Изъ дѣтства выше всѣхъ  
Я почиталъ утѣхъ!  
Всегда была ты страстью  
Души моей молодой,  
И трудный путь ко счастью  
Мнѣ проложенъ тобой.  
О дружба! весь я твой.  
И на одрѣ недуга  
Я, въ часъ мой рововой,  
Хочу коснуться друга  
Трепещущей рукой!

И симъ прикосновеньемъ,  
 Какъ будто возрожденъ,  
 Съ надеждой, съ утѣшеньемъ  
 Я встрѣчу смерти сонъ.

---

## LXIII.

## КЪ БАТЮШКОВУ.

---

Мой милый, мой поэтъ,  
 Товарищъ съ юныхъ лѣтъ,  
 Приду я неотмѣнно  
 Въ твой уголь, отчужденной  
 Презрительныхъ заботъ,  
 И шума и хлопотъ,  
 Толпящихся безсмѣнно  
 У Крезовыхъ воротъ.  
 Пусть златомъ не богаты  
 Твоей смиренной хаты  
 Блюстители Пенаты,  
 Тебя не обрекли  
 За шумной колесницей  
 Полубоговъ земли  
 Влечь стопы твои,  
 И въ домъ твой не ввели  
 Фортуны съ вереницей  
 Затѣйливой своей.  
 Пусть у твоихъ дверей  
 Привратникъ горделивой  
 Не будетъ съ булавой  
 Веселости игривой  
 Отказывать, спѣсивой  
 Качая головой;  
 А свукъ — шестерней

Приѣхавшей шумливо  
Съ гостями позѣвать —  
Дверь настезь растворять  
Рукою торопливой!  
И пусть въ прихожей звонъ  
О другъ не доложетъ;  
Но сердце, статья можетъ,  
Шепчетъ тебѣ: вотъ онъ!  
Пусть въ храминѣ опрятной,  
Уютной и пріятной  
Для грацій и друзей,  
Слѣпить не будутъ взоровъ,  
Ни выдѣлка уборовъ —  
Трудъ тысячи людей, —  
Ни бѣлизна фарфоровъ,  
Ни горы хрусталей,  
Сіяющихъ, но бранныхъ,  
Какъ счастье прилѣпленныхъ  
Къ ихъ блеску богачей,  
Фортуны своенравной  
Балованныхъ дѣтей!  
Природа-мать издавна  
Поэтамъ избрала  
Тропинку здѣсь простую,  
Умѣренность благую  
Въ подруги имъ дала.  
Виргилія пріятель,  
Любимый нашъ пѣвецъ,  
Не приторный ласкатель,  
Не суетный мудрецъ,  
Горацій не былъ знатнымъ,  
Подъ небомъ благодатнымъ,  
Тибурскихъ рощъ въ тѣни  
Онъ радостные дни  
Умѣренности ясной  
Съ улыбкой посвящалъ,

Другъ Деліи прекрасной  
Богатства не желалъ.  
И староста Пафоса,  
Дѣвцами Теоса  
При сѣдинахъ увить,  
Не въ мраморныхъ чертогахъ,  
Не при златыхъ порогахъ,  
Угащивалъ Харитъ!  
Стиховъ своихъ игривыхъ  
Мнѣ свитовъ приготовъ,  
Стиховъ краснорѣчивыхъ,  
И пылкихъ и счастливыхъ,  
Гдѣ дружбу и любовь  
Ты сердцемъ вдохновенной  
Поешь непринужденно,  
И гдѣ плѣняешь насъ  
Не громомъ пухлыхъ фразъ  
Раздутыхъ Цицероновъ,  
Не пискотнею стоновъ  
Щедушныхъ селадоновъ,  
Причесанныхъ въ тупей  
И не знобящимъ жаромъ,  
Лирическимъ угаромъ,  
Циндаровъ нашихъ дней!  
Расколомъ въ смертной вазни  
Пряговоренный вкусъ,  
Наставникъ лучшей музъ,  
Исполненный боязни,  
Укрылся отъ враговъ  
Подъ твой счастливый кровъ.  
Да будетъ неотлучно  
Тебя онъ осѣнять,  
Да будетъ охранять  
Тебя отъ шайки скучной  
Вралей, вѣстовщиковъ  
И прозы и стиховъ,



Работниковъ поденныхъ,  
Невѣжествомъ влейменныхъ  
Пристрастія рабовъ!  
Да, убоясь бога,  
Живущаго съ тобой,  
Дверей твоихъ порога  
Не осквернятъ ногой.  
Да упадетъ дорога  
Къ тебѣ, любимецъ мой,  
Сей сволочи безумной,  
И суетной и шумной,  
Толпѣ заботъ лихихъ,  
Какъ будто коршунъ жадной,  
Грызущихъ беспощадно  
Усердныхъ слугъ своихъ.  
Но рѣзвость, но веселья—  
Товарищи бездѣлья—  
И Вакхъ подъ вечеровъ  
Съ Токаемъ престарѣлымъ  
И причетомъ веселымъ,  
Пускай полетомъ смѣлымъ  
Въ твой мчатся уголокъ,  
А тамъ любовь позднѣе  
Пускай въ условный срокъ  
Придетъ къ тебѣ, краснѣя—  
И двери на замокъ!  
О другъ мой! мнѣ ужъ зрится:  
Твой скромный камелекъ  
Тихохонько курится,  
Вокругъ него садится  
Пріятелей кружокъ;  
Они слетѣлись вмѣстѣ  
На дружескій твой зовъ  
Изъ разныхъ всѣ концовъ.  
Здѣсь на почетномъ мѣстѣ  
Почетный нашъ Поэтъ,

Бѣлева мирный житель  
 И равнодушный зритель  
 Приманчивыхъ суетъ,  
 Жуковский, въ ранни годы  
 Горацій-Эпиктетъ.  
 Здѣсь съ берега свободы,  
 Художествъ, чудаковъ,  
 Карриатуръ удачныхъ,  
 Радклифъ, Шекспировъ мрачныхъ,  
 Ростбифа и бойцовъ,  
 Нашъ Сѣверинъ любезный;—  
 Пусть насъ дѣлили бездны  
 Обширныя морей,  
 Но онъ не измѣнился  
 И другомъ возвратился  
 Въ объятія друзей!  
 Питомецъ сладострастья,  
 Другъ лакомыхъ пировъ,  
 Красавицъ и стиховъ,  
 Дитя румяный счастья,  
 И ты, Тургеневъ, къ намъ!  
 И ты, наслѣдникъ Тула,  
 Опасныхъ стрѣлъ глупцамъ  
 Игриваго Катулла,  
 О Блудовъ, нашъ острякъ,  
 Завистниковъ нахальныхъ  
 И комиковъ печальныхъ  
 Непримирымъ врагъ!  
 Кругъ избранный, безцѣнный,  
 Товарищей-друзей!  
 Вамъ дни мои смиренны  
 И вамъ души моей  
 Обѣты сокровенны!  
 Меня не будутъ зрѣть  
 Въ прислужникахъ гордыни,

И не заманить сътъ  
 Меня слѣпой богини!  
 Вамъ, вамъ однимъ владѣть  
 Веселыми годами,  
 Для васъ хочу, и съ вами  
 Я жить и умереть!

## LXIV.

## КЪ НЕФЛОВУ.

Пускай, Нефловъ, свѣтъ толкуетъ,  
 Его намъ толковъ не унять:  
 Счастливъ, кому дано судьбой о нихъ не знать,  
 Умень, кто, зная ихъ, на нихъ покойно плюетъ!  
 Пускай придворный полотѣръ  
 Исшаркалъ городъ весь и дворъ,  
 Чтобъ на пустой болванъ плюмажъ поставить бѣлой:  
 Болванъ изъ подъ него выглядываетъ смѣло.  
 Дуракъ, что ни надѣнь, все тѣмъ-же дуракомъ:  
 На немъ и самъ вѣнецъ дурацкимъ колпакомъ.  
 Пускай риомачъ на зло разсудку  
 Шута изволить сочинять,  
 А намъ скучаетъ не на шутку  
 И предаетъ вѣвамъ послушная печать  
 Его твореній сборъ огромный!  
 Пускай Вздыхаловъ томный  
 Томитъ пастушекъ нѣжный слухъ,  
 Хвалы достоинъ онъ, я смѣло утверждаю  
 Въ пастушескихъ стихахъ онъ пишетъ какъ пастухъ.  
 Нефловъ! никого ни въ чемъ не осуждаю;  
 У всякаго свой умъ, иль, правильнѣй еще,

У всякаго дурачество свое!  
Повѣрь, все къ лучшему судьбы опредѣлили,  
Ты не сердись на глупости людей:  
Глупцы подь часъ намъ умниковъ нужнѣй,  
Безъ нихъ смѣяться-бы забыли.



1816 г.



LXV.

КЪ ОКУНЕВУ.

---

Я получилъ твои стихи съ благодареньемъ,  
Какъ знакъ, что не забылъ о другѣ ты своемъ;  
Читалъ ихъ съ наслажденьемъ,  
Какъ знакъ, что Фебъ глядитъ подъ часъ съ благоволеньемъ  
На нашъ туманный край, обремененный льдомъ.  
Все такъ; но, признаюсь, жалю объ одномъ,  
Что, любовавшись твореньемъ,  
Полюбоваться я не могъ еще творцомъ.

---

LXVI.

МАДРИГАЛЬ.

---

Сбылось мое пророчество предъ свѣтомъ,  
Обмолвился Гашпаръ, и за мои грѣхи  
Онъ доказалъ однимъ изъ трехъ куплетомъ,  
Что можно быть дурнымъ поэтомъ,  
И написать хорошіе стихи.

---

## LXVII.

КЪ КН. ГАГАРИНОЙ

ПРИ ПОСЫЛКѢ ПѢСЕНЬ.  

---

Бездушные стихи мои одушеви  
Волшебнымъ голосомъ, гармоніей небесной,  
Напѣвомъ сладостнымъ любви,  
И тайной прелестью, одной тебѣ извѣстной;  
Ты можешь имъ легко путь въ сердцу проложить  
Очарованіемъ плѣнительнаго пѣнья.

Но отъ коварнаго прельщенья  
Мой добрый геній мнѣ защитникъ долженъ быть,  
Не то, заслушавшись въ минуты восхищенья,  
Тебя не смѣя полюбить,  
Влюблюсь въ свои творенья.

---



## LXVIII.

ЕЪ КН. ШАХОВСКОЙ

ПРИ ПОСЫЛКѢ СТИХОТВОРЕНІЙ ЖУКОВСКАГО.

---

Кому, когда не вамъ, принадлежать творенья  
Пѣвца невинности, любви и красоты?  
Вы оправдали висть его воображенья,  
Одѣли истиной прелестныя мечты.  
Когда онъ воспѣвалъ младую добродѣтель, -  
И непорочность чувствъ, и тайну прелесть глазъ,  
Не зря васъ, онъ былъ вашъ мечтательный свидѣтель,  
Не зная васъ, писалъ для васъ онъ и объ васъ.  
Могуществомъ мечты въ волшебномъ сновидѣннѣ  
Поэтъ васъ угадалъ. Такъ греческій слѣпецъ  
Киприды вѣрное создалъ изображенье.  
Поэту древнему и слава и вѣнецъ!  
Пускай и въ наши дни, изъ розъ и лавровъ свитый,  
Вѣнецъ пріосѣнитъ Жуковскаго главу:  
Счастливейъ его, но менѣ знаменитый,  
Васъ вижу на яву.

---

## LXIX.

КЪ Е. С. ОГАРЕВОЙ.

Ты требуешь стиховъ моихъ,  
Но что достойнаго себя увидишь въ нихъ?  
Языкъ боговъ, языкъ святаго вдохновенья —  
Въ стихахъ моихъ языкъ сухаго поученья.  
Я, строгой истиной вооружая стихъ,  
Быль чуждъ волшебства Музъ и вымысловъ счастливыхъ,  
Въ которыхъ Граціи, соперницы твои,  
По утреннимъ цвѣтамъ любимцевъ горделивыхъ  
Ведутъ, ихъ озаривъ улыбкой въ юны дни.  
Повиновеніе всегда къ тебѣ готово.  
Но что узнаешь ты, прочтя стихи мои?  
Зѣвая, можетъ быть, повѣришь мнѣ на слово,  
Что надъ Славянскими я одами зѣвалъ,  
Что комикъ нашъ Гашпаръ плачь Юнга подорвалъ,  
Что трагикъ нашъ Гашпаръ Скаррона побѣждалъ,  
Что маковымъ вѣнкомъ увѣнчанный межъ нами,  
Сей старецъ юноша, пѣвецъ Анакреонъ,  
Не счастьемъ, не виномъ роскошно усыпленъ,  
Но вялыми стихами,  
Что Сафъ новаго Фаона Богъ привелъ,

Ей въ переводчици убійцу нарекая;  
Что сей на Грея былъ и на разсудокъ золь;  
А тотъ, чтобъ заpastись мѣстечкомъ въ нѣдрахъ рая,  
Водой своихъ стиховъ Вольтера соль развелъ.  
Но мнѣ-ль терзать твое терпѣніе искусомъ,  
И вызывать въ глазахъ твоихъ изъ тьмы гробовъ  
Незнаемыхъ досель ни красотой, ни ввусомъ,  
Смертельной скукою живущихъ мертвецовъ?  
Тебѣ-ль, благихъ боговъ любимицѣ счастливой,  
Рожденной розы рвать на жизненномъ пути,  
Тебѣ ли, небесамъ на зло, мнѣ поднести  
Вѣнокъ, сплетенный мной изъ терніа съ крапивою?  
Когда Мелецкаго иль Дмитріева даръ  
        Питалъ бы творческою силою  
Въ груди моей, какъ пещь таящійся остылой,  
        Безплодный стихотворства жаръ,  
Когда бы прелестей природы созерцатель,  
Умѣлъ я, какъ они, счастливый подражатель,  
Ихъ новой прелестью стиховъ одушевлять,  
Иль тайныхъ чувствъ сердце удачный толкователь,  
Неизъяснимое стихами изъяснять,  
Почувствовавши Музъ святую благодать,  
Пришелъ бы я съ душой, къ изящному пристрастной,  
Природы красотѣ учиться при тебѣ;  
Но, заглядѣвшись на подлинникъ прекрасной,  
Забылъ бы вѣрно я о спискѣ и себѣ.

---

## LXX.

КЪ N. N.

НА СМЕРТЬ ЕГО СЫНА.

Какъ цвѣтъ полуднемъ опаленный  
Цвѣтеть и вянетъ въ тотъ же часъ:  
Ко смерти ранней обреченный  
Твой сынъ на утрѣ дней погасъ.  
Надъ колыбелью и могилой  
Одинъ весенній день всходилъ,  
Почто ему родиться было,  
Когда онъ жить не долженъ былъ?  
Какъ облаво благоуханья  
Кадилъ, пылающихъ въ богамъ,  
Его ты душу въ часъ прощанья  
Ловилъ по трепетнымъ устамъ.  
Тебѣ, на небо отлетая,  
Онъ вздохъ послѣдній передалъ,  
И, нѣжно на тебя взирая,  
Онъ медленно свой взоръ смывалъ.  
Давно ль съ надеждою крылатой  
Носилися твои мечты  
Въ дали грядущаго богатой,  
И въ сынѣ друга видѣлъ ты,

Опору жизни престарѣлой  
Воспомяненья прежнихъ дней,  
И въ юности его веселой  
Замѣну юности твоей?  
Исчезнулъ счастья призракъ милый,  
Какъ легкій сонъ слетаетъ съ вѣждъ,  
И дремлетъ выпарисъ унылой  
Надъ гробомъ всѣхъ твоихъ надеждъ.  
На прахъ съ тобой несу я слезы,  
Онъ горестей ихъ не вкусилъ,  
И съ ними утреннія розы,  
Которыхъ онъ ровесникъ былъ.

---

## LXXI.

## Я ЖДУ ТЕБЯ.

Я жду тебя, когда зефиръ игривой  
Листочки розъ въ часъ утра шевелить,  
Когда луна средь ночи молчаливой  
Вершины горъ и рощей серебрить.

Я жду тебя!

На ложѣ сна, мечтаньемъ обольщенной,  
Ловлю твой взоръ, твой голосъ слышенъ мнѣ;  
Но, пробудясь, прости восторгъ мгновенный!  
Одинъ твержу вновь жалобы однѣ:

Я жду тебя!

Я жду тебя! Но если сердца муки  
Не усладятъ свиданіе съ тобой,  
Въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни грусти, ни разлуки,  
Гдѣ дышетъ все любовію одной,

Я жду тебя!

---

## LXXII.

ПОГРЕБЪ.  

---

Съ Олимпа изгнаны богами,  
Веселость съ истиной святой  
Шатались по свѣту друзьями,  
Людьми довольны и собой;  
Но жизнь бродягъ имъ надоѣла,  
Наскучила и дружбы связь;  
Въ колодезь истина засѣла,  
Веселость въ погребъ убралась.  
На юность вѣчную отъ Грацій  
Съ патентами Анакреонъ,  
И мудрый весельчакъ Горацій  
Къ ней приходили на поклонъ.  
Она ихъ розами вѣнчала,  
И розы дышуть ихъ теперь;  
Она Державину внушала,  
Когда Ковша онъ славилъ дочь;  
Она въ Мелецкомъ воскресила  
На хладномъ сѣверѣ Шолье,  
И съ Дмитревымъ друзей манила  
На скромное житье-бытье.  
И Пиндаръ нашъ, когда сослаться  
На толву искренни повѣсь,

Охотникъ въ погребъ былъ спускаться.  
Чтобъ возноситься до небесъ.  
Почто же нашихъ дней поэты  
Не подражаютъ старикамъ?  
И Музы ихъ, Наяды, Леты,  
Зѣвая, сонъ наводятъ намъ?  
Или, покрывшись облачками,  
Не хочетъ Фебъ на насъ взглянуть?  
Нѣтъ, въ славѣ путь заросъ межъ нами  
За то, что въ погребъ брошенъ путь.  
Отъ принужденья убѣгаетъ  
Подруга рѣзвости, любовь,  
Она въ гостинной умираетъ,  
А въ погребѣ живится вновь.  
У баръ частѣхонько встрѣчаешь,  
Что разумъ замѣненъ виномъ,  
Передъ столомъ у нихъ зѣваешь,  
Но не зѣваешь за столомъ.  
Друзья! вы въ памяти храните,  
Что воды воду лишь родятъ;  
Восторгъ, любовь, вы тамъ ищите,  
Гдѣ расцвѣтаетъ виноградъ.  
О, еслибъ Фебъ имъ въ наказанье  
Мнѣ шайбу водоцѣйца отдалъ,  
Я всѣхъ бы ихъ на покаянье,  
Въ порожній погребъ отослалъ.

---



## LXXIII.

## РАЗБИТАЯ СТАТУЯ.

---

Какой-то властелинъ восточныя земли  
Зритъ статую свою разбитую, въ пыли;  
Онъ, юноша и царь, чему же тутъ дивиться,  
Что былъ въ рѣшеніяхъ своихъ немного скоръ.  
„Смерть дерзкому, вскричалъ, за сей царю позоръ,  
„Онъ кровью долженъ здѣсь со мною расплатиться!  
„Пускай казнятъ его въ присутствіи моемъ.  
„Кто смѣлый сей преступникъ?“ — Громъ.

---

## LXXIV.

## КЪ ПЕРУ МОЕМУ.

Перо мое, давно бродящая рука  
По дѣвственной тебя бумагѣ не водила;  
Дремотой праздности окованы чернила,  
И Муза, притаясь, любимцу ни стишка  
Изъ жалости къ нему и ближнимъ не внушила.  
Я радъ! пора давно разстаться мнѣ съ тобой!  
Что пользы надъ стихомъ чужихъ и свой покой,  
Какъ труженикъ, губить съ утра до ночи темной,  
И теревить свой умъ, чтобъ шуткою нескромной  
Улыбку иногда съ насмѣшника сорвать?  
Довольно безъ меня здѣсь есть кому писать,  
И книжный рядъ моей не алчетъ скудной дани;  
Къ тому-жъ, прощаясь, я могу тебѣ сказать:  
Съ тобой не наживу похвалъ себѣ, а брани;  
Обычай дурень твой, пропасть не долго съ нимъ;  
Не разъ противъ меня ты подстрекало мщенье.  
Рожденный сердцемъ добръ, я бѣ всѣми былъ любимъ,  
Когда бѣ не ты меня вводило въ искушенье.  
Какъ часто я, скрѣпясь, поздравить былъ готовъ  
Иного съ одою, другого съ новой драмой,  
Но ты меня съ пути сбивало съ первыхъ словъ:  
Привѣтствіемъ начну, а кончу эпиграммой.

Что-жъ тутъ хорошаго? Въ посланіяхъ моихъ  
Нескромности твоей доносчикъ—каждый стихъ.  
Всегда я заведенъ болтливостью твоею,  
Все выскажешь тотчасъ, что на сердцѣ имѣю.  
Хочу ли намекнуть объ авторѣ смѣшномъ,  
Вздохаловъ, какъ живой, на остріи твоємъ.  
Невѣждой нужно-ль мнѣ докончить стихъ начатый?  
Любой славянофилъ въ мой стихъ идетъ заплатой.  
И кто мнѣ право далъ, вооружась тобой,  
Парнасской братии быть убійцей-судіей?  
Мнѣ ль, славѣ чуждому, другихъ въ стихахъ безславить?  
Мнѣ ль, бывъ зачинщикомъ неправедной войны,  
Бесовѣстно казнить виновныхъ безъ вины?  
Или могу въ вину по чести я поставить  
Иному кому, что за дурной успѣхъ  
Онъ попытался насъ трагедіей забавить,  
Какъ увѣнчалъ ее единодушный смѣхъ?  
Прямой талантъ деспотъ, и властенъ онъ на сценѣ  
Дать Талии колпакъ, игрушку Мельпоменѣ.  
Иль, вопреки уму, падеть мой приговоръ  
На одѣ торжественныхъ торжественный наборъ,  
Сихъ обреченныхъ жертвъ гостепріимной Леты,  
Которымъ душать насъ бездушные поэты?  
Давно, не мнѣ чета, отъ нихъ зѣваетъ Дворъ.  
Но какъ ни оскорбляй, ризмачъ, разсудокъ здравый,  
Въ глазахъ увѣнчанной премудрости и славы,  
Подъ милостивый онъ подходитъ манифестъ.  
Винovníкъ и вина равно забыты оба;  
Безъ насъ ихъ колыбель стоитъ въ преддверьи гроба;  
Пускай живутъ они, пока ихъ моль не съѣстъ!  
Еще когда бъ, чужихъ ошибокъ замѣчатель,  
Ошибкамъ чуждъ я былъ, не столько бъ я робѣлъ,  
Съ возвышеннымъ челомъ вокругъ себя смотрѣлъ,  
И презрѣнъ былъ-бы мной безсильный непріатель.  
Но утаить нельзя, въ стихахъ моихъ пятно  
Въ угоду критикѣ найдется не одно.

Языкъ мой не всегда бываетъ непорочнымъ,  
 Вкусъ вѣрнымъ, чистымъ слогъ и выраженъе точнымъ.  
 И часто, какъ примусь шутить на счетъ другихъ,  
 Коварно надо мной подшучиваетъ стихъ.  
 Дай только выйти въ свѣтъ, и злоба ополчится,  
 И такъ уже хотѣлъ какой-то доброхотъ  
 Мидасовымъ со мной уборомъ подѣлиться.  
 Дай срокъ, и казни день рѣшительной придетъ, —  
 Обиженныхъ творцовъ, острящихъ въ тайнѣ жалы,  
 Возстанетъ на меня злопамятный народъ.  
 Тамъ бранью закипятъ досужные журналы;  
 А здѣсь, передъ людьми и небомъ обвиня,  
 Смущенный моралистъ бездѣлкою невинной  
 За шутку отомститъ мнѣ проповѣдью длинной,  
 Отъ коей сномъ однимъ избавлюсь развѣ я.

Брань ядовитая — не признакъ дарованья:  
 Насмѣшникъ можетъ быть самъ жертвой осмѣянья.  
 Не тщетной остроюй, но прелестью стиховъ  
 Жуковскій каждый часъ казнить своихъ враговъ,  
 И вкуса, и ума враговъ ожесточенныхъ.  
 Въ твореніяхъ его, безсмертью обреченныхъ,  
 Насмѣшекъ не найдетъ злословцевъ жадный взоръ,  
 Но смѣлый стихъ его блѣднѣющимъ зоицамъ  
 Есть укоризны ножъ и смерти приговоръ.  
 Примѣръ съ него бери; но если не по силамъ  
 Съ его примѣромъ мнѣ успѣхамъ подражать,  
 То лучше до бѣды бумагъ и черниламъ,  
 Перо мое, поклонъ намъ навсегда отдать.  
 Разсторгнемъ нашъ союзъ: въ немъ вредъ намъ неизбежный.  
 Въ бездѣйствіи благомъ покойся на столѣ;  
 О суетѣ мірской забудь въ своемъ углѣ,  
 И будь повѣреннымъ одной ты дружбы нѣжной.  
 Но, если вѣрить мнѣ внушеніямъ ума,  
 Хоть нашъ разрывъ съ тобой и мудръ, и остороженъ,  
 Едва ль не скажетъ тожь и опытность сама.  
 Героевъ зрѣли мы, съ полемъ кровавой бури

Склонившихся подъ сѣнь безоблачной лазури.  
 И въ мирной тишинѣ забывшихъ браней громъ,  
 Витія прошлыхъ битвъ: мечъ праздный со щитомъ  
 Въ обители висѣлъ въ торжественномъ покоѣ;  
 Семейный гражданинъ не думалъ о героѣ.  
 Корысти алчный рабъ, родныхъ береговъ бѣглець,  
 Для злата смерть презрѣвъ средь бездны разъяренной,  
 Спокойный домохозяинъ, богатствомъ пресыщенный,  
 Подъ кровомъ отческимъ встрѣчаетъ дней конецъ.  
 Любовникъ не всегда любовникомъ бываетъ,  
 Опомнится и онъ: оковы разрываетъ,  
 И равнодушно зреть, отступникъ красоты,  
 Коварства новыхъ жертвъ, поклонниковъ мечты.  
 Есть свой чередъ всему — трудамъ, успокоенью,  
 И зоркій опытъ въ слѣдъ слѣпому заблужденью  
 Съ свѣтильникомъ идетъ по скользкому пути.  
 Разсудку возрастъ есть. Но въ лѣтописяхъ свѣта  
 Нашъ любопытный взглядъ едва ль бы могъ найти  
 Отъ ремесла стиховъ отставшаго поэта.  
 Онъ пишетъ, онъ писалъ, онъ будетъ вѣкъ писать;  
 Ни лѣтамъ, ни судьбѣ печати не сорвать  
 Съ упрямаго чела служителя Парнаса.  
 Въ пеленкахъ Аруеть стихами лепеталь,  
 И смерть угрюмую стихами онъ встрѣчалъ;  
 Несчастія отъ Музъ не отучили Тасса;  
 И Бавій нашъ (въ странѣ, гдѣ зла, ни мести нѣтъ  
 О тѣни славныя! свѣтила прежнихъ лѣтъ!  
 Простите дерзкое именъ мнѣ сочетанье)  
 И Бавій, за него предъ небомъ клятву далъ,  
 По гробъ не измѣнитъ ни ризамъ, ни свисткамъ:  
 Вотще насмѣшки, брань и дружбы увѣщанье!  
 Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издастъ послѣдній стихъ.

Такъ видно, вопреки намѣреній благихъ,  
 Хоть Бавія примѣръ и бѣдственъ, и ужасенъ,  
 Но нашъ разрывъ съ тобой, перо мое, напрасенъ.  
 Природа побѣдитъ. И въ самый этотъ часъ,

Какъ проповѣдь себѣ читалъ я въ первый разъ,  
Коварный демонъ рюмъ, злословцамъ потакая,  
И слабый разумъ мой прельщеньемъ усыпляя,  
Безъ вѣдома его, рукой моею водилъ;  
И предъ лицомъ судей съ избыткомъ отягчилъ,  
Повинную главу еще виною новой.  
Съ душою робкою, въ признанію готовой,  
Смиряюсь предъ судьбой, и вновь дружусь съ перомъ,  
Но Бавія въ дали угадываю взоромъ:  
Онъ мѣсто близъ себя, добытое позоромъ,  
Указываетъ мнѣ пророческимъ перстомъ.

---

## LXXV.

## СТИХИ НА ОБЪДѢ БАРОНУ САКЕНУ \*)

13 декабря 1816 г.

---

Друзья, хвала герою!  
При бодрой сѣдинѣ  
Онъ общества душою  
И душегубцемъ на войнѣ.  
Счастливый побѣдитель,  
Онъ славою предводилъ,  
Парижа былъ хранитель,  
Но грозный бичъ Французамъ былъ.

---

---

\*) Впоследствии фельдмаршалу и князю.

## LXXVI.

РАЗГУЛЯЕВСКОМУ ОБЩЕСТВУ,  
КОТОРОЕ ГУЛЯЕТЪ НА ЧУЖОЙ СЧЕТЪ.

На разгуляѣ вы на счетъ мой погуляли,  
 И пополамъ съ грѣхомъ меня оклеветали,  
 Тогда какъ межъ собой, съ весельемъ заодно,  
 Шутили вы, точили сязки,  
 И ждало за столомъ васъ вкусное вино,  
 И жареный судакъ вамъ нѣжно дѣлалъ глазки:  
 Съ болѣзнию я самъ-другъ сидѣлъ, надѣвъ колпакъ  
     И самъ несчастливый судакъ,  
 Латынской кухни рабъ, страдающій отъ боли,  
 Лѣзь въ воду теплую, куда приправой мнѣ  
     Немного отрубей и соли  
     Накинули на днѣ.  
 Нелакомъ былъ мой пиръ; еще скажу въ добавокъ,  
 Что запилъ мокрый ужинъ свой  
 Россійской бузиной, что изъ Латынскихъ лавокъ  
 Принесъ на зло самъ бѣсъ лихой.  
 Измучившись вчерашней банью,  
 Я могъ ли думать, что опять  
 Придется баню мнѣ теперь отъ васъ принять  
 И подбивать меня вамъ вздумается бранью?  
     Краснѣйте отъ стыда



О, злые языки, безжалостныя души  
Напрасно въ бѣшенствѣ и затыкаю уши;  
Но сердцу моему твердятся завсегда  
Досадныя упрёки,  
Какъ безумолчный крикъ сороки,  
Которая одно заладить и кричить,  
Иль какъ трезвонъ стиховъ, какими графъ жестокий  
(По имени Хвостовъ, а ремесломъ пѣтъ)  
Насъ душитъ, давитъ, жжетъ, морозитъ и моритъ.  
Сердить я, признаюсь, мнѣ толковать напрасно,  
Что противъ красоты нѣтъ словъ,  
Что отъ прекрасныхъ все прекрасно,  
И что ихъ судъ есть судъ боговъ:  
Все это хорошо и съ правдою согласно,  
Но я пусть глупъ и безтолковъ,  
А злиться я хочу, и буду, буду злиться!  
И какъ могло въ умѣ вмѣститься,  
Чтобъ я сороку сталъ мѣнять на соловьевъ!  
И чтобъ съ сорокой мнѣ болтливой не сравниться  
И не завратъся отъ сердецъ  
Попробовать хочу я молча побраниться.

---

## LXXVII.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

Давыдовъ! гдѣ ты? что ты? съ роду  
Такихъ проказъ я не видалъ:  
Годъ канулъ въ слѣдъ другому году...  
Или перенимая моду  
Пѣвцовъ конфетъ и опахалъ,  
И причесавъ для нихъ въ угоду  
Желанной музѣ мадригалъ,  
Свяжу: Май два раза природу  
Зеленымъ бархатомъ постлалъ,  
И разогрѣлъ дыханьемъ воду,  
И вѣчныхъ Грацій хороводу  
Рѣзвиться въ рощахъ заказалъ,  
Съ тѣхъ поръ, какъ отъ тебя ни строчки,  
Ни двоеточія, ни точки,  
Хоть на смѣхъ я не получалъ.  
Чѣмъ мнѣ почестъ твое забвенье?  
Теряюсь я въ недоумѣньѣ.  
Иль какъ мундирный идеалъ,  
Подъ ношей тучныхъ эполетовъ,  
Ты вмѣсто рѣчи и отвѣтовъ  
Плечомъ да шпорой говоришь,

И лучшаго пера не знаешь,  
Какъ то, которымъ щеголяешь  
И гордо съ шляпы шевелишь?  
Иль дружба, можетъ быть, въ отставкѣ,  
Отбитая сестрой своей,  
Сидитъ печально на прилавкѣ,  
У непризнательныхъ дверей.  
И для отсутственныхъ друзей  
Помина нѣтъ въ походной ставкѣ  
Непостоянныхъ усачей?  
Ты наслаждайся съ новой гостью,  
Но берегись, чтобъ, наконецъ,  
Плата за хлѣбъ-соль сердца злостью,  
Не захозяничаль жилецъ.  
Иль, можетъ быть, мудрецъ угрюмой,  
На свѣтлое свое чело  
Ты, розамъ радостей на зло,  
Навелъ бразды спѣсивой думы;  
Оцѣнщикъ строгій строгихъ благъ,  
Страшась любви и дружбы пынѣ,  
Отъ двухъ сердечныхъ побродягъ  
Ты держишь сердце въ карантинѣ.  
Чѣмъ не пошутитъ хитрый врагъ?  
Ужъ вѣришь ли моимъ гаданьямъ?  
Сказавъ прости очарованьямъ,  
На зло плѣнительныхъ грѣховъ,  
И упоительнымъ мечтаньямъ  
Весны, веселій и стиховъ,  
Любви призыву ты не внемлешь,  
Но въ клирѣ нравственныхъ пѣвцовъ  
Перо Хераскова приемлешь,  
И мысленно заранѣ дремлешь  
Въ академическихъ вѣнкахъ!  
Въ твоемъ каминѣ, на кострахъ,  
Пылаютъ: красоты угодникъ —  
Роскошной Душеньки пѣвецъ,

Теоса мудрый грѣховодникъ,  
И соблазнительный мудрецъ,  
Наставникъ счастья Горацій;  
И окаяннаго Парни,  
Поклонника единыхъ Грацій,  
Которому и ты сродни  
(Сказать не въ гнѣвъ, а мимоходомъ),  
Ужъ не заставитъ въ оны дни  
Ожить подъ Русскимъ переводомъ.  
Постысь и чувствомъ и умомъ,  
Не знаешь прежнихъ мясоѣдовъ,  
Ни шумныхъ дружескихъ обѣдовъ,  
Ни тайныхъ ужиновъ вдвоемъ,  
Гдѣ съ полночи до ранней зори  
Веселье бодро споритъ съ сномъ.  
Теперь живой memento mori,  
Мороча и себя и насъ,  
Не испугавшись Молиера,  
Играешь ролю лицеѣра;  
Иль можетъ... Но на этотъ разъ,  
Моимъ поклонамъ и догадкамъ  
И стихотворческимъ нападкамъ  
Пора мнѣ положить конецъ.  
Лихаго Бурцова знакомецъ,  
Тройнаго хмѣля будь питомецъ —  
Вина и пѣсенъ и любви;  
Или мудрецъ тяжеловѣсной,  
Свой стихъ веселый протрезви  
Водою нравственности прѣсной —  
До этого мнѣ дѣла нѣтъ:  
Рядись, какъ хочешь, на досугѣ,  
Но мнѣ на голосъ дай отвѣтъ,  
И, помня о старинномъ другѣ,  
Ты будь Денисомъ прежнихъ лѣтъ!

---

## LXXVIII.

## КЪ ОВЕЧКАМЪ.

Овечки милая! какъ счастливъ вашъ удѣлъ!  
Не даромъ вашей мы завидуемъ судьбинѣ!  
Не даромъ васъ въ стихахъ и Теокритъ воспѣлъ:  
Для васъ луга цвѣтутъ, для васъ ручей въ долинѣ  
Съ игривымъ шумомъ льетъ студеныя струи;  
При васъ молодой Лизандръ поетъ природы радость,  
Привѣтствуя разсвѣтъ алѣющей зари;  
Съ какимъ надзоромъ онъ лелѣетъ вашу младость!  
Какъ бережетъ въ тиши родимыхъ мѣстъ!  
А тамъ, какъ вскормитъ васъ, взраститъ рукой прилежной,  
Зажаритъ, и съ пастушкой нѣжной  
Онъ въ праздникъ за обѣдомъ съѣстъ.





1817 г.





LXXIX.

КЪ БАТЮШКОВУ.

---

Шумить по рощамъ вѣтръ осенній,  
Древа стоятъ безъ украшеній,  
Дриады скрылись по дупламъ;  
И разувѣнчанная Флора,  
Воздушнаго не слыша хора,  
Въ печали бродить по садамъ.  
Пѣвецъ любви, поэтъ игривой,  
И Грацій баловень счастливой,  
Стыдись! тебѣ ли жить въ поляхъ?  
Ты-ль будешь въ праздности постылой  
Въ деревнѣ тратить вѣкъ унылой,  
Какъ въ кельѣ дремлющій монахъ?  
Нѣтъ! быть отшельникомъ отъ свѣта—  
Ни славы въ томъ, ни пользы нѣтъ;  
Будь терпѣливъ, приспѣютъ лѣта,  
И самъ тебя оставитъ свѣтъ.  
Теперь, пока еще умильно  
Глядятъ красавицы на насъ,  
И сердце чувствами обильно,  
Знакомо съ счастьемъ подь часъ,  
Пока еще у насъ играетъ  
Живой румянецъ на щекахъ,

И радость съ нами засѣдаетъ  
На шумныхъ Вакховыхъ пирахъ, —  
Не будемъ, вопреки природы  
И гласу сердца вопреки,  
Свой предупреждая годы,  
Мы добиваться въ старивы.  
Доколѣ розъ въ садахъ не тронетъ  
Мертвацией осени рука,  
Любимца Флоры, мотылька,  
Ничто отъ розы не отгонитъ!  
Примѣръ и мы съ него возьмемъ:  
Какъ мотылекъ весною къ розѣ,  
И мы къ веселью такъ прильнемъ,  
Смѣясь времени угрозѣ.  
Ахъ! юностью подорожимъ;  
Въ свое пусть старость придетъ время,  
Пусть лѣтъ на насъ наложитъ бремя,  
На встрѣчу къ ней не поспѣшимъ.  
Любви небеснымъ вдохновеньямъ,  
Забавамъ, дружбѣ, наслажденьямъ,  
Дней нашихъ поручая бѣгъ,  
Судьбѣ предавшись послушно,  
Ея ударовъ равнодушно  
Дождемся мы средь игръ и нѣгъ!  
Когда и смерть къ намъ въ дверь заглянетъ  
Звать въ заточеніе свое,  
Пусть лучше на пиру застанетъ,  
Чѣмъ мертвыми и до нее.

---

## LXXX.

ДОВЕДЬ.  

---

Попавшись въ доведи на шашешной доскѣ,  
Зазналась шашка предъ другими,  
Забывъ, что изъ одной она и кости съ ними  
И на одномъ сработана станкѣ.  
Игрокъ по прихоти смѣнилъ ее другою,  
И продолжалъ игру, не думая о ней.  
При счастья чванство въ прокъ бываетъ у людей.  
Но что скажите въ немъ, какъ счастье къ намъ спиною?  
О доведи-временщики  
На шахматномъ паркетѣ!  
Не забывайте, что на свѣтѣ  
Игрушки царской въ руки.

---

## LXXXI.

## КАКЪ ТРУДНО ЖИТЬ.

Какъ трудно жить въ мудреной школѣ свѣта?  
Садись въ просакъ, или сажай другихъ.  
Жизнь мастерство; и мастеръ въ ней не всякъ  
Кто не сказалъ, ума спросясь совѣта,  
Какъ трудно жить!

Уму въ борьбѣ съ могучимъ скоморохомъ,  
Невинности съ богатымъ подлецомъ,  
И рюмачу съ бунтующимъ стихомъ,  
Придется въ часъ иной сказать со вздохомъ:  
Какъ трудно жить!

Кому звѣзда привѣтная сіяетъ,  
Тому легко по вѣтру плыть съ челномъ;  
Но дайте сровъ! ударить съ вихремъ громъ,  
Померкнетъ лучъ, — и счастья сынъ познаетъ,  
Что трудно жить.

Кого любовь задѣла разъ стрѣлою,  
Какъ ни мудри, — но будетъ ученикъ.  
Робѣетъ мысль, безмолвствуетъ языкъ,  
И про себя тайкомъ твердитъ душою:  
Какъ трудно жить!

О, ты! надъ вѣмъ рукою неоскудной  
Судьба дары рассыпала свои,  
За жизни даръ боговъ благослови,  
Когда плѣнять и нравиться не трудно,  
Не трудно жить.

Какъ счастливъ тотъ, кому дано судьбою,  
Встрѣчать твой взоръ и слышать голосъ твой;  
Но для того, кто разлученъ съ тобой,  
И при тебѣ лишь мыслию одной,  
Какъ трудно жить!

---

## LXXXII.

## П Ъ С Н И.

## I.

Спѣшите радости ловить  
На утрѣ жизни ненадежной,  
Спѣшите счастливыми быть,  
Когда счастливыми быть можно.

Пускай веселья мечты,  
Дни наши розами вѣнчаютъ!  
Крылатой юности цвѣты,  
Увянувъ, вновь не разцвѣтаютъ.

Мудрецъ сказалъ: жизнь наша сонъ,  
Минутный даръ судьбы превратной;  
Не спорю, правъ быть можетъ онъ,  
Но пусть же будетъ сонъ пріятный.

## II.

Храните сердца тишину,  
Твердятъ намъ матушки всечасно,  
Любите вольность вы одну,  
Дѣвицамъ въ свѣтѣ все опасно.

Познаешь страхъ, даешь обѣтъ  
 Съ одной свободою дружитья;  
 А тамъ двѣнадцать минеть лѣтъ,  
 И сердце начинаетъ биться.

Бѣгите вы любви сѣтей,  
 Твердятъ намъ матушки всечасно,  
 Ужь не увидишь красныхъ дней,  
 Какъ сердце будетъ ей подвластно.

Познаешь страхъ, даешь обѣтъ  
 Не покоряться грозной власти;  
 А тамъ придетъ шестнадцать лѣтъ  
 И съ ними время нѣжной страсти.

Но имъ напрасно насъ учить,  
 Напрасно мучиться заботой,  
 Любви намъ должно дань платить,  
 И платимъ мы ее съ охотой.

Любить для насъ пора одна,  
 Одна пора намъ веселиться,  
 Какъ наша скроется весна,  
 Другой веснѣ не возвратиться.

### III.

Собирайтесь дѣвви красны,  
 Собирайтесь въ хороводъ,  
 Скоро день погаснетъ ясный,  
 Солнце яркое зайдетъ.

Не надолго ландышь бѣлой  
 Разцвѣтаетъ по лѣсамъ,  
 Лѣто лугъ ковромъ одѣло,  
 Не надолго въ радость намъ.

Въ свѣжихъ рощахъ на свободѣ  
 Пташкѣ не всегда порхать,  
 Не всегда намъ въ хороводѣ  
 Пѣть, рѣзвиться и плясать.

Завтра, можетъ быть, на пташку  
 Хитрый сыщется ловецъ:  
 Мужъ сердитый на дѣвицу —  
 И тогда всему конецъ.

## IV.

Доволенъ я судьбою  
 Своей;  
 Спокойнѣе душою  
 Царей.  
 Я радости встрѣчаю  
 Вездѣ;  
 Я зла не примѣчаю  
 Нигдѣ.  
 Съ красотками молодыми  
 Легокъ;  
 Мѣняюсь сердцемъ съ ними  
 На срокъ.  
 Вздыхать, грустить — старинной  
 Порокъ,  
 Теперь любить невинно  
 Не въ прокъ.  
 Красавицѣ пригожей  
 Я радъ.  
 Встрѣчаюсь ли съ вельможей —  
 Назадъ!  
 Въ простой бесѣдѣ дружной,  
 Пою,  
 Пить за столомъ ли нужно,  
 Я пью.

---



## LXXXII.

## ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ „ДЕРЕВНЯ“.

....Ты, коего искусство  
 Языку нашему вложило мысль и чувство,  
 Подъ тѣнью здѣшнихъ древъ—твой дѣятельный умъ  
 Готовилъ въ тишинѣ созданье зрѣлыхъ думъ!  
 Покорный истинѣ и сердца чистой клятвѣ,  
 Ты мудрость вопрошалъ на плодovitой жатвѣ  
 Событій, опытовъ, столѣтій и племенъ  
 И современникомъ минувшихъ былъ временъ.  
 Сроднившись съ предками, ихъ слышалъ ты, ихъ видѣлъ,  
 Дружился съ добрыми, порочныхъ ненавидѣлъ,  
 И совѣсти одной, поработивъ языкъ,  
 Ты смѣло поучалъ народы и владыкъ.  
 О, Карамзинъ! ты здѣсь съ любимыми творцами;  
 Въ душѣ твой образъ слить съ священными мечтами,  
 Родитель, на одрѣ болѣзни роковой,  
 Тебѣ ввѣрялъ меня хладѣющей рукой  
 И мыслью отдыхалъ въ страданіяхъ недуга,  
 Что сынъ его найдетъ въ тебѣ отца и друга.  
 О, какъ исполнилъ ты сей дружества завѣтъ!  
 Ты юности моей взлелѣялъ сирый цвѣтъ.  
 О, мой второй отецъ! любовью, дѣломъ, словомъ,  
 Ты мнѣ былъ отческимъ примѣромъ и покровомъ.

Когда могу, какъ онъ, избравъ кумиромъ честь,  
Дань непозорную на прахъ отца принести,  
Когда могу въ добру усердемъ пламенѣя,  
Я именемъ отца гордиться не краснѣя,  
Кого какъ не тебя благодарить бы могъ?  
Такъ, ты развилъ во мнѣ наследственный залогъ,  
Ты совращалъ меня съ стези порока низкой  
И къ добродѣтели, душѣ твоей столь близкой,  
Ты сердце приучалъ—любовію къ себѣ.  
Изнемогаю ль я въ сомнительной борьбѣ  
Съ страстями? мучить ли желаній ѣдкихъ жало?  
Душевной чистоты священное зеркало—  
Твой образъ въ совѣсти—упрека будить гласъ.  
Какъ часто въ лживыхъ снахъ, какъ свѣтъ разсудка гасъ,  
И нѣга слабостей господствовала мною,  
Ты совѣсти моей былъ совѣстью живою.  
Какъ радостно тебя воображаю здѣсь!  
Откинувъ славы чинъ и авторскую спѣсь,  
Счастливый семьянинъ, мудрецъ простосердечный  
Въ кругу дѣтей своихъ, съ весною ихъ безпечной  
Ты осень строгихъ лѣтъ умѣешь сочетать.  
Супруга нѣжная, заботливая мать  
Передъ тобой сидитъ въ святилищѣ ученья,  
Какъ добрый геній твой, какъ муза вдохновенья;  
Въ твой тихій кабинетъ, гдѣ міръ желанный вашъ,  
Гдѣ мудрость ясная—любви и счастья стражъ,  
Не вхожъ ни гласъ молвы, ни свѣта гласъ мятежный.  
Трудъ—слава для тебя, а счастье—трудъ прилежный.  
О! еслибъ просіялъ желанный сердцемъ день,  
Когда ты вновь придешь подъ дружескую сѣнь  
Дубравы, вѣющей знакомою прохладой,  
Сочтась со славою, полезныхъ дѣлъ наградой,  
Отъ подвига почить на лонѣ тишины!  
О! еслибъ на яву сбылись надежды сны!  
Но что я говорю, блуждающій мечтатель?  
Своихъ желаній врагъ, надеждъ своихъ предатель,

Надолго ли, и самъ въ себѣ уединясь,  
Я съ свѣтомъ разорвалъ взыскательную связь?  
Быть можетъ, день еще, и вѣтръ непостоянный  
Умчитъ невѣрный челнъ отъ пристани желанной!  
Прохладный мракъ лѣсовъ, игривой ропотъ водъ!  
Надолго ли при васъ, свободный отъ заботъ,  
Вамъ преданный, вкушалъ я блага драгоцѣнны!  
Занятъ чистыя, досугъ уединенный,  
Душъ прояснившихся веселье и любовь!  
Иль съ тѣмъ я васъ позналъ, чтобы утратить вновь?

---

## LXXXIII.

## ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Пусть нѣжный баловень полуденной природы,  
 Гдѣ тѣнь душистѣе, краснорѣчивѣй воды,  
 Улыбку первую привѣтствуетъ весны!  
 Сынъ пасмурныхъ небесъ полуночной страны,  
 Обышій къ свисту вьюгъ и реву непогоды,  
 Привѣтствую душой и пѣснью первый снѣгъ.  
 Съ какою радостью нетерпѣливымъ взглядомъ  
 Волнующихся тучъ, ловлю мятежный бѣгъ,  
 Когда съ небесъ онѣ на землю вѣютъ хладомъ!  
 Вчера еще стоналъ надъ онѣмѣвшимъ садомъ  
 Вѣтръ свучной осени, и влажные пары  
 Стояли надъ челомъ угрюмыя горы  
 Иль мглой волнистою клубилися надъ боромъ;  
 Унынье томное бродило тусклымъ взоромъ  
 По рощамъ и лугамъ, пустѣющимъ вокругъ;  
 Кладбищемъ зрѣлся лѣсъ; кладбищемъ зрѣлся лугъ.  
 Пугалище Дріадъ, пріютъ крикливыхъ врановъ,  
 Вѣтвями голыми махая, древній дубъ  
 Чернѣлъ въ лѣсу пустомъ, какъ обнаженный трупъ,  
 И воды тускляя, подъ пеленой тумановъ,

Дремали мертвымъ сномъ въ безмолвныхъ берегахъ;  
 Природа блѣдная, съ уныlostью въ чертахъ,  
 Поражена была томленіемъ кончины.  
 Сегодня новый видъ окрестность приняла,  
 Какъ быстрымъ маніемъ чудеснаго жезла;  
 Лазурью свѣтлою горять небесъ вершины,  
 Блестящей сватертью подернулись долины  
 И яркимъ бисеромъ усѣяны поля.  
 На праздникъ зимы красуется земля  
 И насъ привѣтствуетъ живительной улыбкой.  
 Здѣсь снѣгъ, какъ легкій пухъ, повисъ на ели гибкой;  
 Тамъ, темный изумрудъ посыпавъ серебромъ,  
 На мрачной онъ соснѣ разрисовалъ узоры.  
 Разсѣялись пары и засверкали горы,  
 И солнца шаръ вспыхнулъ на сводѣ голубомъ.  
 Волшебницей зимой весь міръ преобразованъ;  
 Цѣпями льдыстыми покорный прудъ окованъ  
 И синимъ зеркаломъ сравнялся въ берегахъ.  
 Забавы ожили; пренебрегая страхъ,  
 Сбѣжались смѣльчаки съ береговъ толпой игривой  
 И празднующая зима ожиданный возвратъ,  
 По льду свистящему кружатся и скользятъ.  
 Тамъ ловчихъ полкъ готовъ; ихъ взоръ нетерпѣливой  
 Допрашиваетъ слѣдъ добычи торопливой:  
 На бѣгство робкаго нескромный снѣгъ донесъ;  
 Съ неволи спущенный за жертвой хищный песъ  
 Ввѣряется стремглавъ предательскому слѣду  
 И довершаетъ ножъ кровавую побѣду.  
 Повинемъ, милый другъ, темницы мрачный кровъ!  
 Красивый выходецъ кипящихъ табуновъ,  
 Ревнущая на бѣгу съ крилатоногой ланью,  
 Топоча хрупкій снѣгъ, насъ по полю помчитъ.  
 Украшенъ твой нарядъ лѣсовъ Сибирскихъ данью  
 И соболь на тебѣ чернѣетъ и блеститъ.  
 Презрѣвъ мороза гнѣвъ и тщетныя угрозы,  
 Румяныхъ щекъ твоихъ свѣжѣй алѣютъ розы

И лилія свѣжѣй бѣлѣетъ на челѣ,  
 Какъ лучшая весна, какъ лучшей жизни младость,  
 Ты улыбаешься утѣшенной землѣ.  
 О пламенный восторгъ! въ душѣ блеснула радость,  
 Какъ искры яркія на свѣжномъ хрусталѣ.  
 Счастливъ, кто испыталъ прогулки зимней сладость!  
 Кто въ тѣснотѣ саней съ красавицей молодой,  
 Ревнивыхъ не боясь, сидѣлъ рука съ рукой,  
 Жаль руку, нѣжную въ самомъ сопротивленіѣ,  
 И въ сердцѣ дѣвственномъ впервой любви смятеніе,  
 И думу первую, и первый вздохъ зажѣгъ,  
 Въ побѣдѣ чистыя любви пріавъ залогъ.  
 Кто можетъ выразить счастливецъ упоеніе?  
 Какъ вьюга легкая, ихъ окриленный бѣгъ  
 Бродами ровными прорѣзываетъ снѣгъ  
 И, яркимъ облакомъ съ земли его взвѣвая,  
 Сребристой пылью вдругъ окидываетъ ихъ.  
 Стѣснилось время имъ въ одинъ крылатый мигъ.  
 По жизни такъ скользить горячность молодая  
 И жить торопится и чувствовать спѣшить!  
 Напрасно прихотямъ ввѣряется различнымъ;  
 Вдалѣ увлекаема желаніемъ безграничнымъ,  
 Пристанища себѣ она нигдѣ не зреть.  
 Счастливыя лѣта! Пора тоски сердечной!  
 Но что я говорю? Единный бѣглый день,  
 Какъ сонъ обманчивый, какъ привидѣнья тѣнь,  
 Мелькнувъ, уносишь ты обманъ безчеловѣчной!  
 И самая любовь, намъ измѣнивъ какъ ты,  
 Приводитъ къ опыту безжалостнымъ урокомъ  
 И, чувства истощивъ на сердце одинокомъ,  
 Намъ оставляетъ слѣдъ угаснувшей мечты.  
 Но въ памяти души живутъ души утраты.  
 Воспоминаніе, какъ чародѣй богатый,  
 Изъ пепла хладнаго минувшее зоветъ  
 И гласъ умоляемому и праху жизнь даетъ.  
 Пусть на омытые луга росой денницы

Красивая весна бросаетъ изъ кошицы  
Душистую лазурь и свѣжій блескъ цвѣтовъ;  
Пусть растворяя лѣсъ очарованьемъ нѣжнымъ,  
Влечетъ любовниковъ подъ кровомъ безмятежнымъ  
Предаться тихому волшебству сладкихъ сновъ! —  
Не измѣню тебѣ воспоминаньемъ тайнымъ,  
Весны роскошныя смиренная сестра,  
О сердца моего любимая пора!  
Съ тоскою прежнею, съ волненьемъ обычнымъ,  
Клянусь платить тебѣ признательную дань;  
Всегда привѣтствовать тебя сердечной думой,  
О первенецъ зимы, блестящей и угрюмой,  
Снѣгъ первый, нашихъ нивъ о дѣвственная тѣнь!

---

## LXXXIV.

ПРОЩАНІЕ СЪ ХАЛАТОМЪ.  

---

Прости халатъ! товарищъ нѣги празднои,  
Досуговъ другъ, свидѣтель тайныхъ думъ;  
Съ тобою зналъ я мѣръ однообразный  
Но тихій мѣръ, гдѣ свѣта блескъ и шумъ  
Мнѣ, въ забытїи, не приходилъ на умъ.  
Искусства жить недоученый швольникъ,  
На поприщѣ обычаевъ и модъ,  
Гдѣ прихоть-царь тиранить свой народъ,  
Кто не видалъ? Въ гостиной я невольникъ,  
Въ углу своемъ себѣ я господинъ,  
Свой мѣръ ростъ не на чужой аршинъ.  
Какъ жалкій рабъ, платящій дань злодѣю,  
И день, и ночь, въ неволѣ изнурясь,  
Вкушаетъ рай, отъ узъ освободясь;  
Такъ, сдернувъ съ плечъ гостиную ливрею  
И съ ней ярмо взыскательной тщеты,  
Я оживалъ, когда одѣтъ халатомъ,  
Мирился вновь съ повиннымъ Пенатомъ.  
Съ тобой меня чуждались суеты,  
Ласкали сны и нянчили мечты.  
У комельва, гдѣ яркою струею



Алѣлъ огонь, вечернею порою,  
 Задумчивость, краснорѣчивый другъ,  
 Живила сонъ моей глубокой лѣни.  
 Минувшаго проснувшіяся тѣни  
 Въ прозрачной тьмѣ толпилися вокругъ;  
 Иль въ будущемъ, мечтаньемъ окриленной;  
 Я разсѣбаль безвѣстности туманъ,  
 Сближая даль, жилъ въ жизни отдаленной,  
 И съ истиной перемѣшавъ обманъ,  
 Живо писалъ воздушныхъ замковъ планъ.  
 Какъ я въ твоёмъ уступчивомъ уборѣ  
 Въ движеняхъ былъ портного не работъ:  
 Такъ мысль моя носилась на просторѣ,  
 Съ надеждою и памятью втроемъ.  
 Въ счастливы дни удачныхъ вдохновеній,  
 Когда легко, безъ вѣдома труда,  
 Стихъ подъ перо ложился завсегда,  
 И риѣма, врагъ невинныхъ наслажденій,  
 Хлыстовыхъ бичъ, была ко мнѣ добра;  
 Какъ часто, вставъ съ Морфеева одра,  
 Шелъ прямо я къ столу, гдѣ Муза съ лаской  
 Ждала меня съ посланьемъ или сказкой,  
 И вымысломъ, нашентанномъ вчера.  
 Домашній мой нарядъ ей былъ понраву:  
 Приѣмъ ея, чуждъ свѣтскому уставу,  
 Благоволилъ небрежности моей.  
 Стихъ вылеталъ свободнѣй и простѣй;  
 Писалъ шутя и въ шуткѣ легкокрылой,  
 Работы слѣдъ улыбки не пугалъ.  
 Какъ жалокъ мнѣ любовникъ Музъ постылой,  
 Который нѣгъ халата не вкушалъ!  
 Поклонникъ модъ, какъ куболка одѣтый,  
 И чепорнымъ восторгомъ подогрѣтый,  
 Въ свой кабинетъ онъ входитъ, какъ на балъ;  
 Его цвѣты—румяны и бѣлила,  
 И, обмакнувъ въ душистыя чернила

Перо свое, малюетъ мадригалъ.  
 Пусть Грація жеманная въ уборной  
 Дарилъ его улыбкою притворной  
 За то, что онъ выказывалъ въ стихахъ  
 Слогъ расписной и Музу въ завиткахъ;  
 Но мнѣ примѣръ: бессмертный сей перяха  
 Анакреонъ, другъ красоты и Вакха,  
 Повѣрьте мнѣ, въ халатѣ пилъ и пѣлъ;  
 Музъ баловень, харитами изнѣженъ,  
 И въ одному веселію прилѣженъ,  
 Играя, онъ бессмертіе задѣлъ.  
 Не льщусь его причастникомъ быть славы,  
 Но въ лѣни я ему не уступлю:  
 Какъ онъ люблю безпечности забавы,  
 Какъ онъ досугъ и тихій сонъ люблю.  
 Не скоро слѣдъ ихъ у меня простынетъ:  
 Заботъ лихихъ меня обступитъ строй,  
 И ты, халатъ, товарищъ лучшей мой,  
 Прости! тебя невѣрный другъ покинетъ.  
 Тѣснясь въ рядахъ прислуженцовъ властей,  
 Иду тропой заманчивыхъ сѣтей.  
 Что ждетъ меня въ пути, гдѣ подъ туманомъ  
 Свѣтъ истины не различишь съ обманомъ?  
 Куда слѣпецъ, неопытный слѣпецъ,  
 Я набреду? гдѣ странствію конецъ?  
 Какъ поважусь я передъ тронъ мишурный  
 Владычицы, изъ своенравной урны  
 Кидающей подкупленной рукой  
 Дары свои на богомольный рой,  
 Толпящійся съ кадилами предъ нею?  
 Завѣтовъ я ея не разумѣю —  
 Притворства чуждъ и принужденья врагъ,  
 Отъ юныхъ дней цѣнитель тихихъ благъ.  
 Въ неловкости, предъ записнымъ проворствомъ  
 Искусниковъ, воспитанныхъ притворствомъ,  
 Изобличитъ меня мой каждый шагъ.

И новичекъ еще въ наукѣ гибкой:  
Всѣмъ быть подѣ часъ и вмѣстѣ быть ничѣмъ,  
И шею гнуть съ запасною улыбкой  
Подѣ золотой, но тягостный яремъ, —  
На поприщѣ, гдѣ безпрестанной сшибкой  
Волнуются противниковъ ряды,  
Оставлю я на торжество вражды,  
Быть можетъ, слѣдъ моей отваги тщетной  
И неудачъ постыдные слѣды;  
О мой халатъ, какъ встарину привѣтный,  
Прими тогда въ объятія меня,  
Въ тебѣ найду себѣ отраду я.  
Прими меня съ досугами, мечтами,  
Вѣнчавшими весну мою цвѣтами:  
Сокровище благъ прежнихъ возврати;  
Дай радость мнѣ, уединясь съ тобою,  
Въ тиши страстей, съ сповойною душою,  
И не краснѣвъ предѣ тайнымъ Судіею,  
Бывалого себя въ себѣ найти.  
Согрѣй во мнѣ, въ холодномъ принужденіи  
Остывшій жаръ къ благодареніямъ Музъ,  
И геній мой, освободясь отъ узъ,  
Уснувшее разбудитъ вдохновеніе.  
Пусть прежней вновь я жизнью оживу,  
И сладкихъ сновъ въ волшебномъ упоеніи  
Переродясь, пусть обрѣту забвеніе  
Всего того, что видѣлъ на яву.

---

## LXXXV.

## УХАБЪ.

Надъ кѣмъ судьбина не шутила?  
И кто проказъ ея не рабъ?  
Слѣпая приговоръ скрѣпила, —  
И съ бала я попалъ въ ухабъ!

Въ ухабѣ сидя, какъ въ берлогѣ,  
Я на досугѣ разсуждалъ:  
И въ свѣтѣ, какъ и на дорогѣ,  
Ухабовъ много насчиталъ.

Ухабистъ путь въ столицѣ счастья,  
Но случай будь на облучкѣ —  
Ни ямъ не бойся, ни ненастья;  
Засни — проснешься, сонъ въ рукѣ!

Тебя до мѣста, другъ убогій,  
Достоинство не доведетъ;  
Наѣдетъ случай — и съ дороги,  
Какъ разъ въ ухабъ тебя столкнетъ.

Чѣмъ груза болѣе въ поклажѣ,  
Чѣмъ выше ходъ твоихъ саней,  
Тѣмъ путь опаснѣй! яма таже  
Въ смиренныхъ розвальняхъ сноснѣй!

Риомачь! когда въ тебѣ есть совѣсть,  
Въ чужія сани не садись:  
Ты Фаэтона вспомни повѣсть,  
И сѣсть въ ухабъ поберегись!

1818 г.



LXXXV.

ПЕТЕРБУРГЪ.

(Отрывокъ).

---

Я вижу градъ Петровъ чудесный, величавый,  
По манію Петра воздвигшійся изъ блатъ,  
Наслѣдный памятникъ его могущей славы  
Потомками его украшенный стократъ!  
Повсюду зрю слѣды великія державы,  
И Русской славою слѣдъ каждый озаренъ.  
Се Петръ, еще живой въ мѣди краснорѣчивой!  
Подъ нимъ Полтавскій конь, предтеча горделивой  
Штыковъ сверкающихъ и вѣющихъ знаменъ.  
Онъ царствуетъ еще надъ созданнымъ имъ градомъ,  
Приосѣня его державною рукой,  
Народной чести стражъ и злобы страхъ нѣмой.  
Пускай враги дерзнуть, вооружаясь адомъ,  
Нести къ твоимъ брегамъ кровавый мечъ войны,  
Герой! ты отразишь ихъ неподвижнымъ взглядомъ,  
Готовый пасть на нихъ съ отважной крутизны.  
Бѣгутъ — и гдѣ они? — ужъ снѣжные сугробы  
Въ пустыняхъ занесли слѣды безумной злобы.  
Такъ, Петръ! ты завѣщаль свой духъ сынамъ побѣдъ,  
И устрешенный врагъ зрѣлъ многія Полтавы.  
Питомецъ твой, громовъ метатель двоеглавый,

На поприщѣ твоёмъ расширилъ свой полетъ.  
 Рымникскій пламенный и Задунайскій твердой!  
 Васъ здѣсь согражданинъ почититъ улыбкой гордой.  
 Но жатвою ль одной меча страна богата?  
 Однихъ ли громкихъ битвъ здѣсь слѣдъ запечатлѣнъ?  
 Иные подвиги, къ инымъ побѣдамъ ревность,  
 Повѣдаетъ намъ гласъ краснорѣчивыхъ стѣнъ:  
 Ихъ юная краса затмитъ успѣла древность.  
 Искусство здѣсь вездѣ вело съ природой брань,  
 И торжество свое вездѣ знаменовало;  
 Могущество ума—мятежъ стихій смиряло,  
 И мысль, другой Алкидъ, съ трудовъ взыскала дань.  
 Ко славѣ изъ пеленъ Россія возмужала,  
 И изъ безвѣстной тьмы къ владычеству прешла.  
 Такъ ты, о дщерь ея, какъ маниемъ жезла,  
 Честь первенства, родясь, въ столицахъ воспріяла,  
 Искусства Греціи и Рима чудеса —  
 Зрятъ съ дивомъ надъ собой полночны небеса.  
 Чертоги Кесарей, сады Семирамиды,  
 Волшебны острова Делоса и Киприды!  
 Чья смѣлая рука совокупила васъ?  
 Чей повелительный, на зло природѣ, гласъ  
 Содвинулъ и повлекъ изъ дикія пустыни  
 Громады вѣчныхъ скалъ, чтобъ разослать твердыни  
 По берегамъ твоимъ рѣкъ сѣверныхъ глава,  
 Великолѣпная и свѣтлая Нева?  
 Кто въ симъ берегамъ склонилъ торговли алчной крылья  
 И стаи кораблей, съ дарами изобилья,  
 Отъ утра, вечера и полдня къ намъ пригналъ?  
 Кто съ древнимъ Каспіемъ Бельтъ юный сочеталъ?  
 Державный духъ Петра и умъ Евкаторины  
 Трудъ медленныхъ вѣковъ свершили въ вѣкъ единый.  
 На Югѣ меркнулъ день—у насъ онъ разсвѣталъ.  
 Тамъ предразсудковъ мечъ и свѣточъ возмущенья  
 Грозилась ринуть въ прахъ святыню просвѣщенья;  
 Убѣжищемъ ему былъ Сѣверъ, и когда



Въ Европѣ зарево крамоль зажгла вражда,  
 И древній міръ вспылалъ, склонясь печальной вшей.  
 Духъ творческій парилъ надъ юною Россіей,  
 И мощно влекъ ее на подвигъ бытія.  
 Художествъ и наукъ блестящая семья  
 Отечествомъ другимъ признала нашу землю.  
 Восторгомъ смѣлый путь успѣховъ ихъ объемлю  
 И на разсвѣтѣ зрю лучи златого дня.  
 Желѣзо, покорясь вліянію огня,  
 Здѣсь легкостью дивитъ въ прозрачности ограды,  
 За коей прячется и смотритъ садъ прохлады.  
 Полтавская рука сей разводила садъ!  
 Но что въ тѣни его мой привлекаетъ взглядъ?  
 Вотъ скромный домъ, ковчегъ воспоминаній славныхъ —  
 Свидѣтель онъ надеждъ и замысловъ державныхъ!  
 Здѣсь мыслилъ Петръ объ насъ: Россія! здѣсь твой храмъ!  
 О, если жизнь придать безчувственнымъ стѣнамъ,  
 И тайны царскихъ думъ извлечь изъ хладныхъ сводовъ,  
 Какой-бы мудрости тотъ гласъ отзывомъ былъ,  
 Какихъ бы истинъ громъ внезапно поразилъ  
 Благоговѣйный слухъ властителей народовъ!  
 Тамъ зодчій смѣлясь путь къ безсмертію простертъ,  
 Возноситъ дерзностно красивыя громады.  
 Полночный Апеллесъ, обманывая взгляды,  
 Даруетъ вистью жизнь, обезоруживъ смерть.  
 Ваятели, презрѣвъ небесъ ревнивыхъ мщенье,  
 Вдыхаютъ въ вещество мысль, чувство и движенье.  
 Природу испытавъ, Невтоновъ ученикъ  
 Тайственныхъ чудесъ разоблачаетъ ликъ,  
 Иль, съ небомъ пламеннымъ въ борьбѣ отъемлетъ, смѣлый,  
 Изъ гнѣвныхъ рукъ боговъ молніеносны стрѣлы!  
 Мать пѣсней, смѣлая царица звучныхъ думъ,  
 Смягчаетъ дикій нравъ и возвышаетъ умъ.  
 Здѣсь другъ Шувалова воспѣлъ Елисавету,  
 И юныхъ Русскихъ Музъ блистательный разсвѣтъ  
 Его счастливецъ — какъ Русскій и поэтъ —

Екатери́нинъ вѣкъ Державинъ предалъ свѣту.  
Минервы нашей умъ Европу изумлялъ:  
Съ успѣхомъ равнымъ онъ по свѣту рассылялъ,  
Привѣтствіе въ Ферней, уставы Самоѣдамъ,  
Иль на пути въ Стамбуль открытый листъ побѣдамъ,  
Полсвѣтомъ правила она съ береговъ Невы,  
И утомляла гласъ стоустныя молвы.  
Влестящій вѣкъ! и ты позналъ закатъ условный,  
И твоего пѣвца уста уже безмолвны!

---

## LXXXVI.

ГРАФУ Ѡ. И. ТОЛСТОМУ.

Америванецъ и цыганъ,  
На свѣтѣ нравственномъ загадка,  
Котораго намъ лихорадка,  
Мятежныхъ склонностей дурманъ,  
Или страстей випящихъ схватка  
Всегда изъ края мечеть въ край,  
Изъ рая въ адъ, изъ ада въ рай!  
Котораго душа есть пламень,  
А умъ холодный эгоистъ;  
Подъ бурей рока — твердый камень  
Въ волненьи страсти — легкой листь!  
Куда-жь меня нележкой тащить  
И мой раздутый стихъ таращить,  
Какъ стихъ того торговца одъ,  
Который на осьмушку смысла  
Пудъ словъ съ прибавкой выдаетъ?  
Здѣсь Муза брода не найдетъ:  
Она надъ бездною повисла.  
Какъ ей спуститься безъ хлопотъ  
И какъ, не давъ толчка разуму  
И не спотынувшись на пути,  
Отъ нравственныхъ стиховъ сойти

Прямой дорогою въ желудку?  
Но, впрочемъ, я слыхалъ не разъ,  
Что нашъ желудокъ чувствъ властитель,  
И помышленийъ всѣхъ запасъ.  
Поэтъ, политикъ, побѣдитель,  
Всѣ отъ него успѣха ждутъ:  
Судьба народовъ имъ рѣшится;  
Въ желудкѣ пища не сварится,  
И не созрѣетъ славный трудъ;  
Министръ обѣлся: сквозь дремоту,  
Секретаря прочелъ работу  
И гибель царства подписалъ.  
Тотъ на тощахъ безсмертья ищетъ,  
Но онъ за драмой въ зубы свищетъ  
И свѣтъ поэта освисталъ.  
Къ тому же любопытнымъ ухомъ  
Умѣешь всѣмъ рѣчамъ внимать;  
Возвышеннымъ же если духомъ  
Подчасъ ты унижаешь звать,  
За то ты, графъ природный, брюхомъ  
И всѣмъ сіятельнымъ подъ стать!  
Ты знаешь цѣну Кондильяку,  
Въ Вольтерѣ любишь шутокъ даръ,  
И платишь сердцемъ дань Жанъ-Жаку —  
Но хуже ль лучшихъ нашихъ баръ  
Цѣнить умѣешь кулебяку  
И жирной стерляди разваръ?  
Ну, слава Богу! пусть съ дороги  
Стихомаранья лютый бѣсъ  
Кидалъ меня то въ ровъ, то въ лѣсъ,  
Но я, хоть поизбывши ночи,  
До цѣли, наконецъ, долѣзъ.  
О кухнѣ рѣчь—о знаменитый  
Обжоръ властитель, другъ и богъ!  
О, если сочный и упитый  
Достойнымъ быть мой стихъ бы могъ

Твоей щедроты плодovitой!  
Приправь и разогрѣй мой слогъ,  
Пусть будетъ онъ, тебѣ угодный,  
Душистъ, какъ съ трюфлями пирогъ,  
И вкусенъ, какъ каплунъ дородный!  
Прочь Фебъ и дворъ его голодный!  
Я не прошу себѣ вѣнка:  
Меня не взманить ловъ безплодный!  
Слѣпаго случая рука  
Пусть ставитъ на показъ народный  
Зажиточнаго дурака —  
Просится въ дураки не буду!  
Я не прошусь закинуть уду  
Въ володезь въ истинѣ сухой:  
Ложь лучше истины иной!  
Я не прошу у благодати  
Втереть меня въ библейской знати  
И по вресту вести въ крестамъ  
Ни ко двору, ни къ небесамъ.  
Просить себѣ того другого  
Съ поклонами я не спѣшу:  
Мнѣ нуженъ поваръ—отъ Толстого,  
Я только повара прошу!

---

## LXXXVII.

## НЕГОДОВАНИЕ.

Къ чему мнѣ вымыслы? къ чему мечтанья мнѣ  
И нектаръ сладкихъ упоеній?  
Я раннее прости сказалъ молодой веснѣ,  
Веснѣ надеждъ и заблужденій?

Не осушивъ его, фіялъ волшебствъ разбилъ;  
При первыхъ встрѣчахъ жизнь въ обманахъ обличилъ  
И призраки принесъ въ дань истинѣ угрюмой;  
Очарованья цвѣтъ въ рукахъ моихъ поблекъ  
И я сорвалъ съ чела, наморщенного думой,  
Бездушныхъ радостей вѣнокъ.

Но льстивыхъ лже-боговъ разоблачивъ кумиры,  
Я правдѣ посвятилъ свой пламенный восторгъ;  
Не разъ изъ непреклонной лиры  
Онъ голосъ мужества исторгъ.  
Мой Аполлонъ — негодованье!

При пламени его съ свободныхъ устъ моихъ  
Падеть безчестное молчанье  
И загорится смѣлый стихъ.

Негодование! огонь животворящій!  
Зародышъ лучшаго, что я въ себѣ храню,

Встревоженный тобой, отъ сна встаю  
И, благородною отвагою кипящій,  
Въ волненьи бодромъ познаю  
Могущество души и цѣну бытію.

Всѣхъ помысловъ моихъ виновникъ и свидѣтель,  
Ты отъ нѣмой меня безчувственности спасъ:  
Въ молчаньи всѣхъ страстей меня твой будить гласъ:  
Ты мнѣ и жизнь и добродѣтель!  
Поклонникъ истины въ лѣта,  
Когда мечты еще пріятны —  
Взывали къ ней мольбой и сердце и уста,  
Но вѣтеръ разносилъ мой гласъ, толпѣ невнятный.

Подъ знаменемъ ея владычествуетъ ложь;  
Насильствомъ прихоти потоптаны уставы;  
Съ поруганнымъ челомъ безчеловѣчной славы  
Безстыдство предсѣдять въ собраніи вельможъ.  
Отцовъ народовъ зрѣлъ господствующихъ страхомъ,  
Совѣтницей владыкъ—губительную лесть:  
Печальную главу посыпавъ скорбнымъ прахомъ,  
Я зрѣлъ: изгнанницей поруганную честь,  
Дѣстаннымъ торжищемъ—святыню правосудья,  
Служенье истинѣ—коварства торжествомъ,  
Законы, правоты священныя орудья,  
Щитомъ могучему и слабому ярмомъ.  
Зрѣлъ промышляющихъ спасительнымъ глаголомъ,  
Ханжей, торгующихъ ученіемъ святымъ,  
Въ забвеньи Бога душъ—однимъ земнымъ престоломъ  
Кадящихъ трепетно, однимъ богамъ земнымъ.

Хранители казны народной  
На правый судъ сберитесь вы;  
Отвѣтствуйте: гдѣ дань отчаянной вдовы?  
Гдѣ подать сироты голодной?

Корыстною рукой заграбилъ ихъ развратъ.  
Презрѣвъ укоръ людей, забывъ Небесъ угрозы

Испили жадно вы средь пиршескихъ прохладъ  
 Кровавый потъ труда и нищенскія слёзы;  
 На хищный вашъ алтарь въ усердіи слѣпомъ  
 Народъ имущество и жизнь свою приноситъ;  
 Ставъ вашихъ прихотей угодливымъ рабомъ,  
 Отечество отъ чадъ вамъ въ жертву жертвы проситъ.

Но что вамъ? голосомъ алкающихъ страстей  
 Мать вопіющую вы дерзко заглушили;  
 Отъ стрѣлъ раскаянья златымъ щитомъ честей  
 Ожесточенную вы совѣсть оградили.

Дни ваши безъ докукъ и ночи безъ тревогъ.

Твердыней, правдѣ неприступной,  
 Мгновенно къ облакамъ вознесся вашъ чертогъ,  
 И непорочность, зря дней вашихъ блескъ преступной,  
 Смущаясь, говоритъ: «гдѣ-жъ Онъ?» гдѣ-жъ казни Богъ?

Гдѣ-жъ Судія необольстимый?  
 Что-жъ медлитъ Онъ землѣ судъ истины изречь?  
 Когда-жъ въ руцѣ Его заблещетъ ярый мечъ  
 И поразитъ пороковъ ударъ неотразимый?»

Нѣтъ! нѣтъ! не при твоёмъ, отечество! зеркалѣ  
 На жизнь и смерть они произнесли обѣтъ:

Нѣтъ слезъ въ нихъ для твоихъ печалей,

Нѣтъ пѣсней для твоихъ побѣдъ!

Имъ слава предковъ безъ предавій,

Имъ нѣмъ завѣтный гробъ отцовъ!

И волыбель твоихъ сыновъ

Имъ не святыня упованій!

Ищу я искреннихъ жрецовъ

Свободы, сильныхъ душъ вумира:

Обширная темница міра

Являетъ мнѣ однихъ рабовъ.

О ты, которая изъ дѣтства

Зажгла во мнѣ священный жаръ,



При коей сносны жизни бѣдства,  
 Безъ коей счастье тщетный даръ,  
 Свобода! пылимъ вдохновеньемъ,  
 Я первый Русскимъ пѣснопѣнемъ  
 Тебя привѣтствовать дерзалъ;  
 И звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ  
 Будилъ молчанье скалъ суровыхъ  
 И слухъ ничтожныхъ устрашалъ.

Познають пѣснь мою потомки!  
 Ты святъ мнѣ былъ языкъ боговъ!  
 И міра гордые обломки  
 Переживуть вѣнцы льстецовъ!

Но гдѣ же чистое горитъ твое свѣтило?  
 Здѣсь плаваетъ оно въ кровавыхъ облакахъ,  
 Тамъ бѣдственнымъ его туманомъ обложило  
 И свѣтится едва въ мерцающихъ лучахъ.

Тамъ ножъ преступный изувѣрства  
 Олтарь твой дѣвственный багрить;  
 Порокъ съ улыбкой дикой звѣрства  
 Тебя злодѣйствами честить.  
 Здѣсь стадо робкое ничтожныхъ,  
 Вити поученій ложныхъ  
 Пугаютъ именемъ твоимъ:  
 И твой сообщникъ — просвѣщенье  
 Съ тобой, въ ихъ нагомъ ослѣпленѣ,  
 Одной сѣкирою разимъ.  
 Тамъ хищнаго господства страсти  
 Последнею уловкой власти  
 Союзъ твой гласно признають;  
 Но подъ щитомъ твоимъ священнымъ  
 Во тьмѣ народамъ обольщеннымъ  
 Неволи хитрой цѣпь куютъ.

Свобода! о младая дѣва!  
 Посланница благихъ боговъ!

Ты побѣдишь упорство гнѣва  
Твоихъ неистовыхъ враговъ.

Невинность примиришь съ закономъ,  
Съ любовью подданнаго власть.  
Ты снимешь роковую влѣтву  
Съ чела поникшаго землѣ  
И пахарю освѣтишь жатву,  
Темнѣющую въ рабской мглѣ.  
Твой гласъ, будитель изобилія,  
Нагія степи утучнить,  
Промышленность распуститъ крылья  
И жизнь въ пустынѣ водворить,  
Невѣжество, всѣхъ бѣдъ виновникъ,  
Исчезнетъ отъ твоихъ лучей,  
Какъ ночи сумрачный любовникъ  
При блескѣ утреннихъ огней.

Онъ загорится день, день торжества и казни,  
День радостныхъ надеждъ, день горестной боязни!  
Раздастся пѣснь побѣдъ, вамъ, истины жрецы,  
Вамъ, други чести и свободы!  
Вамъ плачь надгробный! вамъ, отступники природы!  
Вамъ, притѣснители! вамъ, низкіе льстецы!  
Но мнѣ-ли медлить? грязную ихъ братью  
Карающимъ стихомъ я нынѣ поражу;  
На ихъ главу клеймо презрѣнья положу  
И обреку проклятью.  
Пусть правды мстительной Церунъ  
На терпѣливомъ небѣ дремлетъ,  
Но мужественный строй моихъ свободныхъ струнъ  
Ихъ совѣсть ужасомъ объемлетъ.

Потъ хладный страха и стыда  
Пробьетъ на ихъ челѣ угрюмомъ

И честь ихъ распадется съ шумомъ  
При гласѣ праваго суда.

Стражъ нецпа ихъ, моя недремлющая злоба  
Ихъ поглотившій мракъ забвенья разорветъ  
И гнѣвною рукой изъ нѣдръ исхититъ гроба,  
Ко славѣ бѣдственной ихъ память прикуетъ.





1819 г.



## LXXXVIII

### ДВА ЧИЖА.

---

О чемъ такъ тужишь ты?—чижъ говорилъ чижу:  
Здѣсь въ клѣткѣ во сто разъ пріятнѣй жить, чѣмъ въ полѣ.  
„Такъ,—молвилъ тотъ,—тебѣ рожденному въ неволѣ:  
„Но я, я волю зналъ, и я о ней тужу.

---

## LXXXIX.

### ДЕРВИШЪ И УЧЕНИКЪ.

---

Ученый мужъ, Дервишъ, въ часъ утра и обѣда  
Святую воду пилъ въ колодцѣ Магомеда.  
Подмѣтилъ то его нелѣпный ученикъ,  
И на день бѣгалъ пить разъ двадцать на родникъ.  
Какой же онъ имѣлъ успѣхъ съ своей догадки?  
Остался неучень, и слегъ отъ лихорадки.

---

XC.

УБОГІЙ И КАМЕНЬ.

---

Обломокъ каменный ваялся средь дороги.  
Таскающій ярмо страданья и суму,  
Наткнулся на него убогій,  
И съ сердцемъ говоритъ ему:  
„Природы мертвое созданье!  
„Зачѣмъ дано тебѣ существованье?  
„Равно встрѣчаешь ты блескъ утра, ночи тьму—  
„И лѣтній жаръ и зимній холодъ!  
„Безчувственно ты во всему“.—  
—А мнѣ-ль завидовать, чувствительный, тому,  
Кто чувствовать умѣетъ голодъ?—

---



## XCI.

## КРУГОВАЯ ПОРУКА.

„Какая-жъ лошадь я!“ — свалившись съ мосту въ грязь  
Корова говоритъ. — „Какая-жъ я корова!“ —  
Упавши лошадь въ ровъ, вскричала, разсердясь.

Такой примѣръ намъ не обновя:  
Обычай этотъ мы найдемъ и у людей.

Какъ часто въ обществѣ друзей,  
Когда о глупостяхъ людскихъ идетъ бесѣда,  
Другъ на друга мигаютъ два сосѣда!

## XСII.

## ДВѢ СОБАКИ.

---

—За что ты въ спальнѣ спишь, а зябну я въ сѣняхъ?—  
У Моиса жирнаго спросилъ кобель курчавый.

„За что?“—тотъ отвѣчалъ:—вся тайна въ двухъ словахъ:  
„Ты въ домъ для службы взять, а я взять для забавы!“

---

## XСIII.

## БИТЫЙ ПЕСЬ.

---

Песь лаялъ на воровъ; пса утромъ отодрали  
За то, что лаемъ смѣлъ встревожить барскій сонъ.  
Песь спалъ въ другую ночь; домъ воры обокрали:  
Отодранъ песь за то, за чѣмъ не лаялъ онъ.

---

## XСІV.

## ПОТОВЪ И РѢКА.

Рѣку стыдилъ потовъ, стремящійся съ высотъ,  
 Что плавно такъ течетъ въ долину на просторѣ.  
 „Дай сровъ, былъ той отвѣтъ: какъ красный день зайдетъ,  
 Я тише, ты быстрѣй, — въ одномъ сольемся морѣ“.

## XСV.

## ЧЕРНИЛЬНИЦА И ПЕРО.

Съ чернильницей перо заспорили о томъ,  
 Кто новой оды былъ изъ нихъ прямымъ творцомъ.  
 Вошелъ поэтъ, и споръ рѣшилъ высокоумья:  
 Такія есть вездѣ чернильницы и перья.

## XCVI.

## ДВА ЖИВОПИСЦА.

---

Въ столицу съѣхались портретны мастера.

Петръ плохъ, но съ деньгами; соперникъ Рафаэлю —  
Иванъ, но безъ гроша. Отъ утра до утра,

То женщинъ, то мужчинъ малюетъ кисть Петра;  
Иванъ лишь разъ и кисть возьметъ въ недѣлю.

За что-жъ имъ отъ судьбы не равенъ такъ дѣлежъ?  
Портретъ Петра былъ льстивъ, портретъ Ивана — схожъ.

---

## XCVII.

## ЧЕЛОВѢКЪ И МОТЫЛЕКЪ.

Надъ мотылькомъ смѣялся человѣкъ:

—Гость утренній! по чести ты мнѣ жалокъ!

Онъ говоритъ: мгновенье—вотъ твой вѣкъ!

И мотыльку могила—кусть фіалокъ.

За годомъ годъ торопится во слѣдъ,

И старику отсчитано сто лѣтъ.

Часъ смерти бьетъ! Старикъ, на смертномъ ложѣ

Вздохнувъ, сказалъ: и вѣкъ мгновенье тоже!

## XCVIII.

## МЕДВѢДЬ.

(Апологи).

Куда бѣжить народъ нетерпѣливый?  
 Стѣснились улицы кругомъ;  
 Восторга гласъ краснорѣчивый,  
 Веселыхъ плесковъ грянулъ громъ.  
 Кого земля въ сей день вѣнчаетъ торжествомъ,  
 Какой герой на бранной колесницѣ  
 Является въ вѣнчѣ признательной столицѣ?  
 Какой защитникъ правъ народныхъ предъ царемъ  
 Идетъ, сопровожденъ усердною молвою?  
 Какой мудрецъ, свой край прославившій собою,  
 Съ согражданъ заживо собираетъ дань труда?  
 Медвѣдь, управленный корыстною рукою,  
 Вертится на дыбахъ, подъ пальбою жида.  
 Народъ! вотъ почестей твоихъ образчикъ славный!  
 Народъ! всѣхъ дѣлъ людскихъ и цѣль и судія,  
 То десноть съ палицей, то съ кувлою дитя!  
 Все пища для твоей забавы своенравной:  
 Великій мужъ со злобою въ борьбѣ,  
 Позорный блескъ счастливаго разврата,  
 Медвѣжья пляска, казнь Сократа —  
 Равно есть зрѣлище, потѣшное тебѣ!  
 А ты, тщеславья рабъ, за славою гоняйся  
 И послѣ, утомясь въ мучительной гоньбѣ,  
 Соперничества ты съ медвѣдемъ добивайся!

## XСІХ.

## МАЛЮТКА НА ЛОШАДИ.

Малютка на коня просился;—посадили.  
 Сперва въ восторгѣ онъ: „Вотъ, вотъ и я большой“  
 Товарищамъ кричить, которые толпой,  
 Ему завидуя, счастливца окружили.  
 Но только повода пустили  
 И лошадь тронулась,—малютка поднялъ вой  
     И задрожалъ, какъ будто за урокомъ,  
 Какъ будто съ розгами учитель передъ нимъ.  
     Не въ радость ужъ ему и быть большимъ.  
     Сидѣть ли прямо, сѣсть ли бокомъ,  
 Гладѣть ли на лошадь—все мучить равный страхъ,  
 Зажмурить ли глаза, еще страшнѣй въ потьмахъ,  
 И съ часу онъ на часъ все болѣе блѣднѣетъ.  
     Замѣтивши отецъ, какъ онъ робѣетъ,  
 Сказалъ: „Дуракъ, тебя никто не принуждалъ!  
 И, сжаляся надъ нимъ, его съ коня онъ снялъ.  
 Подумаете вы, онъ плавать пересталъ,  
     Теперь покоенъ и на волѣ;  
     Напротивъ, плачетъ вдвое болѣ,  
 И злится, и кричитъ, и рвется на коня.

О, сколько на вѣку вельможей видѣлъ я,  
Которые, пока въ числѣ любимцевъ были,  
Подъ ношей почестей томились и грустили,  
И съ высоты на прежній жребій свой  
Со вздохомъ обращали взгляды,  
И у царя для всей награды  
Просилися домой.

Отпустить лишь ихъ царь, внявъ просьбѣ, на покой,  
Бѣдняжки чахнутъ отъ досады.

---



## С.

Въ какихъ лѣсахъ, въ какой долинѣ,  
Въ часы вечерней тишины,  
Задумчиво ты бродишь нынѣ  
Подъ свѣтлымъ сумракомъ луны?

Кто сердца мыслью потаенной,  
Кто прелестью твоей мечты?  
Кого на одрѣ уединенный  
Съ зарею призываешь ты?

Чей голосъ слышишь ты въ журчаньи  
Ручья, бѣгущаго съ холмовъ,  
Въ таинственномъ лѣсовъ молчаньи,  
Въ шептаньи легкихъ вѣтерковъ?

Кто первымъ чувствомъ пробужденья,  
Послѣдней тайной передъ сномъ?  
Чье имя бѣглый слѣдъ смущенья  
Наводитъ на лицѣ твоёмъ?

Кто и въ отсутствіи далеко  
Присутственъ сердцу одному?  
Кого въ борьбѣ съ жестокимъ ровомъ  
Зовешь къ спасенью своему?

Чей образъ на душѣ остылой  
Погаснетъ съ пламенемъ въ крови,  
Съ послѣдней жизненною силой,  
Съ послѣдней ласкою любви?

---

ОГ.

У С Л А Д Ъ.  

---

Схвативши мечъ булатный  
Предъ битвой роковой,  
Въ часовнѣ къ Благодатной  
Взошелъ Уладъ съ мольбой:

„Молю, Ты призри младость,  
Будь мнѣ святой покровъ!  
Въ любви дѣвцы радость,  
Пусть буду страхъ враговъ“.

Къ боярышнѣ Мстислава  
Взаимно онъ горѣлъ,  
Но отъ рожденья права  
На счастье не имѣлъ.

Искалъ Мстиславъ надменный  
Богатства и заслугъ,  
Уладъ въ судьбѣ смиренной  
Былъ скромныхъ пѣсней другъ.

Съ передовой дружиной  
Двойной питая жаръ,  
За славой иль кончиной  
Онъ мчится на Татаръ.

Вождя, любимца хана,  
 Онъ плѣномъ отягчилъ,  
 И вражескаго стана  
 Надежду соврушилъ.

Узнавъ успѣхъ героя  
 И сердца тайну связь,  
 Мстиславу послѣ боя  
 Связалъ великій князь:

„Обязанъ я Усладу  
 Побѣдой на войнѣ,  
 Пусть счастьемъ онъ въ награду  
 Обязанъ будетъ мнѣ.

Помѣстьемъ, знатнымъ чиномъ  
 Его я надѣлю;  
 Ты сдѣлай болѣ: сыномъ  
 Прими въ себѣ въ семью.

Внесеть въ твой домъ съ любовью  
 Добычу ратныхъ дѣлъ,  
 Честь, купленную кровью,  
 Подъ свистомъ мѣткихъ стрѣлъ“.

И въ той часовнѣ бѣдной,  
 Гдѣ, къ горю вражьихъ силъ,  
 Усладъ булатъ побѣдной  
 Молитвой освятилъ,

Союзъ запечатлѣли  
 Геройства съ красотой,  
 И свѣчки ровно тлѣли  
 Въ рукахъ четы молодой.





1820 г.



СЦ.

ПОСЛАНИЕ КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ,

СЪ ПИРОГОМЪ.

---

Изъ Пёриге, гость жирный и душистой,  
Покинутый судьбы на произволь,  
Ступай, пирогъ, въ брегамъ полночи льдистой!  
Изъ мѣстъ, гдѣ Комъ имѣеть свой престоль,  
И на народъ взираеть благосклоннѣй,  
Гдѣ дичь вкуснѣй и трюфли благовоннѣй,  
И пьяный Вавхъ плодитъ роскошный доль...  
Иль, отложивъ балясы стихотворства,  
(Ты за себя самъ риторъ и посоль)  
Ступай, пирогъ, въ Тургенеvu на столъ,  
Достойный даръ и дружбы и обжорства!  
А ты, дитя, не тѣхъ угрюмыхъ школъ,  
Гдѣ ватошакъ воспитанный разсудовъ  
Къ успѣхамъ шель черезъ пустой желудокъ,  
Но лучшихъ школъ прилежный ученикъ;  
Ты, ревностный послѣдникъ Эпикуру,  
Ты, уголовъ между почетныхъ книгъ  
Оставившій поварни Трубадуру,  
Который намъ за лакомымъ столомъ  
*Искусство псть* преподавалъ стихомъ,

И, своею исполненный предмета,  
Похитилъ лавръ обжоры и поэта, —  
Ты, другъ, прими, въ знакъ дружбы, мой пирогъ,  
Какъ древле былъ пріемлемъ хлѣбъ съ солонкой.  
Друзей сзови; но дѣря на замокъ  
Отъ тѣхъ гостей, которыхъ запахъ тонкой,  
Издалека пронюхавъ сочный духъ,  
И навывкомъ ужъ изощренный слухъ,  
Прослышавши позывный звонъ тарелокъ,  
Ведутъ къ столу — вѣрнѣе лучшихъ стрѣлокъ,  
Лицо ихъ, въ дверь явясь, какъ на заказъ,  
Вамъ говорить, который въ домъ часъ.  
Честь велика, когда почетный баринъ  
Къ намъ за-просто приходитъ ѣсть хлѣбъ-соль,  
Но за столомъ насъ отъ честей уволь:  
Незванный гость досаднѣй, чѣмъ Татаринъ.  
Въ пословицахъ народа умъ живетъ,  
А здѣсь и умъ обѣденныхъ Солоновъ.  
Въ гостинныхъ насъ законъ приличій жметъ;  
Но за столомъ, чуждѣ ига, врагъ заботъ,  
Бросаю цѣпь стѣснительныхъ законовъ:  
Чиновный гость иль приторный сосѣдъ  
Вливаетъ ядъ въ изящнѣйшій обѣдъ.  
Нѣтъ! нѣтъ! прошу мнѣ въ честь и благодарность,  
Однихъ друзей сзови на мой пирогъ;  
Прочь знатнаго врага высокопарность  
И подлеца обсахаренный слогъ!  
Пусть старшинствомъ того почтитъ пирушка,  
У коего всегда порожнѣй кружка,  
И съ языка вздоръ острый, безъ затѣй,  
Какъ блески искръ, срывается быстрѣй,  
Ему воздай отличіе верховно;  
Но не деспотъ, а общества глава,  
Надъ обществомъ пусть царствуетъ условно,  
И дѣлитъ съ нимъ законныя права.  
Пусть, радуясь его правленью, каждый



Поворностью почтить властей дѣлежъ,  
И въ свой чередъ балуетъ прихоть жажды,  
И языка болтливаго свербежъ.  
Уже мечтой я засѣдаю съ вами,  
Я мысленно перелетаю даль;  
Я вижу свой приборъ между друзьями;  
Виномъ кипитъ сіяющій хрусталь.  
Пусть сбудется воображенья шаль;  
Пусть поживлюсь мечтательной поимкой,  
Когда судьбы жестокой приговоръ,  
Мнѣ вопреки, лишь только невидимкой  
Даетъ присѣсть за дружескій приборъ;  
Но тотъ, кому я близокъ и заочно,  
Пусть будетъ ѣсть и пить за трезвый духъ;  
Нельзя умнѣй придумать и нарочно:  
Тургеневъ мой, ты будешь ѣсть за двухъ!

---

СШ.

ЭПИГРАММА.

---

Пусть остряковъ союзныхъ тупость  
Готовить на меня свой ножъ:  
Противъ меня глупцы! такъ что-жь?  
Да за меня за то ихъ глупость.

---

CIV.

## УНЫНІЕ.

Уныніе! вѣрнѣйшій другъ души!  
 Съ которымъ я дѣлю печаль и радость,  
 Ты легкимъ сумракомъ мою одѣло младость,  
 И расцвѣла весна моя въ тиши.

Я счастье зналъ, но молніей мгновенной  
 Оно означило туманный небосклонъ,  
 Его лишь взвидѣлъ взоръ, блистаньемъ ослѣпленный,  
 Я не жалѣлъ о немъ: не къ счастью я рожденъ.

Въ душѣ моей раздался голосъ славы,—  
 Откликнулась душа волненьямъ на призывъ;  
 Но, силы испытавъ, я думъ смирилъ порывъ,  
 И замерли въ душѣ надежды величавы.

Не оправдала ты честолюбивыхъ сновъ,  
 О, слава! ты надеждъ моихъ отвергла клятву,  
 Когда я уповалъ пожать безсмертья жатву,  
 И яркою браздой прорѣзать мглу вѣковъ!

Кумиръ горящихъ душъ! меня не допустила  
 Судьба переступить чрезъ твой священный прагъ,

И, мой пожравшая уединенный прахъ,  
Забвеньемъ заростетъ безмолвная могила.

Но слава не вотще мнѣ голосъ подала!  
Она вдохнула мнѣ свободную отвагу,  
Святую ненависть къ безчестному зажгла—  
И чистую любовь къ изящному и благу.

Болтливыя молвы не требуя похвалъ,  
Я подвигъ бытія означилъ тѣснымъ кругомъ:  
Предъ алтаремъ души въ смиреньи клятву далъ  
Тирану быть врагомъ и жертвѣ вѣрнымъ другомъ.

Съ улыбкою любви, въ вѣнкахъ изъ свѣжихъ розъ,  
На пиръ роскошества влекли меня забавы;  
Но сколько въ нектаръ ихъ я пролилъ горькихъ слезъ,  
И чаша радости была сосудъ отравы.

Унынье! все съ тобой крѣпило мой союзъ;  
Невѣрность льстивыхъ благъ была мнѣ поученьемъ;  
Ты сблизило меня съ полезнымъ размышленьемъ,  
И привело подъ сѣнь миролюбивыхъ Музъ.

Сопутникъ твой, сердечныхъ ранъ цѣлитель,  
Трудъ, благодатный трудъ ихъ муви усыпилъ.  
Прошедшаго—веселый искупитель!  
Живой источникъ новыхъ силъ!

Все измѣнило мнѣ! ты будь не безотвѣтенъ!  
Съ утраченнымъ мое грядущее слилось,  
Грядущее со мною разочлось,  
И новый искъ на немъ мой былъ бы тщетенъ.

Сокровищницу бытія  
Я истощилъ въ одномъ незрѣломъ ощущеньѣ;  
Небесъ изящное наслѣдство прожилъ я  
Въ неполномъ шумномъ наслажденьѣ.

Наслѣдство благъ земныхъ холоднымъ окомъ зрю.  
Пойду на поприщѣ позорныхъ истязаній  
Толпы презрительной соперникомъ въ бою  
Оспоривать успѣхъ, цѣль низкихъ упованій.

Въ побѣдѣ чести нѣтъ, когда безчестенъ бой,  
Раскройте новый кругъ, бойцовъ сзовите новыхъ,  
Пусть лавръ, нетронутый корыстною рукой,  
Пусть мета высшая самихъ вѣнковъ лавровыхъ,

Усердью чистому явить достойный даръ!  
И честолюбіе, источникъ дѣлъ высокихъ,  
Когда не возмущенъ грозой страстей жестовыхъ,  
Вновь пламенной струей прольетъ по мнѣ свой жаръ.

Но скройся отъ меня, съ коварнымъ обольщеньемъ,  
Надеждъ несбыточныхъ испытанный обманъ!  
Почто тревожишь умъ безплоднымъ сожалѣньемъ,  
И разжигашь ты тоску заснувшихъ ранъ?

Унынье! съ коимъ я дѣлю печаль и радость,  
Единый другъ обманутой души,  
Подъ сумракомъ твоимъ моя угасла младость,  
Пускай и полдень мой прокрадется въ тиши.

---

CV.

## ПОРТУГАЛЬСКАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Байрона).

---

Когда, меня прижавъ въ груди рубою гибкой,  
Ты нѣжнымъ шопотомъ мнѣ шепчешь: „жизнь моя!“  
Мнѣ улыбается любовь твоей улыбкой,  
И голосомъ твоимъ любовь зоветъ меня.  
Но, милый другъ, и жизнь измѣнить, улетаю!  
Не жизнью ты меня—душой своей зови.  
Тверди: „моя душа!“ Душа, не умирая,  
Внѣ жизни будетъ жить безсмертіемъ любви.

---

## CVI.

ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ДОЛГО ЗАДЕРЖАННАГО АЛЬБОМА.

---

Твои заслуживая пеня,  
Безмолвствую передъ тобой.  
Анета! Я ослушникъ твой —  
Но не вини меня ты въ лѣни  
И будь сама мнѣ судія:  
Тебя въ умѣ воображая,  
Тобою мысли занимая,  
О приемахъ могъ ли думать я?

---

## CVII.

## УСТАВЪ СТОЛОВОЙ.

(ПОДРАЖАНІЕ ПАНАРУ).

Въ столовой нѣтъ отликъ мѣстамъ.  
Какъ поваръ твой ни будь искусенъ,  
Когда сажаешь по чинамъ,  
Обѣдъ твой лавомый не вкусенъ.  
Равно что верхъ стола, что низъ,  
Нѣтъ старшинства у гастронома:  
Куда попалъ, туда садись,  
Я и въ гостяхъ хочу быть дома.  
Просторъ локтямъ отъ тѣсноты.  
Не радъ и лучшему я блюду;  
Чѣмъ далѣ былъ отъ красоты,  
Тѣмъ ближе къ ней я послѣ буду.  
Къ чему огромный рядъ прикрасъ,  
И блюда разставлятъ узоромъ?  
За столъ сажусь я не для глазъ,  
И сытъ желаю быть не взоромъ.  
Спаси насъ, Боже! за столомъ  
Отъ хлопотливаго сосѣда:  
Онъ подчиваньемъ, какъ ножомъ,  
Пристанеть къ горлу въ часъ обѣда.



Не въ пору другъ тошнѣй врага!  
Пусть каждый о себѣ хлопочетъ,  
И самъ свой баринъ и слуга  
По волѣ пьетъ и ѣстъ, какъ хочетъ.  
Мнѣ жалобъ пьяница-хвастунъ,  
Который пьетъ не для забавы:  
Какой онъ чести ждетъ, шалунъ?  
Одно безславые пить изъ славы.  
На умъ и взоры ляжетъ тьма,  
Когда напьешься безъ оглядки:  
Вино пусть намъ придастъ ума,  
А не мутитъ его остатки.  
Веселью будетъ череда,  
Но пусть и въ самомъ упоеньѣ  
Разсудка легкая узда  
Даетъ веселью направленье.  
Порядокъ есть душа всего!  
Богъ пиршествъ по уставу править;  
*Толстой*, верховный жрецъ его,  
На путь насъ истинный наставитъ:  
Гостепріимство—безъ чиновъ,  
Разнообразность—въ разговорахъ,  
Въ разсказахъ—бережливость словъ,  
Холоднокровье—въ жаркихъ спорахъ,  
Безъ умничанья простота,  
Веселость—духъ свободы трезвой,  
Безъ ѣдкой желчи острога,  
Безъ шутовства соль шутки рѣзвой.

---

## СѢЩ.

КЪ КРАСАВИЦѢ УЕДИНЕННОЙ.  

---

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ  
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степей,  
Какъ пѣсню сладостной въ часъ утра оглашаетъ  
Дубравы мертвыя пустынный соловей,  
Какъ драгоценный перлъ, волнами поглощенный,  
Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей,  
Такъ сиротѣтъ здѣсь въ странѣ уединенной  
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

---

## СІХ.

## ТРУДНАЯ ЗАДАЧА.

„Талантъ вашъ, всѣмъ извѣстный,  
 Меня приводитъ къ вамъ. Вы живописцевъ честь!“  
 — Вы шутите: вашъ отзывъ, слишкомъ лестный,  
 Я принужденъ насмѣшкою почестъ. —  
 „Напрасно!“ — А къ чему могу быть вамъ угоденъ?  
 „Мнѣ нуженъ мой портретъ;  
 Досугъ ли вамъ теперь?“ — Для васъ отказа нѣтъ,  
 Для васъ я навсегда свободенъ.  
 А какъ себя прикажете писать?  
 Венерою ли, Флорой,  
 Діаной, Душенькой, Авророй?  
 „Какъ вамъ на мысль придетъ: извольте выбирать.  
 Я не прикрасъ, а сходства лишь желаю;  
 Ужъ такъ и быть откроюсь вамъ во всемъ:  
 Любовнику портретъ я этотъ назначаю;  
 Онъ долженъ быть похожъ, однакожъ такъ притомъ,  
 Чтобъ въ случаѣ меня мужъ не узналъ бы въ немъ.“

ОХ.

КНЯЖНИНЪ И ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

---

У авторовъ пріязнь со всячиной ведется.

„Рославъ твой затвердилъ: я Россъ, я Росеъ, я Россъ!  
А все онъ невеликъ; когда же разростется?“

Фонъ-Визинъ Княжнину далъ шуточный запросъ.

„Когда?“ тотъ отвѣчалъ, самъ на словцо удалый:

„Когда твой бригадиръ поступишь въ генералы“.

---

ОХІ.

ОТВѢТЪ ФОНЪ-ВИЗИНА.

---

Тупой острякъ и приторный шутникъ,  
Прославленный толпы минутнымъ шумомъ,  
Проговорясь—знать врагъ ему языкъ —  
Фонъ-Визина назвалъ Минервы кумомъ.

„Зачѣмъ же нѣтъ?—смѣясь, сказалъ ему  
У Русскихъ музъ Теренція намѣстникъ:

„Быть можетъ въ ней и нажилъ я вуму,  
Но поручусь, что былъ не ты нашъ крестникъ!“

---

## ОХІІ.

## КЪ ЛАУРЪ

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНІЯ.

Вчера, въ тѣни древесъ, какъ тихой свѣтъ луны  
 Долины серебрилъ пріятными лучами,  
 Дремалъ спокойно я; вокругъ меня толпами  
 Носились благотворны сны.

Вдругъ въ тихомъ вѣяньи душистаго зефира  
 Слетѣлъ Киприды сынъ съ лазурнаго эфира,  
 И лиру стройную съ улыбкой мнѣ вручивъ,  
 Сказалъ: О, юноша, познай, сколь ты счастливъ!  
 Тебѣ назначилъ я Лауры пѣть рожденье,  
 Лауры, коей даръ сердцами управляютъ;  
 Ахъ! какъ другимъ дышать, такъ ей легко плѣнять,  
 Всѣхъ прелестей она соединенье!  
 Такъ мнѣ ли пѣть ее? сказалъ Эроту я:  
 Пріятны для весны лишь пѣсни соловья,  
 Лауру прославлять богъ долженъ пѣснопѣнья!  
 Но кто-жь не слушать могъ Эротова велѣнья?  
 Изъ рукъ безсмертнаго я робко лиру взялъ,  
 И пѣть тихонько сталъ:  
 Лауры, боги! дни продлите;  
 Во всемъ вы были щедры къ ней,  
 Ее и въ счастья утвердите,

Да мирно жизнь ведетъ безъ горькихъ мрачныхъ дней,  
Какъ роза, другъ весны, подъ тайной рощи сѣнью,

Не зная буйныхъ непогодъ,

Отъ зноя скрытая гостепріимной тѣнью,

Цвѣтетъ въ спокойствіи на брегахъ ясныхъ водъ.

Еще моей мольбѣ внимайте:

Скорѣе въ намъ въ Мосеву Лауру возвратите.

---

## ОХІІІ.

## МОЛЕНІЕ ЛАУРЫ.

Какъ сладкій звукъ арфы въ безмолвной долині,  
Доходитъ моленье твое въ небесамъ.

Лаура, утѣшься! вновь будетъ здорова  
Подруга твоя.

О, боги! возрите: Лаура въ печали  
Стойтъ на колѣняхъ на злачномъ холмѣ!  
Ночные зефиры, играя, лобзаютъ  
Златые власы.

Слезою блестящій къ вамъ взоръ обращаетъ,  
Какъ пѣнныя волны, вздымается грудь,  
И эхо въ дубравѣ, одѣянной мракомъ,  
Гласъ вторитъ ея:

„О, боги! подругѣ здоровье отдайте!  
„Ланиты померкли, нѣтъ блеска въ очахъ,  
„Нѣтъ радости въ сердцѣ, болѣзнию убита,  
„Какъ зноемъ цвѣтокъ.

„Но если разстаться ей съ жизнію должно,  
„Внемлите моленью, пусть съ нею умру!“  
Лаура, довольно! твой другъ воскресаетъ,  
Какъ роза весной.

## CXIV.

СТИХИ, ВЫРЪЗАНЫЕ НА МЕРТВОЙ ГОЛОВѢ ОБРАЩЕННОЙ  
ВЪ ЧАШУ.

(Подражаніе Байрону).

Не трепещи! Душа еще со мной!  
Во мнѣ зри черепъ тотъ, который къ злу не сроденъ,  
И этимъ, можетъ быть, съ живою головой  
Я наиболѣе не сходенъ!  
Какъ ты, я жилъ, любилъ и пилъ,  
Какъ ты заплатишь—я дань смерти заплатилъ.  
Въ землѣ моихъ костей лежатъ остатки съ миромъ,  
Въ меня и лей вина! не бойся оскорбить:  
Мнѣ лучше у тебя на пиршествѣ служить,  
Чѣмъ лавомымъ червямъ служить роскошнымъ пиромъ.  
Пускай не гадинъ влажный рой,  
Но виноградный сонъ, будитель сладострастья,  
Кипитъ во мнѣ—заздравной чашѣ счастья,  
А не пристанище природы гробовой.  
Быть можетъ искры мысли рѣзвой  
Сверкали прежде изъ меня,  
Теперь пусть въ васъ зажгутъ веселья пылъ нетрезвый  
И вспыхни бѣглаго огня!



Ахъ, если въ головѣ покойной  
Изсохнетъ мозгъ — какимъ добромъ,  
Какъ не божественнымъ виномъ,  
Намъ замѣнить его достойно?  
Пируй, покамѣсть жизнь въ глаза тебѣ глядитъ —  
Но вскорѣ, можетъ быть, единый изъ потомковъ  
Тебя найдетъ межъ гробовыхъ обломковъ,  
И мертвеца на пиръ свой пригласитъ.  
И что-жь? Когда во дни житейскаго волненья  
Намъ наши головы такъ часто не въ добру,  
Хоть въ гробѣ выручимъ ихъ отъ червей истлѣнья  
И пользѣ посвятимъ на радостномъ пиру!

---

ОХV.

## ЭПИГРАММЫ.

1.

Вписавшись въ цехъ зоиловъ строгихъ,  
Будь и въ себѣ ты судія.  
Жуковскій пишетъ для немногихъ,  
А ты для одного себя.

2.

Чтобъ полный смыслъ разбить въ твореніяхъ пѣвца  
По одиночкѣ въ немъ ты стихъ коварно удишь;  
Въ бессмыслицѣ жь своей тогда увѣренъ будешь,  
Когда прочтешь себя съ начала до конца.

3.

Работая перомъ, какъ топоромъ,  
Фирсъ каждый день печать съ собой знакомить!  
Вотъ, подлинно пришлось сказать о немъ:  
Ломаеть онъ языкъ и оды ломить.

4.

Его познаній вѣренъ счетъ,  
Но онъ ихъ худо примѣняетъ:

Онъ стихъ въ трагедіяхъ поетъ,  
А пѣсню въ операхъ читаетъ.

## 5.

Стиховъ моихъ давно ты слышать хочешь.  
Догадливъ я! Благодарю за честь!  
Признайся: ты не о моихъ хлопчешь,  
А норовишь, какъ бы свои прочесть.

## 6.

„Бѣда намъ!“ говоритъ Аристъ:  
„Бывало оду какъ напишешь въ цѣлый листъ,  
И всѣ ее читаютъ;  
А нынѣ одъ такихъ совсѣмъ не понимаютъ,  
Хоть въ нихъ на небеса пари!“  
Такъ что-жь? У насъ теперь другая есть ухватка,  
Въ шарадѣ тоже все, что въ одѣ говори;  
Пусть не поймутъ — да это вѣдь загадка!

---

## ОХVІ.

## СИБИРЯКОВУ.

Рожденный мирты рвать и спящій на соломѣ,  
 Въ отечествѣ поэтъ, кандиторъ съ барскомъ домѣ!  
 Другой вельможамъ льститъ; а я пишу тебѣ,  
 Какъ смѣлъ, Сибиряковъ ты, вопреки судьбѣ,  
 Опутавшей тебя веригами насилья—  
 Отважно развернуть воображенью крылья?  
 И званьемъ рабъ, душой—въ свободѣ вознестись?  
 „Ты мыслить вздумалъ? ты? дружокъ! перекрестись  
 „Кричитъ тебѣ сынъ тьмы, Сіятельства наслѣдникъ;  
 „Не за перо берись: поди, надѣнь передникъ;  
 „Намъ леденцы вкуснѣй Державинскихъ стиховъ.  
 „О вѣкъ! Злосчастный вѣкъ разврата и грѣховъ!  
 „Все гибнетъ и всему погибель просвѣщенье:  
 „Съ трудомъ давно-ль скрѣпилъ онъ въ судъ опредѣленье  
 „Пріавшій отъ небесъ дворянства благодать,  
 „А нынѣ: ужъ и чернь пускается въ печать!  
 „Нѣтъ! нѣтъ! дворянскихъ глазъ безчестить я не буду.  
 „Другой тебя читай: я чести не забуду.  
 „Намъ памятенъ еще примѣрный тотъ позоръ,  
 „Камъ призрѣнъ былъ Дворомъ бѣглець изъ Холмогоръ  
 „Пожалуй и тебѣ, въ сей вѣкъ столь ненавистный,  
 „Въ вельможахъ сыщется заступникъ безкорыстный,  
 „И мимо насъ, дворянъ, какъ дерзкій тотъ рыбарь

«Ты попадешь и въ честь и въ адресъ-Календарь. . .  
 Такъ бредить на яву питомецъ предразсудка,  
 За лакомымъ столомъ, гдѣ тяжестью желудка  
 Отяжелѣла въ немъ пустая голова,  
 Тебя Сибиряковы! не тронуть тѣ слова.  
 Стыдя спѣсь общества ты оправдалъ природу;  
 Въ неволѣ-ты душой уразумѣлъ свободу  
 И цѣлью смѣлою начертанный твой стихъ,  
 Вѣкамъ изобличить гонителей твоихъ.  
 Свобода не въ дворцахъ, неволя не въ темницахъ;  
 Достоинство въ душѣ: пустыя званья въ лицахъ.  
 Предъ взоромъ мудреца свѣтъ — пестрый маскарадъ  
 Гдѣ жребіемъ слѣпымъ данъ каждому нарядъ  
 Ходули подхвати иной глядитъ вельможей,  
 А съ маскою на балъ онъ выползъ изъ прихожей.  
 Сорви одежду? пыль подъ мишурой честей,  
 И первый изъ вельможъ, послѣдній изъ людей.  
 Природа не знатокъ въ наукѣ родословной,  
 И раздаетъ дары рукой скупой но ровной.  
 Жалѣю я, когда судьбы ошибкой злой  
 Простолюдинъ рожденъ съ возвышенной душой  
 И свойствъ изящныхъ блескъ въ безвѣстности тускнѣетъ;  
 Но злобою мой умъ кипитъ и цвѣнѣетъ,  
 Когда на казнь землѣ и небесамъ въ укоръ,  
 Судьба, къ честямъ порокъ возводитъ на позоръ,  
 Кто мыслить, тотъ могущъ, а кто могущъ — свободенъ.  
 Пусть рабствуетъ въ пыли, лишь тотъ кто въ рабству сроденъ.  
 Свобода въ насъ самихъ: небесъ святой залогъ,  
 Какъ собственность души, ее намъ ввѣрилъ Богъ!  
 И не ее погнетъ ярмо земныя власти;  
 Одни тираны ей: насильственные страсти.  
 Пусть дерзостный орелъ увязъ въ плѣну силка,  
 Невольникъ на землѣ, онъ смотритъ въ облака;  
 Но червь презрительный, отверженецъ природы,  
 Случайно взброшенный порывомъ непогоды,  
 Въ сосѣдство къ небесамъ, навѣрхъ кавказскихъ горъ,

Ползеть и въ гнусный прахъ вперяетъ робкій взоръ.  
И ты, Сибиряковъ, умѣрь прискорбья пѣни,  
Хотя ты въ обществѣ на низшія ступени  
Засаженъ невзначай рожденіемъ простымъ:  
Гордись собой! а спѣсь ты предоставь другимъ.  
Пусть баринъ чванится дворянскимъ превосходствомъ:  
Но ты довольствуйся душевнымъ благородствомъ.  
Взгляни на многихъ баръ, на гордый ихъ развратъ,  
И темный жребій свой благослови стократъ.  
Быть можетъ въ ихъ средѣ свѣтильникъ дарованья,  
Потухнулъ бы въ тебѣ подъ гнетомъ воспитанья.  
Утрата бодрость чувствъ, заимствовалъ бы ты,  
Быть можетъ праздность ихъ и блажь слѣпой тщеты,  
Ты сталъ бы, какъ они, въ безчувствіи глубокомъ  
На участь братіевъ взирать холоднымъ окомъ  
И думать, что Творецъ на то и создалъ знать,  
Чтобъ кровью ближняго ей нагло торговать;  
Что черни далъ однѣ онъ спины; барству души,  
Какъ далъ рога быку а зайцу только уши;  
Что жизнь онъ въ даръ послалъ для баръ и богача,  
Другимъ взвалилъ ее, какъ ношу на плеча;  
И что все такъ — въ благомъ придумано совѣтѣ,  
Чтобъ былъ немногимъ рай а многимъ адъ на свѣтѣ.  
Счастливъ, кто самъ собой взошелъ на высоту:  
Рожденный на верхахъ все видитъ на лету;  
Надмѣнность или далъ его туманять зрѣнье,  
За правду часто онъ пріемлетъ заблужденье,  
Обманываясь самъ, страстями ослѣпленъ,  
Довѣрчивость другихъ обманываетъ онъ.  
Но ты страшись его завидовать породѣ,  
Ты рабъ свободный, онъ — рабъ жалкій на свободѣ.



1821 г.





## ОХVII.

### ВОЛКИ И ПАСТУХИ.

---

Волкъ вздумалъ добрымъ и смиреннымъ быть.  
Злодѣямъ мудроно любить, —  
Не спорю, но прошу прослушать  
Съ терпѣньемъ мой разсказъ.  
Какимъ-то случаемъ, въ какой-то добрый часъ,  
Привыкшій волкъ овецъ, ягнать невинныхъ кушать,  
Задумался, и говоритъ:  
Кому не сдѣлалъ я обидъ?  
Я общій врагъ, меня за дѣло проклинаютъ;  
Всѣ гибели моей желаютъ:  
Цари, собаки, пастухи.  
Давно за тяжкіе грѣхи  
Изгнали насъ изъ Альбіона.  
Жизнь волчья сущій адъ. Не лучше-ль наконецъ  
Муравку мнѣ щипать и не душить овецъ?  
Утѣшно-ль быть виной несчастія и стона?  
Сказалъ смиренный нашъ, и видитъ пастуховъ,  
Сидящихъ вокругъ огня подъ рослыми дубами.  
Волкъ тихими шагами  
Подходить. Ужинъ былъ готовъ.  
Барашекъ жареный, растерзанный на части,

Пріятной пищею хозяевамъ служилъ.

И у людей такія-жь страсти!

Прожора завричалъ: напрасно я грустилъ,

Напрасно въ постники хотѣлъ я записаться;

Стадъ караульщики изволятъ забавляться

Не хуже насъ волковъ.

Къ чему мнѣ быть смиренѣй и лучше пастуховъ?

Овечки милыя! Я съ вами разставаться

Теперь, повѣрьте мнѣ, не буду никогда;

Прошу пожаловать сюда!

Волкъ правъ, и, не смотря на всѣ людскіе толки,

Мы точно тѣже волки.

---

## CXVIII.

ЭПИГРАММЫ.  

---

## 1.

Для славы ты здоровья не жалѣешь.  
Но берегись, не долго до грѣха;  
Надъ риемою ты цѣлый вѣкъ потѣешь,  
А тамъ, какъ разъ, прозабнешь отъ стиха.

## 2.

Корысти презрѣнной не покоряясь игу,  
Ты продалъ за ничто стиховъ своихъ тетрадь,  
Въ глаза и за глаза не грѣхъ тебѣ сказать,  
Что выдалъ ничего не стоящую книгу.

## 3.

Благословенный плодъ проклятаго териѣнья  
За цѣну сходную онъ отдаетъ въ печать;  
Но, къ большей вѣрности, зачѣмъ не досказать:  
За цѣну сходную съ достоинствомъ творенья.

---

## СХІХ.

## ГОЛОСЪ СЕРДЦА.

Одинъ мастеровой,  
На этотъ случай не хмѣльной,  
Въ рабочій день столкнувшись съ другомъ,  
Который до утра, напившись пьянъ, досугомъ,  
Разлегся безъ чиновъ на грязной мостовой.  
„Счастливое творенье!“  
Онъ, другомъ съ завистью любуясь, говоритъ;  
„Но если Богъ велитъ,  
Вотъ такъ-то и меня увидятъ въ воскресенье.

## СХХ.

## КЪ СМЕРТИ.

(Подражаніе французскому).

О смерть! прошу я, сдѣлай дружбу,  
Какъ станешь звать къ себѣ на службу  
И будешь въ нашей сторонѣ,  
Не подходи къ моей ты вельѣ;  
За чѣмъ пойду на новоселье,  
Когда и здѣсь не худо мнѣ.

## ОХХІ.

## ПОСЛАНИЕ КЪ М. Т. КАЧЕНОВСКОМУ.

Передъ судомъ ума сколь Каченовскій жалокъ,  
Талантовъ низкій врагъ, завистливый зомль.  
Какъ оный вѣчный огнь при алтарѣ весталокъ,  
Такъ втайнѣ вѣчный ядъ, даръ лютой адскихъ силъ,  
Въ груди несчастнаго неугасимо тлѣетъ;  
На немъ чужой успѣхъ, какъ ноша тяготѣетъ;  
Счастливица свѣжій лавръ — колючій тернъ ему;  
Всегда онъ ближняго довольствомъ не доволенъ,  
И, вольный мученикъ, чужимъ здоровьемъ боленъ.  
Гдѣ жертвъ не обрекла господству своему  
Слѣпая зависть, дочь надменности ничтожной?  
Извѣстности боясь, вмѣею осторожной  
Ползетъ, роняя вслѣдъ ядъ гнусной клеветы.  
Въ толпѣ, въ дому царей, въ уборной красоты  
Свирѣпствуетъ во тьмѣ коварная зараза;  
Но въ мирной музѣ семьѣ, средь всадниковъ Пегаса  
Господствуетъ она свирѣпѣй во сто кратъ;  
Въ Элизій скромныхъ дѣвъ внесенъ мятежный адъ.  
Будь музы сестры, такъ! но авторы не братья,  
Имъ съ Каиномъ равно на лбу печать проклятыя  
У многихъ врѣзала ревнивая вражда.

Достойнымъ похвала, ничтожеству обида  
 „Скучаю слушать я, какъ онъ хвалилъ всегда!“  
 Вопрошенный сказалъ гонитель Аристида.  
 Не зная какъ судить, ничтожные бранять,  
 И, понижая всѣхъ, возвыситься хотять.  
 Отъ Кяхты до Аѳинъ, отъ Лужниковъ до Рима  
 Вражда въ достоинству была непримирима.

. . . . .  
 На Велизарія дерзаетъ мечъ простерть,  
 И старцу мудрецу въ тюрьмѣ подносить смерть.  
 Внемлите, какъ теперь *пушковые невѣжды*  
 Поносятъ клеветой высокихъ душъ надежды.  
 На свѣтломъ поприщѣ гражданскаго ума  
 Для нихъ лежитъ еще предубѣжденій тьма,  
 Враги того, что есть, и новыхъ бѣдъ пророки,  
 Успѣхамъ нашихъ дней старинныхъ лѣтъ пороки  
 Дерзаютъ предпочестъ въ безумной слѣпотѣ,  
 И правдой жертвовать обманчивой тщетѣ.

. . . . .  
 „Заброшенъ я въ пыли, какъ старый валендарь,  
 „Его наперерывъ читаютъ чернь и царь;  
 „Разнообразенъ онъ въ роскошествѣ таланта:  
 „Я сухостью сожженъ бесплоднаго педанта.  
 „Чѣмъ отомщу ему? Орудьемъ клеветы!“  
 Сказалъ поденный враль, и тисбать сталъ листы.  
 Но можетъ ли вредить ревнивый пустомеля?  
 Пусть каждый слѣдуетъ примѣру Фонтенеля:  
 „Взгляни на сей сундукъ, онъ другу говорилъ,  
 „Котораго враньемъ ругатель очернилъ.  
 „Онъ полонъ на меня сатиръ и небылицы,  
 „Но въ нихъ я ни одной не развернулъ страницы.“  
 За чѣмъ исвать чужихъ примѣровъ? скажешь ты:  
 Насъ учить Карамзинъ презрѣнью клеветы.  
 На вызовъ крикуновъ, со степени изящной  
 Сходилъ ли онъ въ ряды, гдѣ битвой рукопашной  
 Предъ праздною толпой, какъ жадные бойцы,

Свой унижаютъ санъ прекраснаго жрецы?  
 Нѣтъ! презря слабыхъ душъ корыстныя управы,  
 Онъ мелкой личностью не затмѣваетъ славы:  
 Пусть скукой и враньемъ торгующій зоилъ,  
 Бессильный поражать плодъ зрѣлый зрѣлыхъ силъ,  
 Что день подъ остріе владеть тупаго жала  
 Досуговъ молодыхъ счастливыя начала;  
 Пусть сей оцѣнщикъ словъ и въ азбукѣ знатокъ  
 Теревитъ трудъ ума съ профессорскихъ досокъ,  
 Какъ посѣдѣвшая въ углахъ архивы пыльной  
 Мышь хартии грызетъ со злостью щепетильной.  
 На славу опершись, не занятый молвой,  
 Онъ съ площаднымъ врагомъ не входитъ въ низкій бой.  
 На рубежѣ вѣковъ нашъ съ предками посредникъ,  
 Завѣтовъ опыта потомкамъ проповѣдникъ,  
 О суточныхъ врагахъ ему ли помышлять?  
 Ихъ жалкій жребій: чернь за деньги забавлять;  
 Его: въ потомствѣ жить, взывая къ жизни древность.  
 Ты правъ,—еще пойму соперничества ревность:  
 Корнелию бы могъ завидывать Расинъ,  
 Жуковскій Байрону, фонъ-Визину Княжнинъ.  
 Въ безбрежныхъ областяхъ надоблачной державы  
 Орелъ не подѣлитъ съ другимъ участка славы;  
 На солнце хочетъ онъ одинъ отважно зрѣть;  
 Иль смерть иль воздуха господство безсовмѣстно,  
 И при соперникѣ ему подъ небомъ тѣсно.  
 У льва кровавый тигръ оспариваетъ снѣдь.  
 Но кто, скажите мнѣ, видалъ, чтобъ черепаха  
 Кидалась тяжело съ неловкаго розмаха,  
 И силилась орлу путь къ солнцу заслонить?  
 Намъ должно бы умнѣй тупыхъ животныхъ быть,  
 А каждый день при насъ задорные пигмеи,  
 Въ союзѣ съ глупостью, вообразя затѣи,  
 Богатырей ума зовутъ на бой чернилъ,  
 Нахальствомъ ополчась за недостаткомъ силъ.  
 Ошибки замѣчай, ошибки людямъ сродны,

Но въ поученіи пусть голосъ благородный  
 И благородство чувствъ показываетъ намъ.  
 Ты хочешь исправлять, но будь исправенъ самъ.  
 Уваженъ будешь ты, когда другихъ уважишь.  
 Когда-жъ и правду ты языкомъ злости скажешь,  
 То правды свѣтлый лучъ, какъ въ зеркалѣ кривомъ,  
 Потускнеть подъ твоимъ завистливымъ перомъ.  
 Случалось и глупцу отыскивать пороки,  
 Но взвѣсить трудъ ума лишь можетъ умъ высокій.  
 Насмѣшки рѣзкія—сатиры личной зло:  
 Цвѣтами увивалъ ихъ стрѣлы Боало.  
 Въ комъ нравиться есть даръ, тотъ пусть одинъ злословить.  
 Пчела и жалить насъ и сладкій медъ готовить;  
 Но изъ вреда вредить комаръ досадный радъ.  
 Довучнаго ушамъ, презрѣннаго на взглядъ,  
 Его безъ жалости охотно давить каждый.  
 Слѣпцы! въ чему ведетъ тоска завистной жажды,  
 Какой богатый плодъ приноситъ вамъ раздоръ?  
 Таланту блескъ двойной, а вамъ двойной позоръ,  
 Успѣхъ есть общая достоинствъ принадлежность,  
 Къ нему возятъ даръ свыше и прилежность.  
 Враговъ не клеветой, искусствомъ побѣди;  
 Затми ихъ свѣтлый лавръ, и лавръ твой впереди.  
 Соревнованья жаръ источникъ дѣлъ высокихъ:  
 Но ревность, адъ ума и страсть сердець жестокихъ —  
 Лишь древо здоровое дать можетъ здоровый плодъ,  
 Лишь пламень чистый въ насъ таланта огонь зажжетъ.  
 Счастливъ, кто могъ сказать: „друзей я въ славѣ нажилъ,  
 Враговъ своихъ не зналъ, соперниковъ уважилъ.  
 Искусства насъ въ одно семейство сопрягли,  
 На ровный жребій благъ и бѣдствій обрекли.  
 Причастенъ славѣ ихъ, они моей причастны;  
 Ихъ днями ясными мои дни были ясны“.  
 Тамъ рядомъ щедрая земля изъ влажныхъ нѣдръ  
 Растить и гордый дубъ, и сановитый кедръ.  
 Ихъ чела въ облакахъ, стопы ихъ съ адомъ смежны;



Природа съ каждымъ днемъ крѣпитъ союзъ надежный,  
И, сросшійся въ одинъ, ихъ корень вѣковъ  
Смѣется наглости бунтующихъ стихій.

Столѣтья зрятъ они, другъ другомъ огражденны,  
Тогда какъ въ ихъ тѣни, шипя, змѣи презрѣнны,  
Междоусобныхъ ссоръ питая гнусный ядъ,  
Нечистой кровію подошвы ихъ багрятъ.

---

## СХХІІ.

П Ъ С Н Я.  

---

Какъ обманъ, какъ упоенье,  
Какъ прелестный призракъ сна,  
Какъ слѣпое заблужденье,  
Какъ надежды обольщенье,  
Скрылась дней моихъ весна!

Какъ блескъ молнии свѣтозарной,  
Какъ минутные цвѣты,  
Какъ любовь неблагодарной,  
Какъ въ несчастьи другъ коварной,  
Измѣнили мнѣ мечты!

Какъ пернатый житель лѣса,  
Какъ пустынная стрѣла,  
Какъ отважный конь Черкеса,  
Какъ потокъ съ вершинъ утеса,  
Радость быстро протекла!

---

## СХХІІІ.

## КЪ ИТАЛЬЯНЦУ, ВОЗВРАЩАЮЩЕМУСЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВО.

Подъ небомъ голубымъ Италиі прекрасной,  
Въ отечествѣ надеждъ и счастья сладкихъ сновъ,  
Гдѣ воздухъ напоенъ любовью сладострастной,  
Гдѣ миртъ колеблется и блескъ златыхъ плодовъ  
Въ густой тѣни деревъ съ лучами дня играетъ,  
Да жизни предъ тобой всегда свѣтлѣетъ путь,  
Да радость и любовь чело твое вѣнчаетъ,  
Но сѣверныхъ снѣговъ не позабудь!

Въ странѣ, гдѣ гордый Тибръ златя ватитъ воды,  
Гдѣ Капитоліумъ вознесъ свою главу,  
Вспомни прахъ Кремля, сей памятникъ свободы,  
Вспомни славную въ паденіи Москву!  
Иди, куда тебя отца зовутъ моленья;  
Въ объятіяхъ согрѣй ты старческую грудь,  
Но въ первой радости любви и умиленья  
Насъ, сѣверныхъ друзей, не позабудь.

## СХХІV.

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

(ПОДРАЖАНІЕ САТИРЪ Ш, ДЕРЖО).

О ты, который намъ явить съ успѣхомъ могъ  
 И своеравный умъ, и безпорочный слогъ,  
 Въ бореньи съ трудностью силачь необычайный  
 Не тайнъ поэзіи, но стихотворства тайны,  
 Жуковскій! отъ тебя хочу спросить давно:  
 Поэзія есть даръ, стихъ мастерство одно.  
 Природѣ въ насъ зажечь свѣтильникъ вдохновенья,  
 Искусства намъ даютъ примѣръ и наставленья.  
 Какъ съ риемой совладѣть, подай ты мнѣ совѣтъ.  
 Не ты за ней бѣжишь, она тебѣ во слѣдъ;  
 Угрюмый нашъ языкъ, какъ риемами ни бѣденъ,  
 Но прихотямъ твоимъ упоръ его не вреденъ,  
 Не спотыкаешься ты на концѣ стиха,  
 И риемою свой стихъ вѣнчаешь безъ грѣха.  
 О чемъ ни говоришь, она съ тобой въ союзѣ  
 Ты вѣрный завсегда попутчикъ смѣлой Музѣ.  
 Но я, который сталъ поэтомъ на бѣду,  
 Едва когда путемъ на риему набреду;  
 Не столько трудъ тяжелъ въ Нерчинскѣ рудовопу,  
 Какъ мнѣ, поймавши мысль, подвести ее подъ стопу,  
 И риему залучить къ перу на остріе.

Умъ говоритъ одно, а вздорщица свое.  
 Хочу-ль сказать, въ кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ,  
 Державинъ рвется въ стихъ, а попадетъ Херасковъ!  
 Въ стихахъ моихъ не разъ, ее благодаря,  
 Трусъ Марсомъ прослыветъ, Катонѣмъ льстецъ царя,  
 И, словомъ, какъ меня въ морозъ и жаръ ни мечетъ.  
 А рима, надо мной ругаясь, все перечить.  
 Съ досады, наконецъ, и выбившись изъ силъ,  
 Даю зарокъ не знать ни перьевъ, ни чернилъ,  
 Но только кровь во мнѣ, споконвшись, остынетъ,  
 И неуспѣшный ловъ за римой умъ повинетъ,  
 Нежданная, ко мнѣ является она,  
 И мной владѣетъ вновь Парнасскій сатана.  
 Опять на пытку я, опять бумагу въ руки  
 За римой римы ждать, за мукой новой муки.  
 Еще когда бы могъ я, глядя на другихъ,  
 Въ попадъ и не въ попадъ сажать слова въ мой стихъ;  
 Довольный счетомъ стопъ и римою богатой,  
 Пестрилъ бы я его услужливой заплатой.  
 Умѣлъ бы, какъ другой, паря на небеса,  
 Я въ пляску здѣсь пустить и горы, и лѣса,  
 И въ самый лѣтній зной, въ лугахъ срывая розы,  
 Насильственно пригнать съ Уральскихъ горъ морозы.  
 При помощи такихъ союзниковъ, какъ встарь,  
 Изъ одъ своихъ бы могъ составить римъ словарь,  
 И Сумарокова одѣть въ покровѣ новомъ;  
 Но мой пугливый умъ дрожитъ надъ каждымъ словомъ,  
 И рима праздная, обезобразивъ рѣчь,  
 Хоть стихъ и звученъ будь, ему какъ острый мечъ.  
 Скорѣе соглашусь, смиря свою отвагу,  
 Стихами бѣлыми весь вѣкъ чернить бумагу,  
 Чѣмъ слѣпо вклеивать въ конецъ стиховъ слова,  
 И написавъ ихъ три, изъ нихъ мараю два.  
 Провлѣтью предаю я, наравнѣ съ убійцей,  
 Того, кто первый стихъ дерзнулъ стѣснить границей,  
 И вздумалъ римы цѣпь на разумъ наложить.

Не будь онъ, — могъ бы я спокойно вѣкъ дожить,  
 Заботъ въ глаза не звать и какъ лѣнивонецъ жирной  
 Спать ночью, днемъ дремать въ объятыхъ лѣни мирной.  
 Ни тайный ядъ страстей, ни зависти змѣя  
 Грызущею тоской не трогаютъ меня.  
 Вельможескихъ палатъ не знаю переходовъ,  
 Къ бысть меня не мчитъ къ брегамъ чужихъ народовъ.  
 Довольный тѣмъ, что есть, признательный судьбѣ,  
 Не могъ бы въ счастья звать я равнаго себѣ;  
 Но заразясь на зло стихолюбивымъ ядомъ,  
 Свой рай земной смѣнилъ я добровольнымъ адомъ.  
 Съ тѣхъ поръ я самъ не свой: прикованный въ столу,  
 Какъ древле изгнанный преступникъ на свалу  
 Богами брошенъ былъ на жертву хищной власти,  
 Насытить не могу ненасытимой страсти.  
 То оборотъ мирю съ упрямымъ языкомъ,  
 То вышиваю стихъ, то строфу цѣликомъ  
 И, силы истоща въ страдальческой работѣ,  
 Тѣмъ болѣ мучусь я, что мучусь по охотѣ.  
 Блаженный Николевъ! ты этихъ мукъ не зналъ.  
 Пока рука перомъ водила, ты писалъ,  
 И полка книжная, твой знаменую геній,  
 Трещить подъ тяжестью твоихъ стихотвореній.  
 Пусть слогъ твой сухъ и вялъ, пусть холоденъ твой жаръ,  
 Но ты, какъ и другой, Заякнута товаръ,  
 Благодаря глупцамъ, не залежишься въ лавкѣ!  
 „Гдѣ риема на лицо, смыслъ можетъ быть въ неявкѣ!“  
 Такъ думалъ ты, и томъ надъ томомъ громоздилъ;  
 Но жалокъ, правиламъ кто умъ свой покорилъ.  
 Удачный выборъ словъ невѣждѣ не помѣха:  
 Ему, что новый стихъ, то новая потѣха.  
 Съ листа на листъ, рѣзвась, игривою рукой,  
 Онъ въ каждой глупости любитъ себя собой,  
 Напротивъ же, къ себѣ писатель безпристрастной,  
 Тщась безпорочнымъ быть, въ борьбѣ съ собой всечасной,  
 Оправданный вездѣ, онъ предъ собой неправъ;

Всѣмъ нравясь, одному себѣ онъ не на нравъ.  
И часто, кто за даръ прославленъ цѣлымъ свѣтомъ,  
Тотъ проклинаетъ день, въ который сталъ поэтомъ.  
Ты, видя подо мной разставленную сѣть,  
Жуковскій! научи какъ съ риемой совладѣть;  
Но если выше силъ твоихъ сія услуга,  
То отъ заразы риемъ избавь больного друга!

---

## СХХV.

## ВЕЧЕРЪ НА ВОЛГѢ.

Дыханье вечера долину освѣжило,  
Благоухаетъ древь трепещущая сѣнь  
И яркое свѣтило,  
Спустившись въ нѣдра водъ, уже переступило  
Пылающихъ небесъ послѣднюю ступень.  
Повсюду разлилось священное молчанье,  
Почило на волнахъ  
Игривыхъ вѣтровъ трепетанье,  
И сватерть синихъ водъ сравнялась въ берегахъ.  
Чья кисть, соперница природы,  
О Волга, рѣкъ краса, тебя изобразить?  
Кто въ облачной дали конецъ тебѣ прозритъ?  
Съ лазурной высотой твоей сравнялись воды,  
И пораженный взоръ, оцѣпенѣвъ, стоитъ  
Надъ влажною равниной;  
Иль, увлекаемый окрестною картиной,  
Онъ бродитъ по твоимъ красивымъ берегамъ:  
Здѣсь темный рядъ лѣсовъ подъ ризою тумановъ,  
Гряда воздушная синѣющихъ кургановъ,  
Вдали громада селъ, лежащихъ по горамъ,  
Луга, платящіе дань влажную стадамъ,  
Поля, одѣтыя волнующимся златомъ,



И взоръ теряется съ прибережныхъ вершинъ  
 Въ разнообразіи богатомъ  
 Очаровательныхъ картинъ.

Но вдругъ передъ собой зрю новое видѣнье:  
 Плывающимъ островамъ подобяся вдали,  
 Огромныя суда въ медлительномъ паренѣ  
 Несутъ по лону водъ сокровища земли;  
 Ихъ крылья смѣлая по воздуху бѣлѣютъ,  
 Ихъ мачты, какъ въ водахъ бродящій лѣсъ, темнѣютъ.  
 Люблю въ вечерній часъ, очарованья полнъ,

Прислушивать, о Волга величава!  
 Гласъ поэтической твоихъ священныхъ волнъ;  
 Въ нихъ отзывается Россіи древней слава.  
 Или, повинувъ брегъ, люблю гнать рѣзвый челнъ  
 По ропотнымъ твоимъ зыбямъ, — и сердцемъ весель,

Подъ шумомъ дружныхъ весель,  
 Забывшись, на яву одинъ дремать въ мечтахъ.  
 Поэзіи сынамъ твоимъ знакомы воды!

И Музы на твоихъ прохладныхъ берегахъ

Въ шумящихъ тростникахъ,  
 Въ часъ утренней свободы,  
 Съ цѣвницами въ рукахъ,  
 Водили хороводы  
 Со стаяй Нимфъ молодыхъ, —  
 И отзывъ горь врутыхъ,  
 И вѣковые своды  
 Встревоженныхъ дубравъ,  
 Ихъ пѣснями звучали,  
 И звонкій гласъ забавъ  
 Оврестъ передавали.

Державинъ, Несторъ Музь, и мудрый Карамзинъ,  
 И Дмитриевъ, Харитъ счастливый обожатель,  
 Величья твоего пѣвецъ-повѣствователь,  
 Тобой воспоены средь отческихъ долинъ.  
 Младое пѣнье ихъ твой берегъ оглашало,  
 И слава ихъ чиста, какъ водъ твоихъ зеркало,

Когда глядится въ нихъ лазурный сводъ небесъ,  
Безмолвной тишиной окованъ ближній лѣсъ,  
И рѣзвый вѣтерокъ не шевелитъ струею.  
Ихъ геній мужественъ, какъ геній водъ твоихъ,  
Когда гроза во тьмѣ влудится надъ тобою,  
И пѣною кипятъ громады волнъ сѣдыхъ;  
Противникъ наглыхъ бурь, онъ злобѣ ихъ упорной  
Смѣется, опершись на брегъ ему покорной;  
Обширень ихъ полеть, какъ бѣгъ обширень твой;  
Какъ ты, сверша свой путь, назначенный судьбой,  
Въ пучину Каспія мчишь воды обновленны,  
Такъ славные ихъ дни, согражданамъ священны,  
Сольются, кругъ сверша, съ бессмертіемъ въ вѣвахъ!  
Но мнѣ ли помышлять, но мнѣ ли пѣть о славѣ?  
Мой жребій: бѣгъ ручья въ безвѣстныхъ берегахъ,  
Віющійся въ дубравѣ!  
Счастливъ онъ, если могъ цвѣты струей омыть  
И ропотомъ пріятнымъ  
Младыхъ любовниковъ шаги остановить,  
И сердце ихъ свлочить къ мечтаньямъ благодатнымъ.

---

## СХХVI.

УТРО НА ВОЛГѢ.  

---

Еще волнуются туманы  
Еще объята мглой рѣка;  
Какъ безобразны великаны,  
По небу мчатся облака.  
Ночною ризою земля еще одѣта,  
Но въ легкомъ, чуткомъ полуснѣ,  
Ужъ ждетъ прекраснаго разсвѣта  
Въ нетерпѣливой тишинѣ.

Вотъ утра свѣжій вѣтръ повѣялъ  
Расшевелилъ дремавшій лѣсъ  
И зыбкой паръ съ земли разсѣялъ  
И растворилъ лазурь небесъ.  
Какъ мысль Всевышняго на пурпурномъ Востокѣ  
Златая искра занялась  
И быстро въ огненномъ потокѣ  
Лучами свѣта разлилась.

Природы пиръ, творенья радость,  
Свѣтлѣтъ утро на землѣ;  
Такъ, улыбаясь, блещетъ младость  
На чистомъ, дѣвственномъ челѣ.

Волнуются луга бродящими стадами  
 И звонко ожили древа  
 Сладкозвучащими хвалами  
 Пѣвцовъ врылатыхъ Божества.

Предупреда разсвѣтъ денницы,  
 Рыбарь на дерзостномъ челнѣ,  
 Закинувъ легкія пловницы,  
 Скользитъ по трепетной волнѣ.  
 Еще лѣнивый сонъ его лепѣтъ вѣжды  
 Но отъ одра ужъ онъ бѣжитъ,  
 Весло его въ рукѣ надежды,  
 Корысть съ нимъ на кормѣ сидитъ.

Влекомый вѣтеркомъ прохладнымъ,  
 Онъ гонитъ быструю ладью,  
 Угадывая взоромъ жаднымъ  
 Добычу тайную свою!  
 О, радость! Ловъ счастливъ! на злачный брегъ влечется  
 Чешуйчатая дань зыбей  
 И плѣнница напрасно бьется  
 О сѣть, безжалостную въ ней.

Сынъ матери чадолюбивой,  
 Природы сынъ и вѣрный другъ,  
 Сбираетъ пахарь съ щедрой нивы,  
 Плодъ годовыхъ своихъ заслугъ.  
 Усѣяны поля согбенными толпами,  
 Свербаютъ острые серпы  
 И позлащенными холмами  
 Встаютъ тяжелые снопы.

Все торжествуетъ дня рожденье —  
 Земля и тверди высота!  
 Повсюду стройное движенье,  
 Порядокъ, польза, красота.  
 Промчался жизни духъ надъ спящею землею!

Все пробудилось, расцвѣло,  
 Все блещетъ жизнью молодою,  
 Все звукъ и душу обрѣло.

Бѣглець природы, рабъ пристрастья,  
 Постыдной данникъ суеты,  
 Доселѣ зрѣлъ я безъ участья  
 Природы свѣтлой красоты.  
 Не для моихъ очей и лѣто разстило  
 Твань изумрудную въ лугахъ,  
 И алчной жатвѣ созрѣвало  
 Богатство осени въ поляхъ.

Не для меня ручьи шумѣли,  
 Съ грозой перекликался лѣсъ  
 И дальнихъ горъ верхи синѣли,  
 Теряясь въ бирюзѣ небесъ;  
 Не для моихъ очей и утро облагалось  
 Въ златой и праздничный уборъ  
 И небо звѣздное купалось  
 Въ струистой синевѣ озеръ.

Въ груди моей не отзывались  
 Созвучья неба и земли  
 И чувства хладно пресмыкались  
 Во тьмѣ, въ молчаньи и въ пыли.  
 Но здѣсь упала съ глазъ туманная завѣса:  
 Я красоту долинъ прозрѣлъ  
 И шумъ краснорѣчивой лѣса  
 И ропотъ водъ уразумѣлъ.

Я твой, природа, твой отнынѣ!  
 Отступника усынови!  
 Я подхожу въ твоей святынѣ  
 Съ сердечнымъ трепетомъ любви.  
 Повѣдай мнѣ свои святя откровенья,  
 Согрѣй меня и озари,

И тихимъ жаромъ умиленья  
Мой умъ и душу раствори.

Но скоро ли свободно сброшу  
Ярмо, гнетущее меня,  
Какъ труженникъ наемный ношу  
Бросаетъ на закатѣ дня!  
Когда же въ пристани повѣтъ вѣтръ попутный  
И радугу благословлю?  
И вѣрный якорь жизни смутной  
О брегъ надежный укрѣплю?

Въ твоихъ святилищахъ прохладныхъ  
О дай мнѣ, Волга, утолить  
Тоску страстей слѣпыхъ и жадныхъ  
Дай жизнью новой мнѣ ожить!  
Ожить для радостей, для мудраго покоя,  
И безболѣзненные дни  
Дай уберечь отъ бурь и зноя  
Въ твоёмъ затишьи и тѣни.

---

## ОХХVII.

## ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЙ ВРАЧЬ.

„Ну, долго-ли мнѣ здѣсь стучаться по пустому?  
 Больной васъ ждетъ къ себѣ: извольте отпереть.  
 „Нѣтъ! въ ночь и по дождю я не хожу къ больному!  
 Богъ съ нимъ! и безъ меня онъ можетъ умереть!“

## ОХХVIII.

## ОШИБКА ВРАЧА.

Шутя скрипачъ, а ремесломъ другъ хмѣлю,  
 Съ попойки всталъ, и слегъ больной въ постелю.  
 Жена въ слезахъ послала за врачомъ;  
 Приходитъ онъ, и съ гробовымъ лицомъ,  
 Вѣщаетъ въ слухъ: „Сообразя догадки,  
 Здѣсь нахожу съ ознобомъ лихорадки  
 И жажды жаръ; но мудрый Гиппократъ  
 Велитъ сперва намъ жажды пылъ убавить;  
 Больной на то: „Нѣтъ, нѣтъ! пустое, братъ!  
 Сперва прошу отъ холода избавить,  
 А съ жаждой самъ управиться я радъ.“

## СХХІХ.

## СТОЛЪ И ПОСТЕЛЯ.

Полюбилъ я сердцемъ Леля,  
По сердцу пришелъ Усладъ!  
Былъ бы столъ, была-бъ постеля—  
Я доволенъ и богатъ.

Пусть боецъ въ кровавомъ дѣлѣ  
Пожинаетъ лавръ мечомъ;  
Розы дышутъ на постелѣ,  
Виноградникъ за столомъ.

Одами поэтъ Савелій  
Всѣхъ плѣняетъ кроткимъ сномъ;  
Вѣкъ трудится для постели  
Онъ за письменнымъ столомъ.

Бѣдствій меньше бы терпѣли;  
Если-бъ люди, страстны къ злу,  
Были вѣрны въ ночь постели,  
Вѣрны днемъ, какъ я, столу.

За столомъ достигнувъ цѣли,  
На постель я часто шелъ,  
Завтра можетъ-быть съ постели  
Понесутъ меня на столъ.



ОХХХ.

НА НѢКОТОРУЮ ПОЭМУ.

---

Отечество спаслось Кутузова мечемъ  
Отъ мстительной вражды новѣйшаго Батя,  
Но отъ твоихъ стиховъ, враждующихъ съ умомъ,  
Ахъ! не спаслась Россія!

---

ОХХХІ.

НА НЕЕ ЖЕ.

---

Между Харибдою и Сциллою  
Немилосердный рокъ Россію волновалъ:  
Погибшую ждалъ плѣнъ унылый  
Спасенную—Грузинцевъ съ пѣснью ждалъ.

---

## ОХХХІІ.

## ПОШЛА ПИСАТЬ.

Дорогой бѣдъ, дорогой благъ,  
 На все лишь первый трудень шагъ.  
 Летишь ли вверхъ, катишься-ль въ бездны.  
 Нельзя стремленья удержать!  
 Шагнулъ — оглядки бесполезны:  
 Пошла писать!

Критонъ отличный генераль:  
 Враговъ въ лице онъ не видалъ,  
 Разъ какъ то, струсивъ въ первой сѣчѣ:  
 Однажды стоитъ убѣждать,  
 А тамъ уже при каждой встрѣчѣ —  
 Пошла писать.

Полвѣва Хлоя отжила.  
 Тиха, привѣтлива была;  
 Теперь спѣсивится, какъ ода:  
 Никто, ничто ей ни подъ стать.  
 На зло себѣ и ближнихъ рода  
 Пошла писать!

Когда-бъ отъ первыхъ неудачъ,  
 Кидалъ перо худой риѣмачъ,  
 Я бъ промолчалъ свою досаду;  
 Но стоитъ только разъ начать,  
 А тамъ рука ужъ до упаду  
 Пошла писать!

## СХХХІІІ.

## НЕВЫГОДЫ ЛѢТА.

(СЪ ФРАНЦУЗСКАГО).

Какъ сельскій мой пріютъ зимой мнѣ милъ бываетъ:  
Нѣтъ принужденья въ немъ, нѣтъ суетней, суеты!  
Товарищи мои — занятя и мечты.  
Но лѣтомъ мой сосѣдъ къ себѣ переѣзжаетъ....

Когда другіе ждутъ, чтобъ, краснымъ днѣмъ во слѣдъ,  
Лѣсъ пышной зеленью, а лугъ одѣлся цвѣтомъ,  
Дрожу я, думая, что возвратятся съ лѣтомъ  
И комары, и мой сосѣдъ!

## ОХХХІV.

ГРАФИНЪ СОФЬВЪ АЛЕКСѢЕВНЪ МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ.

Что сказать мнѣ вамъ, графиня?  
Что вы милы, какъ богиня,  
Что мнѣ свѣтъ безъ васъ пустыня,  
Что весна мнѣ не въ весну,  
А сіяющее лѣто  
Будто сумракомъ одѣто,  
Что у грусти я въ плѣну,  
Что куда я ни взгляну,  
Все объ васъ я вспомяну  
И все то, что говорилось  
Нашимъ братомъ въ старину!  
Но столѣтье измѣнилось,  
И всему есть новый ладъ,  
Буду правъ передъ душою,  
Но предъ свѣтомъ виноватъ:  
Скажутъ всѣ, что стариною  
Я забредилъ не въ попадъ,  
И вы первая, скучая,  
Мнѣ стыдомъ зажмите ротъ,  
Свой звѣтой растворяя.  
Нѣтъ! ужъ миновалъ чередъ  
Нашей брати парнасской,

И языкъ боговъ слыветъ  
 Старой бабушкиной сказкой,  
 Селадомомъ сладкимъ — Фебъ,  
 Бѣленой — насущный хлѣбъ,  
 Желтымъ домомъ — мѣръ поэтовъ;  
 И обидой ѣдкихъ лѣтъ  
 Полинялъ любимый цвѣтъ  
 Мадригаловъ и сонетовъ.  
 Разсудительный нашъ вѣкъ  
 На разсудкѣ помѣшался,  
 И кто съ Музой сочетался,  
 Тотъ стыду себя обрекъ.  
 Въ вѣкѣ дружномъ съ баснословьемъ,  
 Какъ Паеосъ существовалъ,  
 И поэта хладнокровьемъ  
 Свѣтъ угрюмый не встрѣчалъ,  
 Грѣшный жить бы я желалъ,  
 Разумѣтся съ условьемъ,  
 Чтобы васъ я тамъ сыскалъ.  
 Не боясь насмѣшекъ строгихъ,  
 Не прося большихъ похвалъ,  
 Я-бъ въ стихахъ полуубогихъ  
 Съ небылицей былъ мѣшалъ.  
 Гражданинъ Цитерскій родомъ,  
 Я отъ грацій мимоходомъ  
 Къ вамъ легко бы перешелъ.  
 Мальчикъ-богъ, слѣпецъ врылатый  
 Былъ бы зоркѣй мой вожатый,  
 Иль мой стряпчій и посоль.  
 Окрестивши васъ въ Плѣниру  
 Иль въ Аглаю, въ добрый часъ,  
 Я-бъ настроилъ къ пѣснямъ лиру  
 И, ввѣряя ихъ зефиру,  
 Пѣлъ бы прелесть вашихъ глазъ,  
 Тайный даръ плѣнять улыбкой,  
 Станъ вашъ правильный и гибкой,

Ножку — собращенье ногъ,  
Свѣтлой юности игривость  
И невинную стыдливость,  
Сердца чистаго залогъ.  
Но, скажите, какъ посмѣю  
Пѣть на старый ладъ одинъ?  
Дверь уважутъ стиходѣю,  
А стихамъ его — каминъ.  
Нѣтъ увольте, ради Бога,  
И велите помолчать.  
Если жь прежняя дорога  
Намъ очистится опять,  
И Парнасса по сосѣдству  
Подновятъ Паѳосскій храмъ,  
И къ законному наслѣдству  
Возвратится право намъ;  
Если словомъ, хоть для шутки,  
Въ доброй славѣ будутъ вновь  
И старинны прибаутки,  
И старинная любовь;  
Если свѣтъ, не встати важный,  
Снова Музъ полюбить блажь:  
Пѣснопѣвецъ вашъ присяжный  
И поклонникъ вѣрный вашъ,  
Смѣло, вдохновенный вами,  
Я до смерти запоюсь,  
И все выскажу стихами,  
Что теперь сказать боюсь.

---

## ОХХХV.

ОТРЫВОКЪ.  

---

Гдѣ вы, черныя очи,  
Гдѣ вы, звѣзды мои?  
Мнѣ безъ васъ — дни и ночи  
Безъ надеждъ и любви.

На кого вы смотрите?  
Кого жжете огнемъ?  
Для кого вы блестите  
Мнѣ знакомымъ лучемъ?

---

## ОХХХVI.

НАДПИСЬ СОЛДАТУ.  

---

Съ орлами Русскими летая,  
Онъ къ славѣ путь пробилъ штыкомъ;  
Теперь, побѣду запивая,  
На бочкѣ онъ сидитъ, качаясь подь орломъ.

Художникъ здѣсь съ природой вѣрно  
Черты того изобразилъ,  
Кто всѣми былъ любимъ безмѣрно  
И отъ роду въ стихахъ самъ мѣры не хранилъ.

---



## ОХХХVII.

## ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Переводъ.  

---

Любовь! тебѣ прости на вѣки я сказалъ,  
Желаю Вакху въ плѣнь отдаться;  
Полвѣка я любилъ и отъ любви страдалъ,  
Полвѣка буду напиваться.

Теперь ничѣмъ ужъ не польстишь ты мнѣ:  
Приманки будутъ всѣ напрасны!  
Въ слезахъ моихъ погасъ свѣтильникъ твой злощастный,  
Свѣтильникъ дней моихъ я погашу въ винѣ.

---

## ОХХХVІІІ.

## Э П И Г Р А М М Ы.

## 1.

Безстыдный лжець, презрительной рукой  
На гибель мнѣ ты разсѣваешь вѣсти;  
Предвижу я: какъ Геростратъ другой  
Безчестьемъ ты добиться хочешь чести;  
Но тщетенъ трудъ: я мстительнымъ стихомъ  
Не объявлю о имени твоёмъ.  
Язви меня, на вызовъ твой не выйду,  
Не раздражишь молчаніе пѣвца;  
Хочу скорѣй я претерпѣть обиду,  
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глупца.

## 2.

Какъ мастерски пророковъ злыхъ подсѣлъ  
Риёмачъ, когда себя въ печать отправилъ;  
Имъ вопреки, онъ на своемъ поставилъ  
И сотню одъ не про себя пропѣлъ:  
Въ наборщикахъ читателей имѣлъ  
И цензора одобрить ихъ заставилъ.

## 3.

Сбираясь въ путь, глупецъ почетной  
 (Не знаю гдѣ, у насъ иль нѣтъ)  
 Кричалъ въ бесѣдѣ доброхотной,  
 Что бросить тысячь сто охотно  
 Съ тѣмъ, чтобъ узнать людей и свѣтъ.  
 И по дѣломъ!—Но мой совѣтъ,  
 Не сѣтуя о лишней тратѣ,—  
 Критонъ невинно отвѣчалъ:—  
 Еще придать сто тысячь кстати  
 На то, чтобъ свѣтъ васъ не узналъ.

## 4.

Безстыдной клеветой въ народѣ  
 Картушъ живыхъ всѣхъ перебралъ;  
 Теперь въ безстыдномъ переводѣ  
 Онъ Пиндара оклеветалъ.

## 5.

Въ ихъ ласкахъ лесть коварства вижу,  
 Ихъ клятвы—звукъ пустыхъ рѣчей;  
 О! признаюсь, я ненавижу  
 Большую часть.... моихъ друзей.

## 6.

Въ двухъ дюжинахъ поэмъ воспѣвшій предковъ сѣчи,  
 Глаголомъ ни стиха нашъ лирикъ не убилъ.  
 Какъ жалко мнѣ, что онъ частей и прочихъ рѣчи,  
 Какъ и глаголы, не щадилъ.

## 7.

Въ портретѣ семъ блеситъ искусства превосходство.  
 Такъ, это точно онъ: глаза, улыбка, видъ!

Живой Памфилъ! одна бѣда: не говорить—  
Но тѣмъ живѣе сходство!

## 8.

Несчастный мужъ! онъ право жалокъ мнѣ!  
Ревнивый бѣсъ его въ конецъ доведетъ:  
Кто невзначай подступитъ ли къ женѣ?  
Онъ на иглахъ, дрожить, блѣднѣетъ, бредитъ;  
Она-ль за дверь? Онъ въ новыхъ поныхахъ:  
Встаетъ, бѣжитъ, взоръ пышетъ, дыбомъ волосъ!  
Спокойся, братъ, услышь разсудка голосъ,  
И безъ того ты будешь въ дуракахъ!

## 9.

Русакъ въ душѣ, орлиный почитатель,  
Такъ пилъ, такъ пилъ, что чуть не пропилъ глазъ;  
Приходитъ врачъ и говоритъ: пріятель!  
Знать дѣла здѣсь не на одинъ мнѣ часъ;  
Предвижу я, займешь меня работой.  
—Я терпѣливъ.—Ты будешь пить....—Съ охотой.  
—Шесть мѣсяцевъ....—Ужъ къ статѣ круглый годъ....  
—Девоктъ....—Девоктъ? пусть чортъ твой свяжетъ ротъ!  
Нѣтъ! за совѣтъ спасибо, братъ! прости!  
И воли такъ, я не хочу лечиться;  
Рѣшусь скорѣй обошва я лишиться,  
Чтобъ только домъ отъ гибели спасти.

---

## ОХХХІХ.

## РАЗГОВОРЪ.

## 1.

При выходе изъ театра по представлении драмы Juвѣное, взятой изъ романа Вальтеръ Скотта.

«Не можно отказать въ достойномъ фиміамѣ  
 «Творцу такихъ красотъ,  
 «И Шаховской въ своей послѣдней драмѣ  
 «Быль совершенный Вальтеръ-Скотъ!»  
 — Потише! не совсѣмъ! чтобъ былъ вѣрнѣе счетъ  
 Изъ похвалы твоей я лишнее откину,  
 И помирюсь на половину.

## 2.

О той же драмѣ, подвѣтой прологомъ.

О новой драмѣ, судъ не дологъ:  
 Не обижая никого,  
 Скажу, что драмы стѣбитъ прологъ,  
 А та не стѣбитъ ничего.

ОХЛ.

## ИЗЪ ПИСЬМА

къ Эоловой Арѣ, А. И. Тургеневу.

Твои слова: «не будутъ сестры!»  
 Мнѣ въ грудь пырнули ножикъ острый.  
 Пусть вскочитъ шишка на языкъ  
 Досаднаго мнѣ бѣдослова,  
 Или прильцнетъ языкъ Шижкова  
 Къ твоей гортани.... какъ ярлыкъ,  
 На коемъ вывела натура:  
 «Что тутъ есть глупости мивстура  
 «И что даетъ она приказъ:  
 «Принять по вздору каждый часъ».  
 Пусть Руничъ на языкъ повиснетъ,  
 И съ причетомъ и съ понадьей,  
 И что ни молвишь, пусть онъ прыснетъ  
 Рунической галиматьей;  
 Пусть въ зубу зубъ его притиснетъ,  
 Когда начнетъ хвалить сестеръ;  
 Пусть чортъ владеть на ротъ запоръ,  
 Когда поставятъ предъ тобою,  
 Или съ стерляжьею ухою,  
 Иль съ жирнымъ вальдшнепомъ приборъ.  
 Будь Каченовскій, Арцыбышевъ,  
 Будь пусть, какъ тотъ, какъ этотъ — густъ!  
 Пусть никогда вино не бишовъ  
 Твоихъ не услаждаетъ усть!

## ОХЛІ.

## ИЗЪ МОСКВЫ.

29-го декабря 1821 года.

Благодарю васъ за письмо, —  
Ума любезнаго трюмо, —  
О вы, которая издавна  
Екатерина Николавна,  
По русски просто говоря,  
А на грамматику смотря,  
Такъ Николаевна — но что же?  
Вѣдь Русскій стихъ, избави Боже!  
Какой пострѣлъ, какая шаль!  
Вѣдь Русскій стихъ не графъ Лаваль;  
Онъ не стоитъ на курьихъ ножкахъ.  
Какъ слонъ, на стопы опершись.  
Его не сломишь, какъ ни рвись!  
Что о собакахъ и о кошкахъ  
Пословицы намъ говорятъ,  
То скажемъ также, съ смысломъ правымъ,  
И о стихахъ съ разсудкомъ здравымъ:  
Въ нихъ не на долго видѣнъ ладъ,  
Въ нихъ мира нѣтъ, а перемирье;  
Все гладко вается, а тамъ  
И вскочутъ глупости, какъ чирья  
По красноюсовымъ носамъ.  
Вотъ вамъ примѣръ, да и примѣрный, —  
Я совралъ, какъ питомецъ вѣрный,

Кому кормилецъ Аполлонъ,  
Тремя помноженный Антонъ,  
Да на закуску Провоповичъ!  
Здѣсь приема мнѣ Василій Львовичъ —  
Что вамъ могу сказать о немъ?  
Сидитъ съ подагрой онъ вдвоемъ;  
Но вашъ Тургенѣвъ преподобный  
Ему подагры самой злобой  
Еще убійственнѣй сто разъ:  
Взялся его онъ въ добрый часъ  
Привести въ печатанную вѣру;  
Но христіанскому примѣру  
Онъ слѣдуя наоборотъ,  
Заворенѣлый грѣховодъ,  
Гдѣ-бъ должно дунуть, — въ усъ не дунуль,  
А тамъ на Пушкина же плюнуль,  
Отревшись отъ всѣхъ дѣлъ его.  
Но ради Бога самого  
Скажите, Пушкинъ дьяволъ что-ли?  
А здѣсь подъ риему мнѣ Горголи!  
Онъ подъ перо мое скользнуль,  
Какъ предъ несчастіемъ вотъ черный!  
Нѣтъ! нѣтъ! я тутъ слуга покорный  
И крикну развѣ: карауль!  
Да, встати, сдѣлавъ три поклона,  
Я васъ поздравлю съ сыномъ Крона,  
Иль съ новымъ годомъ, все равно!  
Пусть прыткой жизни одноколка  
По свѣжимъ бархатнымъ лугамъ  
Везетъ васъ къ пристани покойной!  
И на зарѣ и въ полдень знойной  
Пусть бережетъ васъ добрый духъ!  
И не перечить вамъ дороги  
Исподтишка ни случай строгій,  
Ни графъ Хвостовъ съ стихами въ слухъ!

---



## ОХЛІІ.

## МОЛИТВЕННЫЯ ДУМЫ.

Пушкинъ сказалъ:

Мы всѣ учились понемногу,  
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Мы также могли-бы сказать:

Всѣ молимся мы понемногу  
Кое-когда и кое-какъ.

(Изъ частнаго разговора)

Хотѣлъ-бы до того дойти я, чтобъ свободно  
И тайно про себя, и явно всенародно  
Предъ каждой церковью, прохожихъ не стыдась,  
Снявъ шляпу и крестомъ трикратно осѣнась,  
Оказывалъ и я приверженность въ святынѣ,  
Какъ дѣлали отцы, какъ дѣлаютъ и нынѣ  
Въ сердечной простотѣ, смиренные сыны  
Все болѣ, съ каждымъ днемъ, намъ чуждой старины.  
Обычай искони сочувственный народу.  
Онъ съ крестнымъ знаменьемъ прошелъ сѣвозъ огнь и воду.  
Возросъ и возмужалъ средь славы и тревогъ;  
Имъ свято осѣнилъ семейный свой порогъ;  
Имъ наша Русь слыветъ, въ урокъ намъ, Русь святая;  
Имъ немощи свои и язвы прикрывая,  
И грѣшный нашъ народъ, хотъ въ искушеньяхъ слабъ,  
Но помнить, что онъ сынъ Креста и Божій рабъ,  
Что Промысла въ нему благоволеньемъ явнымъ  
Въ народахъ онъ слыветъ народомъ православнымъ.

Но этимъ именемъ, прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ,  
 Насъ небо облекло какъ въ боевой доспѣхъ,  
 Чтобъ намъ не забывать, что средь житейской битвы  
 Оружье лучшее: смиренье и молитвы,  
 Что слѣдуетъ и намъ, по скорбному пути,  
 Съ благимъ Учителемъ свой тяжкій крестъ нести.  
 Не дай намъ Богъ во тьмѣ и суетѣ житейской  
 Заняться гордостью и спѣсью фарисейской,  
 И святостью своей, какъ-бы другимъ въ упрекъ,  
 Хвалиться, позабывъ, что гордость есть порокъ.  
 Не въ славу, не въ почетъ народныя скрижали  
 Родную нашу Русь святой именовали,  
 Но въ назиданье намъ, въ отвѣтственность, въ завѣтъ;  
 Чтобъ берегали мы первоначальныхъ лѣтъ  
 Страхъ Божій, и любовь и чистый пламень вѣры,  
 Чтобъ добрыя дѣла и добрые примѣры,  
 Въ ихъ древней простотѣ, завѣщанные намъ,  
 Мы цѣльно передать могли своимъ сынамъ;  
 Чтобъ былъ евангельскій законъ не тщетнымъ словомъ,  
 Но сильному уздой и слабому покровомъ;  
 Чтобъ ближній ближнему былъ безкорыстный братъ;  
 Чтобъ и законъ земной былъ неподкупно святъ;  
 Чтобъ правда на судѣ, стыдась лицепріятя,  
 Доступною была и вамъ, меньшіе братья!  
 Чтобъ въ каждомъ смертномъ былъ, и въ рубищѣ простомъ,  
 Уваженъ человекъ и Божій образъ въ немъ;  
 Чтобъ Божій міръ для насъ былъ школой изученья,  
 Чтобъ не лѣнились мы на жатву просвѣщенья,  
 Чтобъ сердцу не въ ущербъ и вѣрѣ не въ подрывъ,  
 Наукою народъ себя обогативъ,  
 Шелъ доблестно впередъ, судьбамъ своимъ послушно,  
 Не отрекаяся отъ предковъ малодушно.  
 Приличій свѣтскихъ долгъ желая соблюсти,  
 Вѣдь кланяемся мы знакомымъ по пути,  
 Будь выше насъ они, иль будь они насъ ниже,  
 А церковь развѣ намъ не всѣхъ знакомыхъ ближе?

Она встрѣчаетъ насъ при входѣ нашемъ въ міръ,  
 Въ скорбь предлагаетъ намъ врачующій свой міръ,  
 И, съ нами радуясь и радостямъ и счастью,  
 Благословляетъ ихъ своею духовною властью.  
 Когда надъ нами часъ ударить роковой,  
 Она насъ съ берега проводитъ на другой,  
 И въ этотъ темный путь, гдѣ все насъ разомъ броситъ,  
 Одна ея звѣзда лучъ упованья вноситъ;  
 За насъ и молится и поминаетъ насъ,  
 Когда ужъ на землѣ давно нашъ слѣдъ угасъ,  
 Когда и въ той средѣ, гдѣ мы такъ сильны были,  
 Уже другимъ звеномъ пробѣлъ нашъ замѣнили.  
 Намъ церковь, въ жизнь и смерть, заботливая мать, —  
 А мы лѣнимся ей сыновній долгъ воздать?  
 А мы, рабы суеты, подъ ихъ тяжелой ношей,  
 Чтобъ свѣтъ насмѣшливый не назвалъ насъ святошей,  
 Чтобъ не поставилъ насъ онъ съ чернью на ряду,  
 Приносимъ въ жертву крестъ подложному стыду.  
 Иль въ нашихъ немоцахъ, въ уныніи безсилъ,  
 Подъ часъ не нужны намъ молитвенныя крылья,  
 Чтобъ свѣять мракъ и сонъ съ отягощенныхъ вѣждъ,  
 Чтобъ духомъ возлетать въ міръ лучшій, въ міръ надеждъ,  
 Въ міръ намъ невѣдомый, но за чертой земною,  
 Міръ предугаданный пророческой тоскою?  
 Когда земной соблазнъ и міра блескъ и шумъ,  
 Какъ хмѣлемъ обдаютъ нашъ невоздержный умъ,  
 Одна молитвою навѣянная дума  
 Насъ можетъ отрезвить отъ суеты и шума,  
 Насъ можетъ отрѣшить, хоть мелькомъ, хоть на мигъ,  
 Отъ уловившихъ насъ страстей, отъ ихъ веригъ,  
 Которыя, хотя и розами обвиты,  
 Въ насъ вносятъ глубоко рубецъ свой ядовитый.  
 Среди житейскихъ битвъ уязвленнымъ бойцамъ  
 Молитва отдыхъ будь и перемирье намъ!  
 Завтра новый бой. Окрѣпнемъ духомъ нынѣ.  
 Усталымъ странникамъ, свитальцамъ по пустынѣ,

Подъ зноемъ солнечнымъ, палящимъ нашу грудь,  
Когда и дологъ былъ и многотруденъ путь,  
И ждутъ насъ впереди труды и битвы тѣже,  
Намъ нужно пальмы тѣнь и горстью влаги свѣжей  
Изъ ближняго ручья пылъ жажды утолить.  
Родникъ глубокъ и чистъ: готовъ онъ въ насъ пролить  
Живую благодать святой своей прохлады;  
Родникъ сей манитъ насъ, но мы ему не рады,  
И очи отворачивъ отъ свѣтлаго ручья,  
Бѣжимъ за суетой по дебрямъ бытія.  
Нашъ разумъ, омрачась слѣпымъ высокомерьемъ,  
Готовъ признать мечтой и дѣтскимъ суевѣрьемъ  
Все, что не можетъ онъ подвести подъ свой расчетъ.  
Но развѣ во сто разъ не суевѣрнѣй тотъ,  
Кто вѣруеть въ себя, а самъ себѣ загадкой,  
Кто гордо оперся на свой расудовъ шаткой  
И въ немъ боготворитъ свой собственный кумиръ,  
Кто, въ личности своей сосредоточивъ міръ,  
Берется доказать, какъ дважды два четыре,  
Все недоступное ему въ душѣ и въ мірѣ?



1822 г.



ОХЛІІІ.

ЖРЕЦЪ И КУМИРЪ.

---

Льстить любятъ многіе, хвалить умѣетъ рѣдкой;  
Не въ мѣру похвала опаснѣй брани ѣдкой.  
Усердья ложнаго подать ли образецъ?  
Въ рассказъ мой вслушайтесь: какой-то древній жрецъ,  
Къ кумиру своему излишне богомольный,  
Ужъ такъ кадиль ему, ужъ такъ ему кадиль,  
Что съ ногъ до головы его онъ закоптилъ.  
И полно?—Нѣтъ! и тѣмъ урокомъ недовольный,  
Такъ размахнулся разъ, въ пылу слѣпой руки,  
Что онъ кадильницей расшибъ его въ куски.  
Фортуны баловни! Кумиры черни зыбкой!  
Любимцы срочные забывчивой молвы!  
Не стрѣль вражды тупой, но лести гибкой  
Кадильницъ берегитесь вы!...

---

## CXIV.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ.

(Въ день его именинъ).

Иваны въ спискахъ Аполлона  
 Въ чести бывають искони:  
 Гомеръ лѣснаго Иліона,  
 Который Граціямъ съ родни  
 И, какъ другой похвалъ дурманомъ,  
 Въвѣ ослѣпленъ былъ простотой,  
 Слылъ въ людяхъ запросто Ивановъ  
 И беззаботной головой.  
 Его собрать и соимяники,  
 Хемницерь, въ слѣдъ за нимъ пошелъ,  
 И строгихъ Музъ безпечный данникъ  
 На славу по цвѣтамъ набрелъ.  
 Въ залогъ прекрасныхъ упованій,  
 Къ четѣ любезной ты причтенъ,  
 И скоро въ храмѣ дарованій  
 Ивановъ третьимъ нареченъ.  
 „Живи, счастливый ихъ наслѣдникъ!  
 Тебѣ сказалъ Парнасскій жрецъ:  
 „Изящнаго будь проповѣдникъ  
 „И вкуса свѣтлый образецъ!  
 „На лирѣ сладостной и звонкой,  
 „Поэтъ ума и красоты,



„Искусства, вѣжливости тонкой  
„У Русскихъ Музъ взрости цвѣты.  
„Вѣковъ минувшихъ сонъ глубокий  
„Ты пѣснопѣньемъ пробуди,  
„На предразсудки и пороки  
„Зерцало басни наведи;  
„Вплети безсмертья незабудки  
„Въ вѣнокъ свой съ розами любви,  
„И мѣтвюю стрѣлою шутки  
„Людей дурачества яви!“

Проровъ былъ правъ: съ четою славной  
Ты славно поддержалъ союзъ,  
И праздникъ твой есть праздникъ равной  
Для ближнихъ, согражданъ и Музъ.  
О, насладись закатомъ позднымъ  
Въ отраду общихъ ихъ надеждъ,  
И будь всегда *Иваномъ Грознымъ*  
Для всѣхъ зоиловъ и невѣждъ!

---

## CXLV.

РЕПЕЙНИКЪ.  

---

Въ роскошномъ цвѣтникѣ весны, намъ столь любезной,  
Скажи, что дѣлаешь, репейникъ бесполезной?  
Нѣтъ запаха въ тебѣ, ни блеска, ни плодовъ,  
Скажи, что-жь дѣлаешь?— „За что могу цѣпляюсь!“  
Къ тебѣ я отъ него съ вопросомъ обращаюсь,  
Репейникъ на лугахъ и прозы, и стиховъ,  
Гдѣ зрѣютъ въ тишинѣ для насъ плоды разсудка,  
Гдѣ розы вымысловъ, иль скороспѣлва-шутка,  
Скажи, что дѣлаешь? Молчанье твой отвѣтъ;  
Репейника въ тебѣ знать искренности нѣтъ.

---

## СXLVI.

## ПАСТУХЪ И ОВЦА.

Басня Красицкаго.  

---

Пастухъ стригъ шерсть съ овцы и говорилъ ей такъ:  
„Ну можетъ-ли меня отецъ нѣжнѣй быть къ дочкѣ?  
„День цѣлый отъ тебя не отхожу на шагъ;  
„Признайся, что на свѣтъ ты родилась въ сорочкѣ!  
„Кормлю тебя, пою, отъ волка берегу,  
„А подростетъ-ли шерсть, все я-жъ тебя стригу“.  
— „Чѣмъ мнѣ воздать тебѣ, о добрый пастырь стада“,  
Подъ остриемъ овца смиренно говоритъ:  
„За всѣ твои труды Зевесъ тебѣ награда;  
„А изъ чего, позволь спросить, тулупъ твой сшить?“

---

## СХLVI.

## ЛОГОГРИФЪ.

При людяхъ я кумиръ всѣхъ смертныхъ и всѣхъ странъ;  
Безъ нихъ я, можетъ быть, нетесанный болванъ;  
При людяхъ женщина, а безъ людей мужчина;  
При людяхъ божество, безъ нихъ подчасъ скотина;  
При людяхъ я обманъ, я сонъ, я звукъ пустой,  
Но ввѣренъ отъ судьбы безсмертія защитѣ.

Не будь людей и не взыщите:

Я человекъ пустой!

Безъ слова гибелью по нивамъ разливаюсь

И пожираю въ мигъ несчастныхъ селъ запасъ;

При словѣ я равно стремглавъ распространяюсь,

И часто пагубнѣй сто разъ.

## СХLVIII.

## ЭПИГРАММЫ.

1.

Твой списокъ послужной и оды,  
 Хвостовъ! доказываютъ намъ,  
 Что ты на перекорь природы  
 Причелся къ графамъ и пѣвцамъ.

2.

Зоилы береговъ Невы!  
 Достоинства отъ васъ Хвостову не убудеть:  
 Онъ вамъ на зло и былъ, и есть, и будетъ  
 Эзопомъ съ ногъ до головы.

3.

Кутузовъ кураторъ,  
 Кутузовъ сенаторъ,  
 Кутузовъ поэтъ —  
 Вездѣ себѣ равень,  
 Вездѣ равно славень,  
 Оттѣнковъ въ немъ нѣтъ:  
 Дурной онъ кураторъ,  
 Дурной онъ сенаторъ,  
 Дурной онъ поэтъ.

## 4.

Кутузовъ другомъ просвѣщенья  
 Въ листахъ провозгласилъ себя.  
 О времена! о превращенья!  
 Вотъ каковы въ нашъ вѣкъ друзья!

## 5.

Ага! плутовка мышь, попалась, нѣтъ спасенья!  
 Умри! ты грызть пришла здѣсь Дмитриева томъ,  
 Тогда какъ у меня валялись подъ столомъ  
 Хвостова сочиненья!

## 6.

Тирсисъ всегда вздыхаетъ,  
 Онъ безъ „увы“ строки не можетъ написать;  
 А тотъ, кому начнетъ Тирсисъ свой бредъ читать,  
 Сперва твердитъ „увы“, а послѣ.... засыпаетъ.

## 7.

Красавица она, я знаю, и поэтъ!  
 Но если разбираешь строго,  
 То видишь, что въ ея твореньяхъ красовъ нѣтъ,  
 А на лицѣ ихъ слишкомъ много.

## 8.

Смѣяться вы властны, но я влянуса вамъ,  
 Что я въ своихъ стихахъ не краду, подражаю.  
 Безспорно, я и самъ съ тобою утверждаю,  
 Что подражаешь ты—ворамъ.

## 9.

Россійскій Діогенъ лежитъ подъ сею кочвой;  
 Тотъ въ бочкѣ прожилъ вѣкъ, а нашъ свой прожилъ съ бочкой.

## 10.

Дамонъ хотъ говоритъ прелестно,  
 Но все одно твердить Дамонъ  
 И наванунѣ ужъ извѣстно  
 Все то, что завтра сважетъ онъ.

## 11.

Ариста гробъ ты здѣсь прохожій видишь;  
 Не говори: Богъ съ нимъ! ты Бога тѣмъ обидишь.

## 12.

Легко быть можетъ правъ о смерти Флора слухъ,  
 Онъ такъ давно ужъ испускаетъ духъ.

## 13.

За Клима духовникъ нашъ адомъ  
 Дѣвицѣ бѣдной, мнѣ грозитъ;  
 Но ближнихъ онъ любить велитъ,  
 А Климъ — живетъ со мною рядомъ.

## 14.

Кто свяжется съ цирюльникомъ Лукою,  
 Изъ подъ руки его не скоро тотъ уйдетъ:  
 Пока трудится онъ надъ правой стороною,  
 На лѣвой борода растеть.

## 15.

Какъ Андромахи переводъ  
 Извѣстенъ сталъ у Стиевскихъ водъ,  
 Такъ нашихъ дней Прадонъ прославился и въ адѣ;  
 Зачѣмъ писать ему? свазалъ Расинъ въ досадѣ:  
 Пускай бы онъ меня въ повоѣ оставлялъ,  
 Творенія съ женой другія-бъ издавалъ.  
 Жена же, та всегда, когда онъ въ ней подходитъ,  
 Жалветъ каждый разъ, что онъ не переводитъ.

---

## СХLIX.

Къ \*\*\*.

Скажи, уже ль какъ на меня,  
Ты и на всѣхъ равно глядѣла?  
Въ глазахъ, исполненныхъ блестящаго огня,  
Уже ль надежда не свѣтлѣла?

Уже ли всѣмъ внимала ты,  
Какъ мнѣ, съ улыбкою участя,  
Когда неслись въ умѣ игривыя мечты,  
Подъ свѣтлымъ вдохновеньемъ счастья?

Когда насъ мчалъ веселья звукъ,  
И станъ твой гибко извивался,  
Уже ли въ трепетѣ твоихъ горящихъ рукъ  
Не трепеть сердца изъяснялся?

Разсѣй невѣдѣнья туманъ,  
Меня сомнѣнья мучить стануть,—  
Иль нѣтъ, оставь ты мнѣ плѣнительный обманъ,  
Когда я счастливо обмануть.



СЛ

ВЪ АЛЬБОМЪ К. А. П. Т.

---

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ  
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степей,  
Иль пѣсню сладостной въ часъ утра оглашаетъ  
Дубравы мертвыя пустынный соловей;  
Какъ драгоценный перлъ, волнами поглощенный,  
Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей, —  
Такъ сиротѣтъ здѣсь въ странѣ уединенной  
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

---

СЛІ.

КЪ С. Ѡ. БЕЗОБРАЗОВОИ,

ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Что дѣлаеть въ деревнѣ дальшой  
 Совсѣмъ не сельская вдова?  
 Какія головы кружить въ глуши печальной,  
 Хоть можетъ быть и есть въ селеньи голова?  
 Гдѣ дворъ, блестящій дворъ вздыхателей любезныхъ,  
 Хоть дворня и полна дворовыхъ бесполезныхъ  
 И крѣпостныхъ рабовъ, по милости судьбы,  
 Въ Россіи крѣпостной искать намъ не со свѣчкой!

Но добровольные рабы,  
 Которые гордятся цвѣточною уздечкой,  
 Навинутой на нихъ любовью съ красотой,  
 Предпочитають плѣнъ и вольности самой...  
 Ихъ нѣтъ! Не красота душами тамъ владѣеть:

Ея плохіе барыши!

И ловко взятыи брать съ души  
 Одинъ подъячій даръ имѣеть!

Какая ссылка для вдовы,  
 Которой вдовствовать совсѣмъ бы не у мѣста,  
 Для милой красоты, воторая, какъ вы,  
 Вдова случайностью, но прелестью невѣста!

Какъ долженъ длиться скучный день!  
 Какъ медленно вертитъ бездѣйственная лѣнь  
 Колеса тяжкія часовъ однообразныхъ!

Тамъ скука мрачная, владычица дней праздныхъ,  
 На жизнь должна навестъ безжизненную тѣнь  
     И на окрестность мракъ кладбища!  
 Есть книги—знаю я—уму, занятю пища;  
     Но книги, все одни бездушные листы!  
     Есть зеркало, послѣдняя отрада  
         Уединенной красоты;  
 Но въ немъ не вспыхнетъ жизнь отъ пламеннаго взгляда,  
 Какъ ни сяди предъ нимъ, не дашь ему ума,  
 А только влюбишься въ лицо свое сама.  
 . Нужнѣе воздуха красавицѣ мужчины—  
     Желанье нравиться съ ней вмѣстѣ родилось;  
     Оно—вторая жизнь и нравственная ось,  
     На коей движутся всѣ женскія пружины.  
 Потомства женскаго отливъ и образецъ,  
     Прабабка Евва, намъ быть можетъ въ томъ порукой:  
 Въ раю,—ужь кажется, въ раю ли знаться съ скукой?  
     Ей стало скучно подъ конецъ!  
 Явился змѣй! Подбитый Асмодемъ,  
 Онъ съ яблочкомъ умѣлъ къ ней *хитро подойти*  
     И на безлюдіи, чтобъ время провести,  
 Шутя, кокетствовать она пустилась съ змѣемъ.  
     Такихъ чудесъ не видимъ въ наши дни!  
     Въ нашъ бѣдный вѣкъ остепенились змѣи  
         И, позабывъ любовныя затѣи,  
     Не донъ-жуанствуютъ они!  
     Но яблова желудокъ женской  
     Переварить еще не могъ:  
     Красавицамъ оно на память и въ залогъ!  
 Что-жъ дѣлаетъ вдова, въ пустынь деревенской,  
     Гдѣ Еввы яблово бессильно на умы,  
     Гдѣ съ первенствомъ никто не предпочелъ Киприды  
         И гдѣ уѣздные Париды,  
         Боясь красавицъ, какъ чумы,  
 Для ябловъ лучшаго не знаютъ назначенья,  
     Какъ въ прокъ солить ихъ для зимы?

Пора вамъ разорвать оковы заточенья  
И бросить скучный плѣнъ, чтобы другихъ плѣнять.  
Оставьте вы лѣса медвѣдамъ и сосѣдамъ,  
Они ужъ свыклися; но вамъ тутъ не подѣ статья!  
Столица васъ зоветъ къ забавамъ и побѣдамъ,  
И зовъ ея услышите вы!  
Любовь безъ васъ глядитъ сироткой средь Москвы,  
Блестящій храмъ ея—заброшенная келья!  
И пылкія веселья  
Печально вдовствуютъ въ отсутствіи вдовы!

---

## СЛЦ.

## ВЫХОДЪ ВЗДЫХАЛОВА.

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой,  
 И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,  
 На шеѣ съ розовымъ платкомъ,  
 Въ карманѣ съ парой мадригаловъ  
 И чуть съ звенящимъ кошелькомъ  
 По свѣту бѣлому Вздыхаловъ  
 Пустился странствовать пѣшкомъ.  
 Прости, жестокая Аглая!  
 Онъ говорить въ послѣдній разъ,  
 И вздохъ за вздохомъ, грудь вздымая,  
 Его перерываютъ гласъ.  
 Прости Макаровъ, другъ любимый,  
 И ты, о Бланкъ неистоимый,  
 Единственный читатель мой!  
 Вотъ вамъ мое благословенье!  
 Кроплю васъ тихою слезой,  
 А прочной дружбы въ увѣренье  
 Кольнувъ булавкой палецъ свой,  
 Онъ по тафтицѣ пишетъ кровью:  
 „Дышу до гроба къ вамъ любовью,  
 „До гроба, или я не Стернь  
 „Или по крайности не Вернь“.  
 Тутъ онъ вздохнулъ, перекрестился,  
 Еще вздохнулъ — еще — и скрылся.

## СЛІІІ.

## ПЕРВЫЙ ОТДЫХЪ ВЗДЫХАЛОВА.

Нѣтъ силъ! Страннопріимны боги!  
 Я вамъ сейчасъ стишки скажу.  
 Едва мои виляютъ ноги,  
 Едва я посохъ свой держу,  
 И, уши опустя, *Бижу*  
 Со мною въ одинакой долѣ  
 Бѣжать уже не можетъ боль,  
 И отдыхъ въ пользу я читалъ,  
 Я три версты ужъ отпорхалъ.  
 Мнѣ право отдохнуть не стыдно,  
 Притомъ и подлинникъ мой видно  
 Стернь точно также отдыхалъ!  
 И такъ, присяду здѣсь на лугѣ  
 И полюбуюсь на досугѣ  
 Я красотою здѣшнихъ мѣсть.  
 Желудокъ между тѣмъ нескромный  
 Ему напоминаетъ томно,  
 Что Юрикъ ѣлъ, а онъ не ѣсть.  
 И, кое-какъ собравшись съ силой,  
 Побрель онъ тихо и уныло  
 Къ избушкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ,  
 Ему мелькающей въ кустахъ.  
 И силится въ умѣ усталомъ,  
 Свершая медленно свой путь,

Хотя экспромтомъ — мадригаломъ  
 Спросить поѣсть чего-нибудь,  
 Чтобъ жизнь придать натурѣ тощей,  
 Иль заморить, сказавши проще,  
 Въ пустомъ желудкѣ червяка.  
 Онъ весь въ экспромптѣ былъ. Пова  
 Къ нему на встрѣчу изъ лачужки  
 Выходитъ баба, ожилъ онъ!  
 На милый идеаль пастушки  
 Лорнетъ наводитъ селадонъ,  
 Платокъ свой алый расправляетъ,  
 Вдыхаетъ разъ, вдыхаетъ два  
 И къ ней, кобенясь, обращаетъ  
 Онъ слѣдующія слова:  
 „Привѣтствую мольбой стократной  
 „Гебею здѣшной стороны!  
 „Твой обѣщаетъ взоръ пріятной  
 „Гостепріимство старины.  
 „Въ рукѣ твоей, съ нагорнымъ свѣгомъ,  
 „Съ лилеей равной бѣлизны,  
 „Я, утомленный дальнимъ бѣгомъ,  
 „Пріемлю радостей залогъ;  
 „Я истощился, изнемогъ.  
 „Какъ подходя къ рѣчному устью,  
 „Томимый зноемъ пилигримъ,  
 „Не вѣрять и глазамъ своимъ,  
 „Такъ я, и голодомъ и грустью  
 „Томимый, подхожу къ тебѣ.  
 „Внемли страдальческой мольбѣ,  
 „Какъ внемлешь ты сердечной клятвѣ,  
 „Когда твой юный другъ на жатвѣ  
 „Любить тебя клянется вновь!  
 „Клянусь: и я любить умѣю,  
 „Но на тощакъ, что за любовь?  
 „Май щедрый пѣстуетъ лилею  
 „И кормитъ бабочекъ семью,

„Ты призри бабочку свою!  
 „Молю Цереру-Клеоерею:  
 „Моимъ будь щедрымъ Маемъ ты,  
 „Не Декабремъ скупымъ и льдистымъ!  
 „И съ сердцемъ и желудкомъ чистымъ  
 „Стою предъ взоромъ красоты.  
 „Немного мнѣ для пищи нужно:  
 „Я изъ числа эфирныхъ лицъ.  
 „Ты снисходительно и дружно  
 „Изжарь мнѣ пару голубицъ,  
 „Одвѣхъ примѣть съ тобой и масти;  
 „Да канаренныхъ яицъ  
 „Мнѣ въ смятку изготовь отчасти;  
 „И ваплей, въ честь твоей красѣ,  
 „Запью чувствительнаго спирта,  
 „Настойки въ утренней росѣ,  
 „Изъ глазъ Анютиныхъ и Мирта“.  
 Но между тѣмъ какъ стихъ къ стиху,  
 Въ жару голоднаго запала,  
 Онъ подбиралъ, какъ шелуху,  
 Или у Музы на духу  
 Грѣхи для нѣжнаго журнала,  
 Иль, нашему герою въ ладъ,  
 Я подобрать въ сравненье радъ  
 Еще вѣрнѣе руководѣлье, —  
 Какъ буску къ бускѣ въ ожерелье,  
 Иль легкій пухъ на марабу,  
 Который вѣтерокъ цѣлуетъ,  
 Колыша на дѣвичьемъ лбу —  
 Онъ и не видитъ и не чувствуетъ,  
 Что передъ нимъ нѣтъ никого,  
 И что Гебея тихомолкомъ  
 Не понимая рѣчи толкомъ,  
 Въ избу укрылась отъ него.  
 Онъ, съ воркованьемъ и привѣтомъ,  
 Стучалъ напрасно въ ворота:



Ему мяуванье отвѣтомъ  
Въ окно смотрящаго кота.  
Такой пріемъ ему не новость:  
У журналистовъ онъ не разъ  
Людей испытывалъ суровость,  
Когда носилъ имъ на показъ  
Экспромптовъ дюжинный запасъ.  
И что-жъ? Читалъ себѣ и Музѣ  
На запертыхъ дверяхъ отказъ!  
Съ смиренной мудростью въ союзѣ,  
И бѣдъ и опытовъ сестрой,  
Онъ и теперь прямой герой!  
Судьбѣ властительной послушно,  
Онъ съѣлъ свой грибъ великодушно  
И молча на Бижу взглянулъ.  
То-есть, вѣдь рѣчью фигуральной  
Я здѣсь про грибъ упомянулъ,  
А то, въ судьбѣ своей печальной,  
И за единый грибъ буквальной  
Поэтъ бы съ радости вспрыгнулъ.  
И отъ избы безчеловѣчной,  
Гдѣ онъ Бавкиды не нашелъ,  
Съ тоской и пустотой сердечной,  
Онъ прочь задумчиво побрелъ;  
Шатался, медленно кружился  
И на-земь тихо повалился,  
Какъ жидкая подъ вѣтромъ ель;  
И тутъ, по волѣ и неволѣ,  
Перебирая травку въ полѣ,  
Съ разглядной сталъ щипать щавель.

---

## СЛІV.

## ЮПИТЕРЪ, ФЕБЪ И МОМЪ.

Давно у насъ пословица твердится,  
 Что дѣло мастера боится.  
 Я басенкой хочу напомнить вамъ о томъ.  
 Отецъ всѣхъ стиходѣевъ въ свѣтѣ,  
 Кудрявый Фебъ слыветъ въ божественномъ совѣтѣ  
 Отличнѣйшимъ изъ всѣхъ боговъ пѣвцомъ.  
 Но какъ-то Зевсъ, съ рожденія хвастливый,  
     Однажды вздумалъ горделиво,  
 Что лучше онъ споетъ—и вызвалъ Феба въ бой.  
 — Увидимъ, онъ сказалъ, надъ чьей главою счастливой  
 Возвысится вѣнецъ!—Момъ избранъ судіей,  
     И, выслушавъ ихъ терпѣливо,  
     Короткій судъ даетъ,  
 Пускай Зевесъ гремитъ, а Аполлонъ поетъ!  
 Смыслъ басни справедливъ и вопреки ни слова;  
 Но посмѣявшись, друзья, на Зевсовъ счетъ,  
 Не представляю-ль вамъ Зевеса я другаго,  
 Пускаясь въ мастерство Крылова.

## CLV.

## ОТЛОЖЕННЫЯ ПОХОРОНЫ.

Холодный сонъ моей души  
 Съ сномъ вѣчности меня сближаетъ:  
 Въ древесной сумрачной тиши  
 Меня могила ожидаетъ.  
 Амуры! нынѣ вечеркомъ  
 Землѣ меня предайте вы тайкомъ!

Къ чему обряды похоронъ?  
 Жрецовъ служенье предъ народомъ?  
 Но къ Граціямъ мнѣ на поклонъ  
 Позвольте сбѣгать мимоходомъ.  
 Малютки! къ нимъ хочу зайти,  
 Чтобъ имъ сказать послѣднее *прости*.

О какъ я васъ благодарю!  
 Очаровательная радость!  
 Передъ собой въ восторгѣ зрю  
 Стыдливость, красоту и младость!  
 Теперь, малютки, спора нѣтъ,  
 Отъ глазъ сокройте дневный свѣтъ,

Попарно съ факеломъ въ рукѣ  
 Ступайте, я иду за вами!  
 Но отдохните въ цвѣтникахъ:  
 Пусть полюбуюсь я цвѣтами!

Амуры! съ Флорой молодой  
 Проститься мнѣ въ часъ должно смертный свой.  
 Вотъ здѣсь, подъ тѣнью липъ густыхъ,  
 Приляжемъ, шуму водъ внимая;  
 Въ знавъ горести на вѣтвяхъ ихъ  
 Виситъ моя свирѣль простая.  
 Малютки! съ Фебомъ встати я  
 Въ послѣдній разъ прощусь здѣсь у ручья.

Теперь пойдёмъ! Но на бѣду  
 Друзей здѣсь застаю пирушку:  
 Къ устамъ моимъ въ хмѣльномъ чаду  
 Подносятъ дѣдовскую кружку.  
 Хоть радъ, хоть нѣтъ, но должно пить.  
 Малютки! мнѣ друзей грѣшно сердить!

Я поклялся оставить свѣтъ,  
 И помню клятву неизмѣнну;  
 Но къ вамъ довѣренности нѣтъ,  
 Вы населяете вселенну.  
 Малютки! вашимъ-ли рукамъ  
 На упокой пустить меня къ тѣнямъ?

Вооружите вы меня, —  
 И къ мрачному за Стиксомъ краю  
 Отправляюсь самъ безъ страха я.  
 Но что, безумный, я вѣщаю?  
 Малютки! въ свѣтѣ жить безъ васъ —  
 Не таже-ль смерть и смерть скучнѣй въ сто разъ?

Но дайте слово напередъ  
 Не отягчать меня гробницей,  
 Пусть на землѣ моей цвѣтеть  
 Кустъ розъ, взлелѣянный денницей!  
 Тогда, Амуры! я безъ слезъ  
 Пойду на смерть подъ тѣнь душистыхъ розъ.

Постойте! здѣсь глядитъ луна,  
Зефиръ цвѣты едва цѣлуетъ,  
Миртъ дремлетъ, чуть журчитъ волна,  
И горлица любовь воркуетъ.  
Амуры! здѣсь, на сторонѣ,  
Покойный одръ вы изготовьте мнѣ!

Но дайте вспомнить! Такъ, бѣда!  
Назадъ воротимся къ Цитерѣ.  
Въ умѣ ли былъ своемъ тогда?  
Забылъ сказать я Венерѣ.  
Амуры! въ маменькѣ своей,  
Прошу, меня сведите поскорѣй.

Смерть не уйдетъ, напрасенъ страхъ!  
А можетъ быть Венера взоры,  
Съ широкой чашей пьяный Вакхъ,  
Цѣвница Феба, розы Флоры,  
Амуры! смерть велятъ забыть  
И съ вами вновь, мои малютки, жить.

---

## CLVI.

ДАРЪ ВСЕ ДѢЛАТЬ НЕ ВЪ ПОПАДЪ.

(Изъ Рювьера).

---

Кому изъ васъ, друзья мои,  
Еще отъ дѣтства неизвѣстно,  
Какъ въ оныя волшебны дни  
Кипридѣ поясъ данъ чудесный.  
Но не равно извѣстно всѣмъ,  
Какъ своею судьбою  
Супругъ ея былъ между тѣмъ  
Наградой надѣленъ иною:  
Тяжелой и большой сумою,  
Несчастливымъ выродкомъ всѣхъ сумъ,  
Куда, наполнивъ на-обумъ,  
Цари Олимпа навидали  
Познанія, веселость, умъ,  
И на смѣхъ все перемѣшали  
Одно съ другимъ и къ верху дномъ!  
Къ нимъ въ слѣдъ забросили потомъ:  
Услужливость и торопливость,  
Которыя въ глаза глядятъ,  
Толкуютъ вашу молчаливость,  
Пыхтятся, вертятся и спѣшатъ,  
Чтобъ ничего не кончить въ пору  
И запоздать на торопяхъ,

Несправедливую укору,  
Съ обидой горькой на устахъ,  
Смѣхъ глупости, смѣхъ принужденья,  
Холодныхъ наставленій спѣсь,  
Полу-догадки, подозрѣнья,  
Обиняковъ лукавыхъ смѣсь,  
И оправданія дурныя,  
Во слѣдъ намѣреньямъ благимъ,  
И предисловія большія  
Къ дѣяньямъ мелкимъ и пустымъ.  
Но изъ даровъ сумы просторной,  
Важнѣйшій даръ, изъ всѣхъ отборный,  
По всѣмъ примѣтамъ и правамъ,  
Всегда, вездѣ несносный намъ,  
Который отравляетъ радость,  
Разочаровываетъ младость,  
И прелесть безобразить радъ—  
Есть даръ—все дѣлать не въ попадъ.  
Однажды въ небесахъ гуляя,  
Вулканъ, неловко припадая,  
Споткнулся какъ-то и упалъ;  
Разсыпался съ несчастнымъ владомъ  
И многихъ съ головы до ногъ  
Дарами заметалъ какъ градомъ.  
Мнѣ по-именно ихъ назвать  
Теперь въ стихахъ неосторожно;  
Но вамъ самимъ легко ихъ можно  
Въ гостинныхъ барскихъ распознать.

---

## CLVII

## ПѢСНЯ.

На высотѣ надменныхъ скалъ,  
 Увѣнчанныхъ зимою вѣчной,  
 Любовью я къ тебѣ пылалъ,  
 О другъ сердечный!

Безмолвный оглашаютъ край  
 Звонки бродящихъ стадъ въ долину;  
 Пою при нихъ: меня въ пустынь  
 Не забывай!

Орелъ полночный здѣсь въ горахъ  
 Металъ побѣдные перуны,  
 А я изображу въ снѣгахъ  
 Твой образъ юный!

Нѣтъ! не заманчивъ славы рай  
 Тому, въ комъ разъ хотъ сердце побѣдило:  
 Одна мольба—меня, другъ милый,  
 Не забывай!

Какое счастье быть твоимъ,  
 Соедися рука съ рукою,  
 Съ тобой подъ кровомъ жить однимъ,  
 Одной душою.

Тогда, достигнувъ счастья край,  
 Храпя близъ сердца все, что мило,  
 Не буду повторять уныло:  
 Не забывай!



## СЛѢИИ

ДА, КАКЪ БЫ НЕ ТАКЪ.

---

Пова нашъ умъ молвососъ  
И жизнь поить насъ полной чашей, —  
Судьба на каждый нашъ вопросъ  
Намъ говоритъ: все въ волѣ вашей!  
Когда-жъ сосудъ ужъ поизсякъ,  
А сердце пить еще все хочетъ,  
Что ни спроси, судьба бормочетъ:  
„Да, какъ бы не такъ!“

Вотъ рѣдкая душа Оргонъ!  
Всѣхъ ближнихъ братьями онъ числитъ,  
И о нуждающемся онъ  
Безъ слезъ и сопный не помыслитъ  
А попроси въ займы пятакъ,  
Или услуги на два гроша,  
Что-жъ, радъ себя отдать святоша?  
„Да, какъ бы не такъ!“

Женился старый нашъ маіоръ,  
Маіорша въ три раза моложе;  
Онъ на замокъ и домъ и дворъ  
И самъ безсмѣнно на сторожѣ.  
Ужъ вотъ благочестивый бракъ!  
— „Есть дѣти?“ — „Трое!“ — Что-жъ, умора:  
Всѣ такъ и вылиты въ маіора?  
„Да, какъ бы не такъ?“

У дружбы есть двойчатка лесть;  
 Онѣ съ лица отчасти схожи,  
 Съ одной знакомство трудно свесть,  
 Съ другою знаются вельможи,  
 Какъ разъ жди съ нею сѣсть въ просакъ.  
 Что-жъ, какъ разнюхаютъ сударку,  
 Ее по шеѣ да въ прицарку....

„Да, какъ бы не такъ!“

Секретъ подписокъ и программъ  
 Есть высшій взглядъ литературы;  
 Всѣ деньги прибери въ рукавъ. —  
 А публика? — жди корректуры.  
 Когда народъ нашъ былъ простакъ,  
 Честь авторства цѣнилась строже.  
 Честь денегъ каждому дороже? —

„Да, какъ бы не такъ“.

Какъ міръ нашъ при свѣчахъ хорошъ!  
 Какъ при свѣчахъ всѣ люди гладки!  
 Нигдѣ пятна не разберешь,  
 Нѣтъ ни морщинки, ни заплатки.  
 Вездѣ улыбка, блескъ и лакъ;  
 Погасъ фонарь — и дня свѣтило....  
 — „Блаженства новыя раскрыло?“

„Да, какъ бы не такъ!“

Я зналъ Оаддѣя Полякомъ  
 И Русскимъ я знавалъ Оаддѣя.  
 Что-жъ, онъ родился двойникомъ  
 Иль у него двойная шея?  
 Рѣшишь: будь Русскій иль Полякъ!  
 И объясни свою намъ повѣсть.  
 Вѣдь у тебя должна-жъ быть совѣсть?...

„Да, какъ бы не такъ?“

## СЛІХ.

## СРАВНЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА СЪ МОСКВОЮ \*).

---

\*) Шуточное стихотвореніе подъ этимъ заглавіемъ никогда не предназначалось для печати и въ оставленныхъ покойнымъ княземъ П. А. Вяземскимъ сборникахъ и прочихъ бумагахъ не сохранилось.



1823 г.



СЛХ.

МУДРОСТЬ.

(Басня).

---

Когда бессмертные пернатыхъ разобрали,  
Юпитеръ взялъ орла, Венерѣ горлицъ дали,  
А бдительный пѣтухъ былъ Мудрости удѣлъ,  
Но бдительность его осталась безъ удачи.

Нашли, что онъ имѣлъ не встати нравъ горячій,  
Что неуступчивъ онъ, крикливъ и слишкомъ смѣлъ,  
А пуще на него всѣ жаловались боги,  
Что самъ онъ малость спитъ и спать имъ не даетъ.

Минервѣ отъ отца указъ объявленъ строгій,  
Что должность пѣтуха сова при ней займетъ.  
Что жь можно заключить изъ этой были-сказки?  
Что мудрецу вѣрнѣй быть мудрымъ безъ огласки.

---

## СЛХІ.

## ПОСЛАНИЕ КЪ И. И. ДМИТРИЕВУ,

приславшему мнѣ свои сочиненія.

---

Я получилъ сей даръ, наперсникъ Аполлона,  
 Другъ вкуса, вѣрный стражъ Парнасскаго закона,  
 Вниманья твоего сей драгоценный даръ.  
 Онъ пробудилъ во мнѣ охолодѣвшій жаръ,  
 И въ сердцѣ пасмурномъ, добычѣ мертвой скуки,  
 Поэзіи твоей плѣнительные звуки,  
 Раздавшись, дозволишь отвѣта бытія:  
 Поэтъ напомнилъ мнѣ, что былъ поэтомъ я.  
 Но на чужихъ берегахъ, среди толпы холодной,  
 Гдѣ жадная душа души не зреть ей сродной,  
 Гдѣ жизнь издержка дней и съ временемъ расчетъ,  
 Гдѣ равнодушіе, какъ все мертвящій ледъ,  
 Сжимаетъ и тѣснитъ въ изящному усилъя —  
 Что мыслямъ смѣлость дастъ, а вдохновенью крылья?  
 Въ бездѣйствіи тупомъ ослабѣваетъ умъ,  
 Безъ поощренья спитъ отвага пылкихъ думъ.  
 Поэзія должна не хладнымъ быть искусствомъ,  
 Но чувства языкомъ, иль, лучше, самымъ чувствомъ.  
 Стихъ прибирать къ стиху есть тоже ремесло!  
 Поэтовъ цеховыхъ размножилось число.  
 Поэзія въ иномъ слѣпое руководѣлье:  
 На сердцѣ есть печаль, а онъ поетъ веселье;



Онъ пишетъ оттого, что чешется рука;  
 Восторга своего онъ ждетъ не съ высока,  
 За вдохновеніемъ является къ вельможѣ,  
 И часто къ небесамъ летаетъ изъ прихожей.  
 Иль, утромъ возмечтавъ, что комикомъ рожденъ,  
 На скуку вечеромъ свываетъ городъ онъ;  
 Иль, и того смѣшнѣй, любовникъ краснощеккой,  
 Блѣднѣетъ на стихахъ въ элегіи: *Къ жестокой!*  
 Кривляется безъ слезъ, вздыхаетъ не впопадъ,  
 И чувства по рукамъ собираетъ на прокатъ;  
 Онъ на чужомъ огнѣ любовь разогрѣваетъ,  
 И *вѣрно съ подлиннымъ* груститъ и умираетъ.  
 Такой уловки я отъ неба не спискалъ:  
 Поется мнѣ, пою, — вотъ что поэтъ сказаъ,  
 И вотъ питиѣ всѣхъ первѣйшее условье!  
 Въ обдуманномъ пылу хранящій хладнокровье,  
 Фирсъ любить трудности упрямствомъ побѣждать,  
 И, вопреки себѣ, а вамъ на зло — писать.  
 Зачѣмъ же нѣтъ? Легко идетъ въ единоборство  
 Съ упорствомъ рюмачей читателей упорство.  
 Что не читается? Пусть имянной указъ  
 Къ печати глупостямъ путь заградить у насъ.  
 Бурунъ отмстить готовъ сей мѣрѣ ненавистной,  
 И промышлять пойдетъ онъ скукой рукописной.  
 Есть родъ стократъ глупѣй писателей глупцовъ —  
 Глупцы читатели. Обильный Глазуновъ  
 Не можетъ напастись на нихъ своимъ товаромъ:  
 Иной божиться радъ, что Мевій пишетъ съ жаромъ.  
 Въ жару? согласенъ я, но этотъ лютый жаръ —  
 Болѣзнь и Божій гнѣвъ, а не священный даръ.  
 Еще могу простить чтецамъ симъ угомоннымъ,  
 Кумира своего жрецамъ низкопоклоннымъ,  
 Для коихъ таинствомъ есть всякая печать  
 И вольнодумецъ тотъ, кто смѣетъ рассуждать;  
 Но что несноснѣе тѣхъ умниковъ сѣсивыхъ,  
 Нелѣпыхъ знатоковъ, судей многорѣчивыхъ,

Которыхъ всѣ права—надменность, пренья шумъ,  
 А глупость тѣмъ глупѣй, что нагло корчитъ умъ!  
 Въ слѣпомъ невѣжествѣ ихъ трибуналъ всемірной  
 За карточнымъ столомъ, иль кулебякой жирной,  
 Вѣнчаетъ на-обумъ и на-обумъ казнить;  
 Ихъ осужденье—честь, рукоплесканье—стыдъ.  
 Бѣда тому, кто могъ языкомъ благороднымъ,  
 Предубѣжденій врагъ, другъ истинамъ свободнымъ,  
 Встревожить невзначай ихъ раболѣпный сонъ,  
 И смѣло вслухъ вѣщать, что смѣло мыслилъ онъ!  
 Труды писателей, наставниковъ отчизны,  
 На нихъ, на ихъ дѣла живыя укоризны;  
 Имъ не по росту быть вмѣняется въ вину,  
 И жалуютъ они посредственность одну.  
 За то какая смѣсь предъ тусклымъ ихъ зеркаломъ?  
 Тотъ драмой бьетъ челомъ иль рѣчью, сей журналомъ,  
 Въ которомъ, сторожъ тьмы, взялся онъ на подрядъ,  
 Гдѣ-бъ мысль ни вспыхнула иль слава, битъ въ набатъ.  
 Подъ сѣнью мрачною сего ареопага  
 Родится и растетъ марателей отвага,  
 Судъ здравый заглушенъ уродливымъ судомъ,  
 И на одинъ талантъ мы сто вралей сочтемъ.  
 Какъ мало, Дмитріевъ, твой правый толкъ постигли,  
 Иль крылья многіе себѣ бы здѣсь подстригли!  
 Но истины языкъ не внятень для ушей:  
 Гласъ самолюбія доходнѣй и вѣрнѣй.  
 Какъ сладко подъ его напѣвомъ дремлетъ Бавій!  
 Онъ въ людяхъ славенъ сталъ числомъ своихъ безславій  
 Но, счастливый слѣпецъ, онъ всѣ ихъ перенесъ:  
 Чѣмъ ниже упадетъ, тѣмъ выше вздернетъ носъ.  
 Чтѣ для иного трудъ, то для него есть шутка.  
 Отвергнувъ правилъ цѣпь, сложивъ ярмо разсудка,  
 Онъ бѣгу своему не вѣдаетъ границъ.  
 Да развѣ онъ одинъ? Нѣтъ много сходныхъ лицъ  
 Я легкимъ абрисомъ въ лицѣ его представилъ,  
 И подлинниковъ рядъ еще большой оставилъ,

Когда, читателей моихъ почтивъ корысть,  
Княжнинъ бы отдалъ мнѣ затѣйливую кисть,  
Которой Чудаковъ онъ намъ являетъ въ лицахъ—  
Какая-бъ жатва мнѣ созрѣла въ двухъ столицахъ!  
Сихъ новыхъ чудаковъ забавныя черты  
Украшили-бъ мои нелъстивыя листы;  
Разставя по чинамъ, по званью и примѣтамъ,  
Безъ надписей бы далъ я голосъ ихъ портретамъ.  
Но страхомъ робкая окована рука:  
Въ учителѣ боюсь явить ученика.  
Тебѣ, о смѣлый бичъ дурачества и пороковъ,  
Примѣрнымъ опытомъ и голосомъ уроковъ  
Означившій у насъ гражданамъ и пѣвцамъ,  
Какъ съ честью пролагать блестящій путь къ честямъ,  
Тебѣ, о Дмитриевъ, сулить успѣхи новы  
Свѣтъ, съ прежней жадностью внимать тебѣ готовый.  
Что медлишь? На тобой оставленномъ пути  
Явись, и скипетръ вновь ты первенства схвати!  
Согражданамъ своимъ яви примѣръ высокій,  
О Дмитриевъ, рази невѣжества вражду,  
И снова пристрастясь къ полезному труду,  
И въ новыхъ образцахъ дай новые уроки!

---

## СЛХІІ.

## ЗАМѢТКИ.

## 1.

При старости, откланявшись веселью,  
 Подъ кровь святой Киприда скрылась въ велью,  
 Чтобъ замолить грѣхи протекшихъ дней.  
 Имѣнье все, что было здѣсь за ней,  
 Тебѣ и мнѣ богиня удѣлила:  
 Печать суда намъ данную скрѣпила  
 И маклеръ нашъ былъ сынъ ея большой;  
 Но знать его ты тайно подкупила,  
 Иль для тебя онъ самъ вкривнулъ душой:  
 Мой жребій палъ на терніи да слезы.

## 2.

Былъ древній храмъ готическаго зданья,  
 Пещера тьмы, унынья и молчанья.  
 Узрѣлъ его художникъ молодой,  
 Постигъ умомъ обилье средствъ въ немъ скрытыхъ,  
 Сломалъ рядъ стѣнъ, ужъ временемъ подрытыхъ,  
 И чародѣй, волшебною рукой  
 На грудѣ ихъ, изъ ихъ развалинъ новый  
 Воздвигъ чертогъ. Искусство, простота,  
 Красивость, вкусъ, отдѣлки чистота  
 Дивятъ умы, и зодчій... Но суровый  
 Законъ судьбы исполненъ и надъ нимъ;  
 Такъ рѣшено: на всѣхъ не угодимъ, —  
 И зодчій нашъ причастный вѣчной славѣ

Не избѣжалъ хулителей трудовъ,  
 Судей слѣпыхъ: но гдѣ-жъ? въ семействѣ совѣ.  
 Изъ теплыхъ гнѣвдъ изгнанники въ дубравѣ  
 Онѣ съ стыдомъ пустились и въ дуплахъ,  
 Въ досадѣ злой, въ остервененьи дивомъ,  
 Совиный ихъ, ночной ареопагъ  
 Трудъ зодчаго позорить дерзкимъ крикомъ!

Языкъ отцовъ — тотъ устарѣлый храмъ,  
 Карамзина сравнимъ мы съ смѣлымъ зодчимъ,  
 Съ семьей же совѣ, друзья! и съ прочимъ, прочимъ  
 Кого и что сравнить — оставлю вамъ.

## 3.

Надменный нуль, Пигмей, крикунъ картавый,  
 Ты на меня задорно лѣзешь въ бой!  
 Тутъ есть резонъ: какъ Эростратъ другой,  
 Безславьемъ ты добиться хочешь славы!  
 Но тщетенъ трудъ: я мстительнымъ стихомъ  
 Не объявлю объ имени твоёмъ;  
 Язви меня, на вызовъ твой не выду,  
 Не раздражишь молчанія пѣвца —  
 Хочу скорѣй я претерпѣть обиду,  
 Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глупца.

## 4.

(изъ Ж. Б. Руссо).

Съ эфирныхъ странъ огонь похитивъ смѣло,  
 Япетовъ сынъ двуногихъ сотворилъ,  
 И женскій полъ съ мужскимъ въ едино тѣло,  
 На зло богамъ и намъ на радость, слилъ;  
 Но гнѣвный Зевсъ по своенравной власти,  
 Разбивъ сосудъ, раскинулъ на двѣ части!  
 Вотъ отчего въ порѣ мятежныхъ лѣтъ  
 Цылаемъ мы сойтись съ своей двойчаткой:  
 Здѣсь, здѣсь она! сонъ часто шепчетъ сладкой,  
 А наяву мы познаемъ, что нѣтъ!

## СЛХІІІ.

## ВСЯКІЙ НА СВОЙ ПОВРОЙ.

Портныхъ у насъ въ столицѣ много;  
 Всѣ модѣ слѣдуютъ одной:  
 Шьютъ ровной, вается, иглой,  
 Но видишь, всматриваясь строго,  
 Что каждый шьетъ на свой поврой.

Портными насъ всѣхъ можно считать:  
 Поврой у каждаго есть свой,  
 И тотъ, кто мастеръ самъ плохой,  
 Другихъ принудить хочетъ мыслить  
 И поступать на свой поврой.

Дай Богъ покойнику здоровье!  
*Вольтеръ* чудесный былъ портной:  
 Въ стихахъ, въ записочкѣ простой,  
 Въ исторіи, въ сказкахъ, въ баснословьѣ, —  
 Вездѣ найдешь его поврой.

Уча насъ комикъ забавляетъ:  
 Денисъ тому примѣръ живой;  
 Но Вралкинъ самъ себѣ большой,  
 И на смѣхъ прочимъ одѣваетъ  
 Онъ Талію на свой поврой.

Старикъ Оедулъ, мужъ правилъ строгихъ,  
Быть хочетъ въ домѣ головой;  
Жена предъ нимъ равна съ травой;  
Но головѣ, не хуже многихъ,  
Наряды шьетъ на свой покрой.

Языкъ нашъ былъ кафтанъ тяжелый,  
И слишкомъ пахнулъ стариной:  
Даль *Карамзинъ* покрой иной.  
Пускай ворчатъ себѣ расколы!  
Всѣ приняли его покрой.

Пускай Баллады — бабьи сказки,  
Пусть чортъ качаетъ въ нихъ горой,  
Но въ нихъ я вижу слогъ живой,  
Воображенье, чувство, краски, —  
Люблю Жуковского покрой!

Пусть мнѣ дурачество съ любовью  
Дурацкой шьютъ колпакъ порой,  
Лишь Паркъ бы только причетъ злой  
Не торопился по условью  
Убратъ меня на свой покрой!

---

## СЛXIV.

КЪ ПОРТРЕТУ ВОЛТУНА.

---

Какъ сходенъ сей портретъ! въ немъ жизнь и пламень чувства,  
Онъ дышетъ, кажется, онъ мыслить, онъ глядитъ.

Одна бѣда — не говоритъ.

Какъ счастливо, что есть граница для искусства!

---

## СЛXV.

КЪ ПОРТРЕТУ МОЛЧАЛИВАГО.

---

Въ портретѣ семъ блещетъ искусства превосходство:  
Вотъ всѣ его черты, его улыбка, видъ, —

Ну только что не говоритъ.

И тѣмъ живѣе сходство.

---



## CLXVI.

## ЦВѢТЫ.

Спѣшите въ мой прохладный садъ,  
 Поклонники прелестной Флоры!  
 Здѣсь всюду манить ваши взоры  
 Ея блистающій нарядъ.

Спѣшите красною весной  
 Набрать цвѣтовъ какъ можно болѣ:  
 Усѣй цвѣтами жизни поле!  
 Вотъ мудрости совѣтъ благой.

По вкусамъ, лицамъ и годамъ  
 Цвѣты въ саду своемъ имѣю:  
 Невинности даю лилею,  
 Макъ сонный приторнымъ мужьямъ,

Душистый ландышъ полевой  
 Друзьямъ смиреннымъ Лизы бѣдной,  
 Нарцисъ несчастливый и блѣдной  
 Красавцамъ, занятымъ собой;

Въ тѣни фіалка притаясь,  
 Зоветъ къ себѣ талантъ безвѣстный;  
 Любовникъ встрѣтитъ миртъ прелестный,  
 Спѣсь барскую надутый князь.

Дарю нную госпожу  
Пучкомъ увядшихъ пустоцвѣтовъ,  
Дурманомъ многихъ изъ поэтовъ,  
А божьимъ деревомъ ханжу.

Къ льстецамъ, прислужникамъ Двора,  
Несу подсолнечникъ съ поклономъ;  
Къ временщику иду съ піономъ,  
Который былъ въ цвѣту вчера;

Злыхъ вѣстовщицъ и болтуновъ  
Я волокольчикомъ встрѣчаю;  
Въ тѣни отъ взоровъ сокрываю  
Для милой розу безъ шиповъ.

---

## OLXVII.

## ЭПИГРАММА.

Одинъ Фаонъ, Лезбосская пѣвица,  
 Тебѣ враждой путь къ морю проложилъ;  
 Другой Фаонъ, по смерти твой убійца,  
 Тебя въ стихахъ водяныхъ потопилъ.

## OLXVIII.

## ОСЕЛЬ И БЫКЪ.

Смотря, какъ на рѣку быковъ хозяинъ вель,  
 „Чѣмъ хуже я быковъ?“ вскричалъ въ сердцахъ Осель:  
 „Меня онъ только бьетъ, ихъ жалуетъ и холитъ.  
 — „Осель!“ тутъ Быкъ прервалъ: „въ накладъ намъ эта честь;  
 „Хозяинъ, холя насъ, не намъ—себѣ мирволитъ:  
 „Онъ водить въ пойлу насъ, чтобъ послѣ въ бойню свестъ“.

## СЛХІХ.

## ЛОГОГРИФЪ.

Одиннадцать во мнѣ сочтете ногъ;

А если вы меня на части разобьете,  
То многое во мнѣ сыскать поможетъ Богъ.

Во-первыхъ, вы во мнѣ найдете  
То, что вы въ зеркалѣ увидите своемъ;

Что въ васъ такъ хорошо и мило,  
А часто, часто такъ постыло

Или въ иной или въ иномъ.

Найдете вы и то, что встрѣтишь въ драмѣ каждой.

И то, что можетъ утолять

Тоску мучителей, томимыхъ вѣчной жаждой,  
Меня до капли осушать;

Найдете ягоду, которая ротъ вяжетъ,

И тутъ же красоту, покинувшую свѣтъ,

Которую связалъ святой обѣтъ.

Догадка вамъ еще на жертву здѣсь уважетъ,—

На жертву славную въ исторіи страстей;

Потомству дальнему она легко докажетъ,

На зло всѣхъ толковъ и рѣчей,

Что женщина любить умѣетъ,

Когда рехнется разумъ въ ней.

Найдете разныхъ здѣсь владыкъ и королей;

Союзъ мѣстечко здѣсь имѣетъ,

А если одного вамъ мало, то додамъ  
 Охотно и другой, и третій.  
 Свѣтило будущихъ столѣтій,  
*Вольтеръ* трагедію здѣсь завѣщаетъ намъ,  
 Таланта славнаго прощальные обноски.  
 Отыщемъ слѣдъ и Русской тѣски  
 Его трагедіи, когда угодно вамъ.  
 Довольно, вѣжета! Къ концу я приступаю,  
 И части разныя я въ цѣлое сложу.  
 Я вещь и всѣмъ равно нужна бываю,  
 И на одинъ конецъ у всѣхъ равно служу;  
 Но равное у всѣхъ имѣю назначенье,  
 Иль разнымъ слѣдствіямъ бываю я виной.  
 Вы призадумались: вотъ тайны изъясненье  
 И вы меня легко дотронетесь рукой.  
*Расину*, напримѣръ, я къ славѣ послужила,  
 А злomu критику бываю я во вредъ;  
 Инымъ я блескъ дала, другихъ я очернила;  
 Во мнѣ таятся мракъ, во мнѣ таятся свѣтъ.  
 Сосудъ цѣлебный я, или сосудъ отравы,  
 Равно источникъ я безславья или славы.  
 Во мнѣ что вздумаетъ, то черпаетъ народъ:  
 Законодатель — приговоры;  
 Любовникъ — нѣжности, ревнивый другъ — укору;  
 Поэтъ, любимецъ Музъ, тотъ вкусный, сладкій сотъ,  
 Изъ коего въ стихахъ свой составляетъ медъ;  
 Писатель скучныхъ драмъ — тотъ элексиръ снотворный,  
 Которымъ усыплять онъ публику привыкъ;  
 Лъстецъ — расписную ложь, *Вздорыкинъ*-оды вздорны,  
 На честность пасквили — безстыдный клеветникъ;  
 Политикъ — свой трактатъ, торговля — свой тарифъ,  
 А стихотворецъ вамъ покорный  
 Свой безконечный логогрифъ.

## СЛХХ.

## КЪ ПАРТИЗАНУ—ПОЭТУ.

---

Анакреонъ подъ доломаномъ,  
Поэтъ, рубака, весельчакъ!  
Ты съ лирой, саблей иль стаканомъ  
Равно не попадешь въ просакъ.  
Носи любви и Марсу дани!  
Со славой крѣпокъ твой союзъ,  
Въ день брани—ты любитель брани!  
Въ день мира—ты любимецъ Музъ!  
Душа, двойнымъ огнемъ согрѣта,  
Въ тебѣ не можетъ охладѣть:  
На пламенной груди поэта  
*Георгія* пріятно врѣть.  
Воинскимъ соблазнясь примѣромъ,  
Когда-бъ Парнасъ давалъ кресты,  
И Аполлона кавалеромъ  
Давно, конечно, былъ бы ты.

---

## СЛХХІ.

## Г У С Ъ.

(Басня).

---

Въ каштанахъ по уши, у барина въ дому  
Гусь жирный хвастался судьбой предъ уткой дикой;  
Онъ знаки щедростей, оказанныхъ ему,  
Считалъ своихъ заслугъ наградой и отливкой.  
„И жалко, и смѣшно смотрѣть на эту спѣсь“,  
Дикарки былъ отвѣтъ: „тутъ есть ошибка въ счетѣ;  
Живемъ мы про себя, вы про другихъ живете;  
Мы кормимся, а васъ отвармливаютъ здѣсь“.

---

## СЛХХІІ.

## В И Т Я З Ъ.

„Младой мой витязь, отдохни,  
 Сложи свой шлемъ тяжелый,  
 И старину воспомани  
 Намъ въ повѣсти веселой!“  
 — Дѣвица, радъ бы всей душой,  
 Но я другой не знаю были,  
 Какъ ту, что сердцу натвердили  
 Любовь несчастная съ тоской.  
 „Какъ, добрый витязь, съ юныхъ поръ  
 Ты горестъ жизни знаешь?  
 Почто-жъ младой царевны дворъ  
 Блестящій покидаешь?“  
 — Ахъ, отъ нея и слезы лью:  
 Дерзнулъ пылатъ къ ней чувствомъ страсти,  
 И красотѣ ея, и власти  
 Въ душѣ моей не измѣню.  
 Царевичъ ей у алтара  
 Появлялся вѣтвой вѣчной;  
 Надеждою покинуть я,  
 Но не тоской сердечной.  
 Несу булатное копьѣ  
 Противъ враговъ, грозящихъ бранью;  
 Пусть смерть моя ей будетъ данью,  
 Когда живу не для нее!



## СЛХХІІІ.

## ЭПИГРАММА.

## 1.

Критонъ, услужливый въ душѣ,  
Въ комедіи своей изъ трехъ два акта сбавилъ:  
Конечно, онъ и зритель въ барышѣ,  
Но какъ-то онъ все лишній актъ оставилъ.

## 2.

Ты говоришь, что мучусь надъ стихомъ,  
Что не пишу его, а сочиняю:  
Въ твоихъ стихахъ труда не примѣчаю,  
Но ихъ за то читаю я съ трудомъ.

## CLXXIV.

КЪ АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ КНЯЖНИНУ.

Почтенный инвалидъ въ служеніи Беллонѣ,  
 И добрый офицеръ въ почетномъ батальонѣ,  
 Въ которомъ твой отецъ — *отецъ и командиръ!*  
 Прими приемъ нѣсколько при дружескомъ поклонѣ  
 И выслушай меня! Парнасскій бригадиръ,  
 Случайно къ коему Нѣмецкій *фонъ* прикованъ,  
 Которымъ *Недоросль* къ безсмертью завербованъ,  
 Съ поэтомъ *Хвастуна* былъ въ дружеской связи,  
 Безъ зависти они соперничество знали;  
 Срывая за одно цвѣты съ одной стези,  
 Другъ друга терніемъ они не раздирали;  
 Кололись изрѣдка, но нѣжно и шута  
 И безъ злопамятства, какъ съ сверстникомъ дитя.  
 Изящный образецъ возвышенныхъ талантовъ!  
 Сближаетъ слава ихъ на высотѣ честей,  
 Тогда какъ въ ихъ ногахъ ватага приемачей  
     И несговорчивыхъ педантовъ  
 Колотится за лавръ... который не для нихъ.  
 Я помню, какъ любилъ въ пріятныхъ ты рассказахъ  
 Живописать уму покойниковъ живыхъ;  
 Твердилъ объ ихъ трудахъ, жити-быти, проказахъ  
 И мнѣ передавалъ преданья старины

Въ тѣ дни, какъ положивъ предѣлъ твоей отвагѣ,  
Свинецъ сразилъ тебя на одрѣ съ полей войны.  
Нельзя-ль извѣстное предать теперь бумагѣ

И вытащить изъ памяти твоей,  
Что о фонъ-Визинѣ лежитъ подъ спудомъ въ ней?  
Ты одолжишь меня заслугою богатой:

Писать хочу его я списокъ послужной,

Будь въ этомъ дѣлѣ мой вожатой!  
Когда еще я былъ обвороженъ мечтой,  
Что съ музой и меня ждетъ къ славѣ производство,  
То авторскихъ побѣдъ мнѣ льстило превосходство.

А нынѣ ужъ остылъ честолюбивый жаръ;

Дѣлами личными не много я прославлюсь,

И отъ забвенія лишь развѣ тѣмъ избавлюсь,

Что славныхъ воиновъ составлю формуляръ.

Когда я времени жестокимъ приговоромъ

Не убылъ изъ числа пріятелей твоихъ,

Надѣюсь, что, какъ встарь, просительный мой стихъ

Посмотришь благосклоннымъ взоромъ

И не захочешь ты, мой заслуживъ упрекъ,

Чтобъ я, желая быть у музъ аудиторомъ,

Профосомъ дожилъ бы свой вѣкъ.

## СЛХХV.

## МОИ ЖЕЛАНІЯ.

Пусть все идетъ своимъ порядкомъ  
Иль безпорядкомъ — все-равно:  
На свѣтѣ, въ этомъ зданьѣ шаткомъ —  
Жить смирно значитъ жить умно.  
Устройся ты, какъ можно тише,  
Чтобъ зависти не разбудить;  
Безъ нужды не взбирайся выше,  
Чтобъ послѣ шеи не сломить.

Пусть будутъ во владѣньѣ скромномъ  
Цвѣтникъ, при ручейкѣ древа;  
Алтарь любви въ предѣлѣ темномъ;  
Для дружбы стулъ, а много два;  
За трапезой хлѣбъ-соль простая,  
Съ приправой ласкъ молодой жены;  
Въ подвалѣ гость съ холмовъ Тобая,  
Душистый вѣстникъ старины.

Двѣ, три картины не на славу;  
Пріютъ мечтанью — камелѣкъ  
И про домашнюю забаву,  
Непозолоченный гудокъ.

Книгъ дюжина—хоть не въ сафьянѣ,  
Не рукъ, разсудка торжество,  
И деньга лишняя въ карманѣ  
Про нищету и сиротство.

Вотъ все, чего бы въ скромну хату  
Отъ неба я просить дерзалъ;  
Тогда-бъ къ хранителю-Пенату  
Съ такой молитвою предсталъ:  
„Я не прошу о благѣ новомъ;  
„Мое мнѣ только сохрани,  
„И отъ злословца будь покровомъ,  
„И отъ глупца оборони“.

---

## СЛХХVI.

КАПЛЯ.  

---

Съ лазурныхъ нивъ упала капля въ море.  
Къ кому пристать? сиротѣ бѣдной горе!  
Но на нее взглянулъ дня свѣтлый богъ  
И взглядъ его былъ ей надеждъ залогъ,  
Ее сокрылъ онъ въ раковинѣ скудной  
И съ каплею свершился жребій чудный:  
Богатый перлъ, дождавшись лучшихъ дней,  
Блеститъ она въ вѣнцѣ Царя-царей!  
Умѣй терпѣть! Придетъ награды время:  
Въ смиреніи величья зрѣеть сѣмя.

---

## CLXXVII.

ЯЗЫКЪ И ЗУБЫ.  

---

Одинъ султанъ пеняль сѣдому визирю,  
Что твердой стойкости онъ не имѣлъ во нравѣ.  
За недостатокъ сей судьбу благодарю,  
Имъ удержался я и въ почести и въ славѣ,  
Сказалъ визирь ему, и при дворѣ твоємъ  
Средь частыхъ перемѣнъ онъ былъ моимъ щитомъ.  
Мнѣ шестьдесятъ-пять лѣтъ, прибавилъ онъ съ улыбкой,  
Изъ твердыхъ тѣхъ зубовъ, которые имѣлъ,  
Ты видишь рѣдкій уцѣлѣлъ.  
Но всѣ ихъ пережилъ одинъ языкъ мой гибкой.

---

## СЛХХVIII.

## ВЪ СПЯЩЕМУ АМУРУ.

---

Спи, милое дитя! твой видъ, какъ утро, ясенъ;  
Невинность на челѣ повойтса твоємъ;  
Хотѣлобъ сердце жить ввѣкъ при тебѣ одномъ,  
Но разумъ говоритъ, что пробудь твой опасенъ.

---

## СЛХХIX.

## ВЪ АЛЬБОМЪ

(изъ Байрона).

---

Какъ надпись хладная на камнѣ гробовомъ  
Вниманье путника невольно пробуждаетъ,  
Пусвай въ твоихъ листахъ объ имени моемъ  
Мой сѣтующій стихъ тебѣ напоминаетъ;  
Пусть скажетъ: брошенный на произволь судьбѣ,  
Подъ дальнимъ небомъ зреть онъ чуждое свѣтило,  
Но все, что жизнью сердца было;  
И сердце самое оставилъ при тебѣ.

---



## СЛХХХ.

КЪ ВОСПОМИНАНІЮ.  

---

Прошедшаго привѣтъ, воспоминанье!  
Отрадой сердце посѣти!  
Ты замѣни остылое желанье;  
Будь мнѣ опорой на пути.

Таинственно, въ тиши краснорѣчивой  
Бесѣдуй съ жадною душой:  
Грядущаго умоляюль голосъ льстивой, —  
Надежды нѣмы предо мной!

Я отжилъ вѣкъ волшебныхъ упоеній,  
Загадку жизни разгадавъ,  
И осушилъ источникъ наслажденій,  
Завѣсу тайны разодралъ!

Я даль проникъ, и путь уединенный  
Глазами опыта прозрѣлъ,  
И свѣтлый міръ, мечтами населенный,  
Въ глазахъ померкъ и опустѣлъ.

Но ты приходи! бесѣдою твоею,  
Воскреснуть дней протекшихъ сны,  
Я при тебѣ душой помолодѣю,  
Привѣтъ услыша старины.

---

## СЛХХХІ.

## МАДРИГАЛЪ

(КЪ ДВУМЪ КРАСАВИЦАМЪ, МАТЕРИ И ДОЧЕРИ).

---

О вы, которыя гордитесь красотою,  
 При нихъ, отъ зависти краснѣя, скройтесь прочь!  
 Мать несравненная! А дочь  
 Сравнялась съ матерью одною.

---

## СЛХХХІІ.

## Ш А Р А Д Ы.

1.

*Мое начальное французская монета,  
 Второе навсегда скрываетъ насъ отъ свѣта,  
 А въ шлое когда, къ несчастью, попадешь,  
 То множество хлопотъ тогда себѣ найдешь.*

2.

Когда спасенья кто душѣ своей желаетъ,  
 Тотъ *первое* мое въ молитвахъ исполняетъ;  
*Второе* дерево, оно у насъ растетъ;  
 А *все*—вещь необходимая, когда насъ сонъ зоветъ.

---

## СЛХХХІІІ.

КАБАНЪ И ОСЕЛЪ.  

---

Осель съ кабаномъ повстрѣчался,  
И такъ, какъ свойственно скоту,  
Надъ гордымъ звѣремъ насмѣхался,  
Хваля, межъ тѣмъ, свой умъ, таланты, красоту.  
„Поди прочь отъ меня, негодное творенье!“

Кабанъ ослу сказалъ:

„За дерзость бы тебя я тотчасъ растерзалъ,  
„Но ты осель, ты глупъ, мой гнѣвъ къ тебѣ — презрѣнье“

---

## СЛХХХІV.

## ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

(Басня).

Лисица отъ стрѣла убѣжища искала, —  
 И вдругъ нечаянной судьбой  
 Ко льву въ пещеру забѣжала;  
 Тогда обратною стопой  
 Стрѣлокъ скорѣй бѣжать пустился.  
 Но злой, жестокій ровъ вездѣ лисицу гналъ!  
 „Добро пожаловать!“ Левъ гордо ей сказалъ:  
 „Я голоденъ, постился,  
 Дня два не выходилъ на свѣтъ;  
 Ты-жь лакомый кусокъ, — послужишь мнѣ въ обѣдъ:  
 Сама судьба тебя послала“.

— Не спорю, государь! — Лисица отвѣчала:  
 Лишь только грустно мнѣ, какъ вспомню объ одномъ,  
 А именно сказать о батюшкѣ моемъ;  
 Послушай: какъ-то къ намъ вдругъ кроликъ постучался,  
 Просилъ убѣжища отъ стаи жадныхъ цесвъ:  
 Мы приняли его безъ спросовъ, лишникъ словъ;  
 Бѣдняжка жалокъ такъ казался!  
 Но что-жь случилось, наконецъ?  
 И вспомнить не могу! Жестокій мой отецъ,  
 Ни правъ просящаго, ни совѣсти не зная,  
 Малютку для себя на ужинъ растерзалъ.

Малютка, мучась, вздыхая,  
Боговъ въ отмщенью призывалъ,  
И вдругъ ударилъ громъ, окрестность задрожала,  
И страшно въ роцѣ гуль завылъ!  
Нора, гдѣ жили мы, какъ будто не бывала, —  
И бѣдный мой отецъ несчастной жертвой былъ...  
— „Довольно, перестань!“ Левъ перервалъ смущенный:  
(Конечно, таковымъ урокомъ уstraшенный)  
„Ступай! Я ѣсть ужъ не хочу;  
Такъ жалокъ твой рассказъ! Я плачу и — молчу“.  
Найдутся и межъ насъ подобные примѣры!  
Что было-бъ съ слабыми, когда-бъ не знали вѣры?

## СЛХХХV.

## КАЛИФЪ И ДЕРВИШЪ.

(Восточный Апологъ).

Однажды утренней порой  
 Калифъ роскошный и надменный,  
 Толпою всадниковъ отсюда окруженный,  
 На колесницѣ золотой  
 Скакалъ въ окрестности изъ пышнаго Багдада:  
 Тамъ зрѣлся древній храмъ, тамъ падшая ограда,  
 Тамъ гряда камней вокругъ разбросанныхъ лежитъ,  
 И съ сребровидными власами,  
 Съ челомъ нахмуреннымъ, съ понижшими очами,  
 Между обломками столѣтній мужъ сидитъ.  
 Калифъ лишь бросилъ взоръ, — и далѣе помчался.  
 Встрѣчаемъ всюду съ торжествомъ,  
 Онъ мнилъ на свѣтѣ быть не смертнымъ — божествомъ!  
 И вечеромъ уже въ Багдадъ свой возвращался,  
 И видитъ тотъ же храмъ, и тотъ же старецъ былъ,  
 И также старецъ сей свой мрачный видъ хранилъ.  
 Калифъ, симъ зрѣлищемъ невольно изумленный,  
 Свой путь остановилъ.  
 „Зачѣмъ, скажи, ты здѣсь?“ онъ старца вопрошаетъ:  
 „Одинъ въ безмолвіи и думой отягченный?...  
 „Но что я зрю? Въ рукахъ своихъ  
 „Ты держишь черепъ — образъ тлѣнья!“

— Такъ онъ — сей старецъ ревъ — причина размышленья,  
И горестный предметъ столь мрачныхъ думъ моихъ!  
Я здѣсь его нашель, и угадать стараюсь,  
Чей былъ онъ: дервиша-ль, иль перваго въ царяхъ?  
Гляжу... въ догадкахъ лишь теряюсь...  
Не узнаю никакъ... Одинъ ничтожный прахъ! —  
Калифъ въ молчаніи отъ старца удалился,  
И послѣ, такъ какъ слухъ носился,  
Онъ вѣрилъ иногда, влача въ шуму свой вѣкъ,  
Что онъ, хотя калифъ, однакожъ человекъ.

---

## СЛХХХVI.

## ВИЗИРЬ ГАССАНЪ.

(СКАЗКА).

Въ кіоскѣ пышной, золотой,  
Подъ шумомъ рѣзваго, блестящаго фонтана,  
Дремалъ визирь Гассанъ, любимецъ, другъ султана,  
Къ подушкѣ бархатной склоняся головой.  
Послушные рабы вокругъ него стояли,  
И, робкое въ груди дыханье притаивъ,  
Свой взоръ на соннаго Гассана устремивъ,  
Покой и тишину въ мѣстахъ сихъ охраняли.  
Но вдругъ не вдалькѣ раздался смутный крикъ.  
„Кто тамъ?“ проснувшись вельможа вопрошаетъ.

И вотъ къ Гассану приступаетъ  
Ведомый стражею осанистый старикъ.  
Гассанъ, прикрывъ рукой глаза свои отъ свѣта,  
Глядитъ и щурится, съ дивана привстаетъ—

И что же? Узнаетъ  
Въ пришельцѣ своего любезнаго Мавбета,—  
Мавбета, съ коимъ онъ отъ самыхъ юныхъ дней  
Былъ друженъ, вмѣстѣ росъ, и даже увѣряли,  
Что въ нихъ различіе одно лишь замѣчали:  
Несходство мыслей и страстей.



Теперь совсѣмъ не то: Макбетъ въ простомъ нарядѣ,

Почти съ нечесанной бородой,

Хоть храбрый воинъ былъ, но воинъ лишь простой,

Однакожь умъ блисталъ въ его отважномъ взглядѣ.

А тотъ—уже визирь! богатству смѣты нѣтъ!

Не будучи знакомъ ни съ свукой, ни съ дѣлами,

Съ утра до вечера пируетъ онъ съ друзьями,

Ѣсть пловъ, курить алой и пьетъ всегда шербетъ.

„Я вижу, счастливъ ты!“ сказалъ Макбетъ со вздохомъ:

Дай Богъ! Я радъ тому: фортуна людямъ владѣ!

Счастливецъ загадалъ, и все пошло на ладъ!

А я—что приобрѣлъ? Гонимый злымъ ровомъ,

Однѣ лишь горести повсюду находилъ.

Ты знаешь, давній другъ, что правду я любилъ;

Она-то и была всѣхъ бѣдъ моихъ виною!

Нѣтъ! не могу вривить душою.

Я въ должность вадія вступилъ

И судъ, влянусь, давалъ правдивый, безпристрастный,

Но злыхъ людей языкъ опасный

Меня безвиннаго, увы! не пощадилъ.

Соскучась клеветой и избѣгая мщенья,

Я новаго искалъ служенья,

И съ новымъ рвеніемъ во брани полетѣлъ!

Служилъ, сражался, сколько можно:

Вотъ раны на груди то говорятъ неложно;

Но кланяться и льстить я вовсе не хотѣлъ,

Надѣясь на свои заслуги —

И что-жь? За всѣ мои увѣчья и недуги

Паша, начальникъ мой,

Благодарилъ меня пустою лишь хвалою —

И то, такъ не хотя, и такъ, чтобъ не слышали;

А тѣ, кто въ шахматы иль въ кости съ нимъ играли,

Или за трубкой и виномъ

Его почти равняли дерзали съ божествомъ,

Одни всѣ почести и славу получали.

Увидя, что коварный рожъ

Ко мнѣ нимало не смягчался,  
 И въ мирѣ, и въ войнѣ все также былъ жестокъ,  
 Отъ дѣлъ и подвиговъ навѣкъ я отказался,  
 И возвратясь теперь домой,  
 Лѣтъ тридцать прослужа, притомъ съ пустой сумой,  
 Хочу въ моемъ уединеньѣ  
 Прожить остатокъ дней безъ шума, безъ суетъ,  
 И вспоминать подчасъ, что сей обширный свѣтъ  
 Есть рай для злыхъ сердецъ, для добрыхъ же—мученье,  
 — Мнѣ, право, жаль тебя!—Вельможа отвѣчалъ:  
 Но время протекло, и пособить не можно;  
 Къ тому-жь еще признаться должно:  
 Ты самъ всему виной, ты самъ бѣды искалъ.  
 Къ чему столь горду быть предъ вышними властями?  
 И что приобрѣтешь ты съ правдою своею?  
 По мнѣ: тотъ всѣхъ изъ насъ умнѣй,  
 Кто брани не ведетъ съ людскими вѣкъ страстями.  
 Такое мнѣніе поставивши въ законъ,  
 Ты все бы получилъ безъ дальняго старанья:  
 Чины, и почести, и лестныя названья.  
 И развѣ тягостенъ для головы поклонъ?  
 Послушай! мы одни—откроюсь предъ тобою:  
 Я самъ не думалъ быть суровымъ мудрецомъ;  
 За то—теперь визирь! какъ чаша полонъ домъ,  
 И все передо мной поникло головою!  
 Люблю поѣсть, попировать,  
 Въ жилищѣ у меня всѣ роскоши столицы!  
 Пѣвцы и пласуны, актеры и пѣвицы,  
 Когда ни вздумаю, готовы забавлять.  
 А тамъ..... что Богъ велитъ! быть можетъ, покаяньемъ.....  
 „Довольно!“ перервалъ Макбетъ съ негодованьемъ:  
 „Коль честность такъ рѣдка въ нашъ развращенный вѣкъ,  
 Пусть будешь ты—визирь; я—честный человѣкъ“ .

---

## СЛХХХVII.

## КЪ ПРЕЛЕСТНОЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! я не скажу, что сердце ощущаетъ,  
Когда ты на меня взоръ устремляешь свой;  
Душа забыла міръ, восторгъ въ груди пылаетъ,  
И радости со мной!

Нѣтъ, нѣтъ! я не скажу, что сердце ощущаетъ,  
Когда своей рукой коснешься ты моей;  
Мгновенно быстрый огонь по жиламъ пробѣгаетъ,  
И меркнетъ свѣтъ очей!

Нѣтъ, нѣтъ! я не скажу, что сердце ощущаетъ,  
Когда я въ трепетѣ внимаю голосъ твой....  
Мнѣ долгъ, жестокий долгъ, молчать повелѣваетъ:  
Я долгъ исполню свой.

---

## СЛХХХVІІІ.

## ЭПИГРАММА.

(Изъ Ж. Б. Руссо).

---

Злой клеветникъ, врагъ чести, льстецъ ехидный,  
Пустившись смыслъ на речахъ теревить,  
Расчелъ умно; барышъ тутъ очевидный:  
Сноснѣй вралемъ, чѣмъ низкимъ плутомъ слыть!  
Мнѣ мнится онъ вамъ говоритъ съ поклономъ,  
Вы, коимъ данъ шутивымъ Аполлономъ,  
Насмѣшки даръ и остраго словца:  
„Я васъ прошу, меня, себѣ въ забаву,  
Пустите въ свѣтъ подъ вывѣской глупца,  
Чтобы хоть тѣмъ мою поправить славу“.

---

## СЛХХХІХ.

## СТАТУЯ ГЕРКУЛЕСА И ПРОХОЖІЙ.

(васня).

---

Статую Геркулеса  
Невѣжда на грядѣ поставилъ въ огородѣ,  
Пугать собой пернатыхъ родъ.  
„Прекрасны подвиги!“ сказалъ одинъ повѣса:  
„Здѣсь славный Геркулесъ гоняетъ воробьевъ!“  
Что дѣлать съ наглостью безумцевъ и глупцовъ?—  
Безсмертный отвѣчаетъ:  
— Пускай судьбина мной, какъ хочетъ управляетъ:  
Я ввѣкъ остануся въ числѣ полубоговъ.

---

СХС.

П Ы С Н Я.

---

Вчера, предавшись повою,  
Въ очаровательныхъ мечтахъ  
И сонный, занятый тобою,  
Я очутился въ небесахъ.

Любовь съ улыбкою предстала,  
На образъ показала твой,  
Люби — еще не досказала,  
А я уже пылалъ тобой.

---

ОХО!

## ЭПИГРАММЫ.

1.

Нашъ журналистъ и сухъ, и тощъ, какъ спичка,  
Когда-бъ ума его весь выжать сокъ,  
То выйдетъ врядъ учености страничка,  
Да мыслей на пять на шесть строкъ.

2.

Изсохло-бы перо твое безплодно,  
Засухою свончались бы листы;  
Но помогать бѣдамъ искусство сродно:  
Въ желчь зависти перо обмокнешь ты,  
И съизнова на мѣсяць, два, свободно  
Съ него польются клеветы.

3.

Онъ церкви былъ ученикомъ послушнымъ,  
За зло добромъ платилъ своимъ врагамъ,  
И прослыветъ собраньемъ эпиграммъ  
Онъ человекомъ добродушнымъ.

4.

Фирсъ каждый день душилъ меня, какъ бремя:  
Онъ у меня взялъ сто рублей на время.  
Съ тѣхъ поръ ко мнѣ не ступитъ Фирсъ ногой:  
Какъ дешево бунилъ я свой покой.

## 5.

„Труды ума ты моего исчисли:  
„Прилежныхъ лѣтъ благословенный плодъ!  
„И все свое, всѣ собственныя мысли,  
„Вездѣ свой слогъ, вездѣ свой оборотъ!“  
Все такъ! но, другъ, убытчишься не въ статѣ,  
Не по казнѣ твоей такой расходъ;  
Чтобъ ты и твой читатель былъ богатѣй,  
Ты на чужой живи отнынѣ счетъ.

## 6.

Въ жару холоднаго витійства,  
Ты присудилъ въ костру шутивыя стихи.  
Быть такъ! твои-жъ умрутъ не отъ чужой руки,  
Но отъ самоубійства.

## 7.

Пусть критикъ отъ тебя съ угрозой  
Безсмертья запираетъ дверь;  
Ты не тужи о томъ: повѣрь,  
Стихами пишешь ты какъ прозой.

## 8.

Когда бесѣдчикамъ Державинъ предъ концомъ,  
Жилища своего не завѣщалъ въ наслѣдство,  
Онъ зналъ ихъ твердыя права на желтый домъ,  
И прочилъ имъ сосѣдство.

---



СХСЦ.

Ш У Т К А.

Разскажу я вамъ быль-сказку,  
Какъ съ поворнаго слуги  
Въ достопамятную пляску  
Башмачекъ слетѣлъ съ ноги.

Какъ подъ музыку Россини  
Вальсируя на повалъ,  
Вашъ Московскій принцъ *Дантинги*  
Въ *Ченерентолы* попалъ.

Зло смѣтесъ. Понемножку  
Я и самъ смѣяться радъ,  
Что пришлось на босу ножку  
Расплясаться не впопадъ.

Такъ узнайте же разгадку  
Горемычную мою,  
Я скажу вамъ правду-матку  
И грѣха не потаю.

Нѣжной страстью пламенѣя  
Къ красотѣ, въ сердечный знакъ,  
Бросить ей платокъ не смѣя,  
Я—швырнулъ въ нее башмакъ.

---

1824 г.



## СХСІІ.

### ПРЕЛЕСТИ ДЕРЕВНИ

(СЪ ФРАНЦУЗСКАГО).

---

Не разъ хвалили безъ ума  
Деревню, пристань всѣмъ весельямъ.  
Затѣй въ поэтахъ нашихъ тьма;  
Не звать цѣны ихъ руководѣльямъ —  
И Боже насъ оборони!  
Но, воспѣвая рощи, воды  
И дивія красы природы,  
Нерѣдко порятъ дичь они!  
Лѣсокъ распишутъ ли? Какъ разъ  
И вѣчный соловей воспѣетъ!  
Лужокъ разстелятъ? На заказъ  
И роза вѣчная алѣетъ!  
Повѣрь ихъ пѣснѣ: вдоль полей  
Растутъ репейники съ крапивою  
И слышенъ галокъ хоръ крикливой,  
И хоръ индѣекъ и гусей!  
Съ собачкой стадо у рѣки:  
Вотъ случай мнѣ запѣть эклогу!  
Но что-жъ?—Бодаются быки,  
А шафка мнѣ кусаетъ ногу!  
Кто-жъ пастушова? Прямой пастухъ!

Подъ тяжестью густой овчинки,  
Онъ скрипомъ хрипья волынки  
Немилосердно рѣжетъ слухъ!  
Сіянье томное луны  
Влечетъ въ задумчивой дремотѣ;  
Но гонить прочь мечтаній сны  
Лягушекъ кваканье въ болотѣ.  
Хочу заснуть безъ метафоръ,  
Но мнѣ и въ томъ успѣха мало:  
Комарій пискъ и мухи жало  
На сонъ мой входятъ въ разговоръ!  
Нѣтъ, воля ваша господа!  
Но деревенскія забавы  
Найду безъ лишняго труда,  
Не отлучаясь изъ заставы.  
Злой враль не тотъ же ли комаръ?  
Репейники цвѣтутъ въ журналахъ,  
Гусей встрѣчаю въ самохвалахъ,  
А спѣсь индѣекъ въ спѣси баръ.

---

## СХСІV.

## АПОЛОГИ.

## 1.

## ОТВѢТЪ ДРЕВНЯГО МУДРЕЦА.

Въ больницѣ общей намъ, гдѣ случай, врачъ-слѣпецъ,  
 Развелъ насъ на обумъ и лечитъ на удачу,  
 Скажи, что дѣлаешь, испытанный мудрецъ?  
 „Съ безумными смѣюсь, съ страдающими плачу.“

## 2.

## МОЛОТОКЪ И ГВОЗДЬ.

„По милости твоей я весь насввозь расколотъ“,  
 Кирпичъ пенялъ гвоздю: „за что́ такая злость?“  
 — За то, что въ голову меня колотитъ молотъ, —  
 Сказалъ съ досадою гвоздь.

## 3.

## ЛАНДЫШЪ.

Росъ ландышъ — не доросъ; зачахъ, упалъ и сгнилъ;  
 Его отъ солнышка рещейникъ заслонилъ!  
 Не толи-жъ самое съ талантами мы видимъ,  
 Когда... но замолчимъ: кого-нибудь обидимъ!

## СХСV.

## КЪ ГРАФУ ЧЕРНЫШЕВУ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Въ твоихъ затѣйливыхъ стихахъ, —  
Буфлера ученикъ счастливый,  
Какъ онъ, насмѣшникъ часто льстивый,  
Какъ онъ, вѣкъ съ Музою въ ладахъ, —  
Есть истина. Но ложь украдкой,  
Съ улыбкой пагубной и сладкой,  
Умѣла пріютиться въ нихъ.  
Не спорю я, когда твой стихъ  
Меня изобличаетъ въ лѣни;  
Но какъ отъ правды онъ далекъ,  
Когда мнѣ дѣлаешь ты пени  
И ставишь лѣнь мою въ порокъ!  
Опомнись, графъ, иль надо мною  
Ты насмѣхаться перестань —  
За лѣнь я заслужилъ — не скрою —  
Признательности общей дань.  
Сошлюсь на всѣхъ: весь свѣтъ свидѣтель,  
Что твой безсовѣстенъ упрекъ,  
И что въ нашъ дѣятельный вѣкъ  
Лѣнь — не порокъ, но добродѣтель.  
Иль, можетъ быть, въ твоей глуши,  
Гдѣ скрылся съ Музой ты и счастьемъ,



Знакомый съ тихимъ сладострастьемъ  
Себѣ сказавшейся души  
И богомъ вкуса охраненный,  
Не знаешь ты, слѣпецъ блаженный,  
Всѣхъ утомительныхъ проказъ  
Неутомимыхъ нашихъ братій,  
Не видишь, какъ отъ ихъ занятій  
Сталъ плодороденъ нашъ Парнасъ  
И какъ плоды его не зрѣлы.  
Не для тебя здѣсь комикъ смѣлый  
Воюетъ подъ шумокъ свистка —  
Съ благопристойностью и вкусомъ;  
Другой отъ опытности трусомъ  
Вредитъ тайкомъ издалева.  
Не для тебя журналы съ годомъ  
Родятся и кончаютъ вѣкъ,  
И Фирсъ клянется предъ народомъ  
Что онъ великій человекъ.  
Не знаешь ты о нашихъ одахъ,  
О сихъ торжественныхъ грѣхахъ,  
О нашихъ тучныхъ переводахъ  
И худощавыхъ образцахъ.  
Твой взоръ не видитъ, слухъ не слышитъ,  
Какъ притупившимся перомъ  
За четырехъ нашъ Бавій пишетъ,  
А мыслить за себя съ трудомъ!  
Какъ свѣжихъ слушателей ловлей  
Клитъ промышляетъ каждый часъ,  
И какъ бездушныхъ книгъ торговлей  
Усердный Думинъ душилъ насъ.  
Не знаешь ты подъ тихимъ кровомъ,  
Куда укрылся отъ глупцовъ,  
Какъ боренной наборщикъ словъ  
Торжественно насъ давитъ словомъ;  
Какъ знатный рабъ, торгашъ похвалъ,  
Торгуетъ о народномъ благѣ; —

Какъ въ тяжкомъ, непробудномъ снѣ  
Слѣпцы толкуютъ о картинѣ,  
Прадоновъ шайба объ Расинѣ,  
Невѣжды о Карамзинѣ!  
Нѣтъ! опыта взгляни глазами  
На хлопотливый нашъ народъ,  
На разноцвѣтный этотъ сбродъ,  
Трудящійся за пустыями;  
Ты посмотри, какъ всякій здѣсь  
Безъ дѣла о досугѣ тужить,  
И какъ салоновъ нашихъ спѣсь  
Ничтожности ихъ лаской служить.  
Броню терпѣнья ты надѣнь  
И подъ дождемъ дурачествъ разныхъ  
Осмѣлься въ укоризнахъ грозныхъ  
Мнѣ выговаривать за лѣнь.  
Я жду тебя. Но мнѣ порукой  
Дары въ тебѣ пристрастныхъ Музъ:  
Твой тонкій умъ и здравый вкусъ,  
Что скоро, осажденный скукой,  
Ты съ сожалѣньемъ и стыдомъ,  
Людскихъ проказъ усталый зритель,  
Какъ любопытный посѣтитель,  
Что, заглянувъ къ безумнымъ въ домъ,  
Смѣется пополамъ съ тоскою  
И прочь отъ зрѣлища бѣжитъ —  
Простишься съ вѣтренной толпою,  
Которой вихрь всегда вертитъ,  
Поспѣшно отворишь взоры  
Отъ нашихъ былей-небылицъ,  
Кляня дѣйствительные вздоры  
Несчастныхъ дѣйствующихъ лицъ.  
Тогда расквешься въ упрекѣ,  
Прибѣгнешь къ праздности моей  
И утвердишь меня въ пороки,  
Который чудо нашихъ дней!

Но лгать во мнѣ нѣтъ, графъ, охоты,  
Я оправдаться тороплюсь:  
Когда лѣнивъ я для работы,  
То наслаждаться не лѣнюсь.  
Зима къ намъ съ снѣжныхъ горъ сватилась,  
Въ вѣнцѣ блестящемъ воцарилась  
На нашихъ древнихъ берегахъ.  
Волшебный жезлъ въ ея рукахъ!  
Она сзываетъ къ намъ веселья,  
А съ ними и любимца ихъ.  
Услышь мольбу друзей твоихъ!  
Я вечеринки новоселья  
Ужъ жду, любезный графъ, давно;  
На ней прилежно до разсвѣта  
Радъ слушать я стихи поэта,  
Радъ оберъ-шенка пить вино.

---

## СХСѢ.

СВТОВАНИЕ.  

---

Ея ужъ нѣтъ, моей весны!  
Порывы бурь ее умчали!  
И жертву мертвой тишины  
Ужъ не волнуютъ счастья сны,  
Ни сердцу сладкія печали!  
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!

Ея ужъ нѣтъ, моей весны!  
Въ туманахъ ранняго заката  
Потухло солнце старины,  
Дни жизни сердца сочтены —  
И нѣтъ утраченнымъ возврата!  
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!

Ея ужъ нѣтъ, моей весны!  
Раздался въ сердцѣ гласъ печальный,  
Какъ ропотъ порванной струны,  
Какъ стонъ разбившейся волны,  
Какъ тихій отзывъ флейты дальшой.  
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!

---

## СХОВІІ.

## ПРОЩАНІЕ ВОИНА.

(Романсъ).

Звучить труба; ряды сомкнулись въ строй;  
Отчизны гласъ насъ призываетъ въ мести:  
Подай мнѣ мечъ нетрепетной рукой!  
Я возвращусь со славой съ поля чести!

Когда сойдусь я мечъ на мечъ съ врагомъ,  
Ты будешь мнѣ невидимый хранитель;  
Любовникъ твой быть долженъ побѣдитель!  
Ты быть должна ко славѣ мнѣ вождемъ!

Цвѣтами ты усѣй возвратный путь!  
Да миртъ и лавръ привѣтствуютъ героя!  
Да склонить онъ на трепетную грудь  
Главу свою, усталую отъ боя!

Мой щитъ, мой шлемъ повѣсишь ты съ мечомъ!  
Пусть освятятъ они твою обитель!  
Пусть говорятъ, что я былъ побѣдитель,  
Что ты была ко славѣ мнѣ вождемъ!

Но пыль взвилась! подвигнулись полки!  
Прости! красы не омрачай слезами!

Сей твердый мечъ, сей даръ твоей руки,  
Предвѣстникъ мнѣ побѣды надъ врагами!

Твоя мольба предъ Вышнимъ алтаремъ —  
Сопутникъ мой и въ бурѣ битвы хранитель!  
Любовникъ твой быть долженъ побѣдитель,  
Ты быть должна во славу мнѣ вождемъ!

---

ОХСѢІІІ.

ЭПИГРАММА.

---

Ты правъ! Сожжемъ Карамзина творенья!  
Онъ не по насъ! Галиматы въ немъ нѣтъ!  
Въ немъ смѣлый умъ, потомокъ просвѣщенья;  
Есть жаръ, есть вкусъ, сей вѣчно-юный цвѣтъ!

Но что намъ въ нихъ? Онъ Граціи улыбкой  
Былъ вдохновенъ, когда шутя писалъ,  
И слогъ его, уступчивый и гибкой,  
Живой Протей, всѣ измѣненья бралъ.

Но что намъ въ томъ? Пусть яркій пламень казни  
Вѣнецъ творца и нашъ позоръ сожжетъ!  
Но ты, дружокъ, ты чуждъ такой боязни!  
Какъ сжечь тебя? Не загорится ледъ!

---

## ОХОІХ.

## П Ъ С Н Я   З Ъ В А К И.

Жизнь наша сонъ! Все пѣснь одна:  
 Или ко сну, или со сна!  
 Одно все водится издавна:  
 Родятся люди, люди мрутъ  
 И кое-какъ пока живутъ.  
 Куда все это какъ забавно!  
 Какъ не зѣвать? Все пѣснь одна:  
 Или ко сну, или со сна!

Иной зѣваетъ отъ бездѣлья,  
 Зѣваютъ многіе отъ дѣлъ;  
 Иной зѣваетъ что не ѣлъ,  
 Другой зѣваетъ что съ похмѣлья!  
 Какъ не зѣвать! все пѣснь одна:  
 Или ко сну или со сна!

Актеръ въ своей зѣваетъ ролю;  
 Зѣвотой зритель давитъ свистъ!  
 Зѣвая пишетъ журналистъ,  
 А сускрибентъ зѣваетъ болѣ!  
 Какъ не зѣвать! все пѣснь одна:  
 Или ко сну или со сна!

Я холостъ былъ—зѣвалъ безъ счета,  
 Подумалъ завестись домомъ  
 И взялъ жену, чтобъ жить вдвоемъ —  
 И вдвое забрала зѣвота!  
 Какъ не зѣвать! все пѣснь одна:  
 Или ко сну или со сна!

СС.

ВОЛИ НЕ ДАВАЙ РУКАМЪ.  

---

Воли не давай рукамъ!  
Говорили наши предки;  
Измѣняли тѣмъ словамъ  
Лишь тогда, какъ стрѣлы мѣтки  
Посылали въ грудь врагамъ.

Мы смѣемъ старикамъ,  
Мы не просимъ ихъ совѣтовъ;  
По Парнассу, по судамъ,  
Отъ архонтовъ до поэтовъ,  
Волю всѣ даютъ рукамъ.

Волю бѣглымъ давъ рукамъ,  
Карпъ стихи какъ сѣно косить,  
Пальцы съ ртутью пополамъ,  
Въ головѣ за то лишь носить  
Онъ свинецъ на горе намъ.

Загляни къ Темидѣ въ храмъ:  
Пусть слѣпа, да руки зрячи;  
Знаетъ вѣсь давать вѣскамъ:  
Гладитъ тѣхъ, съ кого ждетъ дачи,  
Бѣдныхъ бьетъ же по рукамъ.



Но не все-жь злословить намъ.  
Живо въ памяти народной,  
Какъ въ сенатѣ, въ страхъ врагамъ,  
Долоруковъ благородный  
Смѣло волю далъ рукамъ.

Мой Пегасъ подъ стать осламъ,  
Крыльевъ нѣтъ—не та замашка:  
Жмутъ оглобли по бокамъ,  
Лишь лягается бѣдняжка,  
Крѣпко прибранный къ рукамъ.

---

ОСІ.

ВЪ ШЛЯПѢ ДѢЛО.

---

Инымъ что шагъ, то неудача;  
Что шагъ, то радости другимъ;  
Слѣпецъ надъ бездной невредимъ,  
Упалъ на ровномъ мѣстѣ зрячій.  
Кто отыскалъ въ Фортунѣ слѣдъ,  
За все тотъ принимайся смѣло:  
Въ сорочкѣ онъ родился въ свѣтъ,  
И въ шляпѣ дѣло!

Съ Бургонской пробкой, за приборомъ,  
Какъ ставятъ мнѣ медокъ простой,  
Или красотѣ пожилой  
Блеснуть захочется уборомъ,  
Иль баринъ пополамъ съ грѣхомъ,  
Плюмажъ свой выставляетъ бѣлой,  
Я говорю себѣ тайкомъ:

Не въ шляпѣ дѣло!

Кто не богатъ, тотъ бѣгай спора,  
И въ судъ за правдой не гонись;  
Или въ сѣняхъ безъ шляпы жмись  
И жди годъ цѣлый приговора.

Богатому и тутъ люли! •  
 Хоть дѣло черно, будетъ бѣло:  
 Изъ шляпы высыплетъ рубли,  
 И въ шляпѣ дѣло!

На картахъ проигравъ имѣнье,  
 Эрастъ женился на вдовѣ;  
 И въ домѣ, и на головѣ,  
 Вездѣ Эрасту приращенье.  
 „Пусть надо мною — говоритъ —  
 „Подшучиваетъ городъ цѣлой  
 „Но мнѣ тепло: я счастливъ, сытъ!“  
 „И въ шляпѣ дѣло“!

Когда везло Наполеону,  
 За колесницей вель онъ свѣтъ,  
 Но Русскій Царь взялъ жезлъ побѣдъ —  
 И сшибъ съ чела его корону.  
 Теперь припомня прежній сонъ,  
 Какъ все въ глаза ему глядѣло:  
 „Имѣлъ“ — вздыхая, скажетъ онъ —  
 „Я въ шляпѣ дѣло!“

## ССЦ.

## ДАВНЫМЪ-ДАВНО.

Давно ли умъ съ фортуной въ ссорѣ,  
 А глупость счастья зерно?  
 Давно-ли искреннимъ быть горе,  
 Давно-ли честнымъ быть смѣшно?  
 Давно-ль тридцатый годъ Изорѣ?  
 Давнымъ-давно!

Когда Эрастъ глядѣлъ вельможей,  
 Ты, Фроль, дышалъ съ нимъ за одно;  
 Вчера ужъ не въ его прихожей,  
 Вертѣлось счастья вертено:  
 Давно-ль съ нимъ видѣлся?—О Боже!  
 Давнымъ-давно!

Давно-ль въ ладу съ здоровьемъ, силой,  
 Честилъ любовь я и вино?  
 Разъ говорилъ подагрикъ хилой;  
 Жена въ углу молчала, но...  
 Въ отвѣтъ промолвилъ вздохъ унылой:  
 Давнымъ-давно!

Давно-ль знакъ чести на позорномъ  
 Лишь только яркое пятно?  
 Давно-ль на воздухѣ придворномъ  
 Вдругъ и тепло, и студено,  
 И держать правду въ тѣлѣ черномъ?  
 Давнымъ-давно!

## СОШ.

## КУПЛЕТЫ ПАНА ЧИЖЕВСКАГО.

(ИЗЪ ОПЕРЫ-ВОДЕВИЛЬ: КТО БРАТЬ, КТО СЕСТРА?)

---

Баръ и барынь всѣ бранять  
Подъ рувою,  
Презирать ихъ каждый радъ  
За спиною;

Но столкнися съ мудрецомъ  
Баринъ знатный,  
Иль красотка брось тайкомъ  
Взоръ пріятный:

Вдругъ начнетъ иное пѣть  
Нашъ Сенека:  
Перемѣнится медвѣдь  
Въ человѣка;

Смотришь — онъ, какъ и другой,  
Гибокъ, тонокъ,  
Мастеръ встати дѣлать свой  
Падамъ до ногъ!

---

## ССІV.

## КЪ ВОСПОМИНАНІЮ.

Прошедшаго привѣтъ, воспоминанье,  
 Отрадой сердце посѣти!  
 Ты замѣни остылое желанье,  
 Будь мнѣ опорой на пути!

Таинственно, въ тиши краснорѣчивой  
 Бесѣдуй съ жадною душой;  
 Грядущаго умолкнуй голосъ льстивой,  
 Надежды нѣтъ передо мной.

Я отжилъ вѣкъ волшебныхъ упоеній,  
 Загадку жизни разгадалъ,  
 И осушилъ источникъ наслажденій —  
 Завѣсу тайны разодралъ!

Я даль проникъ и путь уединенный  
 Глазами опыта прозрѣлъ, —  
 И свѣтлый міръ, мечтами населенный,  
 Въ глазахъ померкъ и опустѣлъ.

Но ты приходи! Бесѣдою твоею  
 Воскреснутъ дней протекшихъ сны;  
 Я при тебѣ душой помолодѣю,  
 Привѣтъ услыша старины.



1825 г.





ССV.

ШУТКА ВЪ АЛЬБОМЪ.

---

Есть здѣсь дѣвица на примѣтѣ,  
Ее дарами сѣрасилъ Лель;  
Она слыветъ на бѣломъ свѣтѣ  
Мари-Мишель.

Когда родилась, въ часъ разсвѣта  
Ея качая колыбель,  
Ей боги пѣли: многи лѣта,  
Мари-Мишель!

Ищи красавицъ въ свѣтѣ цѣломъ,  
Хотя за тридевять земель,  
Пригожѣй нѣтъ душой и тѣломъ  
Мари-Мишель.

Какъ ясный май, взоръ свѣтитъ ясный,  
Но и обманчивъ, какъ апрѣль:  
Какъ-разъ осѣтитъ въ плѣнъ опасный  
Мари-Мишель.

Она, какъ розы цвѣтъ, алѣетъ,  
Ея улыбка сердцу хмѣль,  
И безъ вина спить умѣетъ  
Мари-Мишель.

Дай Богъ, чтобъ у нея безсрочно  
Веселій ужилась артель,  
И горе знала лишь заочно  
Мари-Мишель!

Когда же я не льщусь ошибкой:  
Моей немудрой шутки цѣль,  
Чтобъ вспомнила меня съ улыбкой  
Мари-Мишель.

---

## ССVІ.

## ЭПИГРАММЫ.

## 1.

Нѣтъ! состязаться мнѣ съ тобою не совмѣстно:  
 Ты правъ, я сознаюсь! нѣтъ, намъ неравенъ бой!  
 Пускай побѣды честь и будетъ мнѣ цѣной,  
 Но мнѣ на поприще къ тебѣ сойти безчестно,  
 А для твоей ничтожности ужъ лестно  
 И то, что нѣкогда ты былъ противникъ мой.

## 2.

Клевретъ журнальный, анонимъ,  
 Помощникъ презрѣнный ничтожнаго безсилья,  
 Хвалю тебя за то, что подъ враньемъ твоимъ  
 Утаена твоя фамилья!  
 Съ безстыдствомъ страхъ стыда желая согласить,  
 Ты доказалъ, вдвойнѣ кривнувъ душою,  
 Что если радъ себя безчестить подъ рукою,  
 То именемъ своимъ умѣешь дорожить.

## 3.

Педантствуй сплошь, когда охота есть,  
 Въ глаза невѣждъ видай школярной пылью,  
 Въ цитатахъ весь старайся Римъ извести,  
 Чтобъ пособить природному безсилью;

Но не острись! Приѣмля въ чужѣ боль,  
Мы чувствуемъ, твои читая шутки,  
Какъ на рукѣ, надъ ними мучась сутки,  
Тугимъ перомъ ты натрудилъ мозоль.

## 4.

Жужжащій враль, едва замѣтный слуху,  
Ты хочешь выслужить ударъ моей руки?  
Но знай! на ястребовъ охотятся стрѣлки,  
А самъ скажи:—какъ цѣлить въ муху?

---

## ССVII.

## СЪТОВАНИЕ АРАБА.

Восторгъ очей! любви моей свѣтило!  
Гдѣ скрылось ты съ надеждою моею?  
Ты жребій мой мгновенно озарило:  
Ищу тебя! И нѣтъ твоихъ лучей!

Душа моя полна твоей улыбкой,  
Твой взоръ еще на сердцѣ не потухъ,  
И голосъ твой, младенческой и гибкой,  
Какъ вздохъ любви, еще ласкаетъ слухъ!

Считаюсь я, пылая и тоскуя,  
Мнѣ душень лѣсъ! горю въ прохладѣ струй!  
Въ тоскѣ любви я жажду поцѣлуя,  
Какъ цвѣтъ отъ росы ждетъ влажный поцѣлуй.

Лучемъ зари, блеснувшимъ на долину,  
Мнѣ улыбнись, души моей кумиръ!  
Мнѣ безъ тебя въ отчизнѣ, какъ въ пустынѣ!  
Мнѣ безъ тебя пустыней цѣлый міръ!

---

## ССVІІІ.

## КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Пусть безтолковый свѣтъ толкуетъ:  
Намъ толковъ праздныхъ не унять;  
Счастливъ, кому дано судьбой о нихъ не знать,  
Умень, кто, зная, не тоскуетъ;  
Пусть добрый полотерь ползкомъ и на лету  
Обшаркалъ начисто всѣ крыльца баръ почетныхъ,  
Чтобъ сдѣлаться среди глупцовъ безсчетныхъ  
Глупцомъ въ столицѣ на счету;  
Пускай Грузинцева въ припадкѣ  
То въ прозу, какъ въ ознобъ, то на стихи, какъ въ бредъ,  
Кидаетъ, словно въ лихорадкѣ,  
Отъ коей хины нѣтъ;  
Пусть рыцарь классиковъ изъ азбучнаго класса,  
Пусть сей журнальный Донъ-Кишотъ  
За образецъ ума себя, а за Пегаса  
Намъ Россинанта выдаетъ!  
Сей умничай въ ничью, дурачься тотъ съ успѣхомъ,  
Иной, какъ колоколь, будь и тяжелъ, и пусть,  
Иль сплетней городскихъ будь онъ стоустымъ эхомъ,  
Въ которомъ гласа нѣтъ безъ постороннихъ устъ!  
Въ устройствѣ общества и цехъ глупцовъ потребенъ,

Въ мірскомъ быту полезны и они:  
Со скуки-бъ умерли здѣсь умники одни,  
Глушцы смѣшать, — а смѣхъ цѣлебень!  
Терпимость — мудрости порука и сестра.  
Оставимъ мы взыскательность пустую;  
Я на одинъ порокъ могущій негодую,  
Я на него храню гнѣвъ сердца и пера,  
Но слабостямъ прощать я совѣстью обязанъ,  
И болѣ! какъ-бы имъ я сострадать не могъ,  
Какъ рабъ невольнику, который цѣпью связанъ,  
Или риомачъ безъ рукъ — танцмейстеру безъ ногъ?  
Я слышу, говорятъ нерѣдко:  
„У каждаго свой умъ!“ Вранье, сударь, вранье!  
Скажите вы, и попадете мѣтко:

„У каждаго дурачество свое!“

Мы всѣ съ дурачествомъ, всѣ съ пятнышкомъ родимымъ,  
Въ оттѣнкахъ каждаго различіе одно:  
Здѣсь ярче, тамъ блѣднѣй, въ комъ чуть бываетъ зримымъ,  
А въ комъ и все лице — родимое пятно!

---

## ССІХ.

## ЗАВѢЩАНІЕ АМУРА.

(Изъ Жун).

Изъ роцъ Паѳосскихъ въ добрый часъ  
 Вулканъ похитилъ Діонею,  
 И Нимфу плѣнницей своею  
 Онъ въ кузницахъ тайлъ отъ глазъ.  
 Насильству ждаты-ли соучастья?  
 Любимой Нимфой или нѣтъ,  
 Вулканъ сорвалъ восторги счастья!  
 И *Гименей* увидѣлъ свѣтъ.  
 Амуръ узналъ о томъ: о горе!  
 По сердцу холодъ пробѣжалъ,  
 Померкла жизнь въ туманномъ взорѣ,  
 Румянецъ пышный щекъ увялъ,  
 И сномъ отяготѣли вѣжды;  
 Венера плачетъ! „Нѣтъ надежды,  
 О, неба гнѣвнаго законъ!  
 Мой сынъ умретъ, осиротѣю;  
 Предузную тоской моею,  
 Не уживется съ братомъ онъ!“  
 Когда Амуръ здоровъ бываетъ,  
 Ему нѣтъ *завтра* въ словарѣ;  
 Но на болѣзненномъ одрѣ  
 О будущемъ онъ помышляетъ.  
 Страдальцемъ призванный, предъ нимъ



Цитерскій мавлеръ. Что за чудо!  
 Амуру знать и въправду худо?  
 Мирится онъ съ врагомъ своимъ!  
 Свидѣтелей прислушать проситъ,  
 И съ ложа онъ, привставъ едва,  
 Перерываясь, произноситъ  
 Послѣднія свои слова:

„Въ такой-то день, въ такомъ-то годѣ,  
 Такой-то міра гражданинъ  
 (Лѣта, достоинство и чинъ)  
 И первый, и послѣдній въ родѣ,  
 Передъ лицомъ градскихъ старшинъ,  
 На ложѣ смерти завѣщаю:  
 Въ душсприващивки по мнѣ  
 Я Сладострастье назначаю;  
 Добромъ недвижимымъ вполнѣ  
 Въ даръ Вѣрности располагаю,  
 Веселью—волыбель свою;  
 Крылѣ—вертушкѣ Наслажденью,  
 Свой пламенный—Враждѣ и Мщенью,  
 Казну—Надеждѣ отдаю,  
 Невинности стрѣлъ мѣткихъ вязку,  
 А Правосудію—повязку!  
 Еще я объ одномъ молю:  
 Пусть тайна по моей кончинѣ  
 Сокроетъ въ сумрачной пустынѣ  
 Меня отъ любопытныхъ глазъ,  
 Безъ шума друга похоронить,  
 И мрачный сводъ вѣтвей наклонить  
 На одинокій мавзолей,  
 И надъ смиренною доскою  
 Означить надписью простою,  
 Кто тутъ почилъ во цвѣтѣ дней:  
 „Лежитъ здѣсь смертныхъ бичъ и радость,  
 Ихъ царь, иль рабъ, тиранъ, дитя,  
 Надежда, ужасъ, богъ, змія,

Отрава жизни, жизни сладость,  
Добро, бѣда. Все-ничего!  
Здѣсь спитъ Амуръ—и жизньъ всего  
Подъ камнемъ вмѣстѣ съ нимъ почилъ!  
Сказалъ,—и замеръ гласъ въ устахъ,  
Помереть лучъ яркаго свѣтила,  
Мракъ на землѣ и въ небесахъ!  
Въ Цитерѣ раздались рыданья,  
И смертныхъ слезы и стенанья  
Дѣлили боги на пирахъ.  
И наконецъ, взоръ кинувъ нѣжной,  
На мать, въ печали безнадежной  
Клянущую рожденья часъ,  
Амуръ вздохнулъ въ послѣдній разъ,  
Въ убійствѣ брата обвиняя...  
Во мракъ запущеннаго края,  
Гдѣ незнакомъ весны восходъ,  
Гдѣ соснѣ печальныхъ тѣнь густая  
Подъ сводомъ неба стелеть сводъ,  
Лучами солнца позабытый;  
На берегъ дивій и омытый  
Всегда студеною волной,  
Гробъ милый вынесли украдкой,  
И подъ древесною палаткой,  
Какъ онъ желалъ въ часъ смертный свой,  
Сокрыть покойникъ молодой.  
Туть Игры, Граціи въ печали,  
Сорвавъ вѣнки съ красивыхъ челъ,  
Рыданьемъ огласили долъ,  
Денницы пятой ожидали.  
Она вошла—заря чудесъ!  
Пустыни голой мракъ исчезъ;  
Очаровательной картиной  
Одѣлись дикія мѣста,  
Лазури чистой красота  
Свѣтлѣетъ ярко надъ долиной,

Гдѣ Флоры разцвѣла семья:  
Гордится стройная лилея,  
И роза свѣжая, краснѣя,  
Внимаетъ пѣснямъ соловья.  
Вдругъ ожилъ лѣсъ и мертвый камень:  
Все дышетъ жизнью, все цвѣтеть,  
И въ самомъ нѣдрѣ хладныхъ водъ  
Струится благотворный пламень.  
И вскорѣ чудо въ сихъ мѣстахъ  
Еще свершается другое:  
Надъ скромнымъ камнемъ, гдѣ въ покоѣ  
Амура почиваетъ прахъ,  
Зеленый миртъ раскинулъ тѣни,  
Въ его уединенной сѣни,  
Гдѣ дышетъ тайная мечта,  
Младыхъ любовниковъ чета,  
О страсти робкой и взаимной,  
Съ простосердечностью невинной,  
Разговорились въ первый разъ!  
Восторги перваго признанья!  
Задатокъ счастья, цвѣтъ желанья,  
Они уразумѣли васъ,  
И новый міръ очарованья  
Разцвѣлъ для ихъ прозрѣвшихъ глазъ,  
И вдругъ... изъ тайнаго молчанья  
Возникъ невыразимый стонъ.  
Кто не узнаетъ? Это онъ!  
Амуръ, Амуръ красой богатый,  
Изъ гроба хладнаго воскресъ!  
Такъ, умирая, гость пернатый,  
Кѣмъ славенъ Аравійскій лѣсъ,  
Въ дыму благоуханномъ тлѣетъ  
И, какъ на свѣтломъ алтарѣ,  
Вновь юной жизнью пламенѣетъ  
На воскресительномъ кострѣ.

ССХ.

ГРАФИНЪ \*\*\*.

(На смерть ея родителя).

И ты познала пробужденье  
Отъ обольстительнаго сна,  
И свѣтлыхъ призраковъ затмѣнье,  
Непостоянныхъ какъ луна.

Прельщенная очарованьемъ,  
Ты, счастья легковѣрный другъ,  
На жизнь смотрѣла съ упованьемъ,  
Какъ на всегда цвѣтущій лугъ;

Но жребій рано или поздно  
Вилетаетъ тернія въ цвѣты,  
И нашъ наставникъ, опытъ, грозно  
Насъ отучаетъ отъ мечты.

Когда, утратою сердечной,  
Внезапно опустѣетъ свѣтъ,  
И смерть, въ душѣ еще безпечной,  
Напечатлѣетъ хладный слѣдъ;

Когда средь свѣтлыхъ сновидѣній,  
Изъ коихъ жизни цѣнь вилась,  
Смерть, пробужденья строгій геній,  
Ихъ рушить временную связь:

Тогда, очнувшись, проникаемъ  
Мы въ ужасъ тайны роковой  
И съ міра басней ниспадаемъ  
На почву истины нагой.

Такъ среди сна безмолвной ночи,  
Когда раздастся чудный шумъ,  
Мравъ жадно вопрошаютъ очи  
И цѣпенѣтъ робкій умъ;

Страхъ тайный сердцемъ овладѣтъ —  
На мигъ забудешься-ли ты?  
Но смутный сонъ ужъ не навѣтъ  
Игривыхъ призраковъ мечты.

Такъ и съ тобой мечты разстались,  
Жизнь обнажилась на землѣ,  
И съ кипарисомъ сочетались  
Младья розы на челѣ.

И цвѣтъ, и радость срочны оба!  
Непостоянство имъ законъ;  
А кипарисъ насъ ждетъ у гроба  
И неизмѣненъ намъ, какъ онъ.

Усталымъ отъ земныхъ обмановъ  
Даетъ онъ дружескую сѣнь;  
Вдали — надъ нимъ покровъ тумановъ,  
Вблизи — надъ нимъ свѣтлѣтъ день!

Пусть цѣль таится сокровенно  
Отъ слабыхъ глазъ мірскихъ невѣждъ;

Жизнь есть предчувствіе священо,  
Смерть—разрѣшеніе надеждъ.

Скажи, съ довѣріемъ сердечнымъ  
Въ міръ новый отпуская тѣнь,  
Что жизнь и смерть предъ солнцемъ вѣчнымъ  
Въ одинъ сольются свѣтлый день!

Такъ вѣришь ты: къ чему-же трепеть?  
Страхъ тайны чувствомъ разрѣши.—  
Ахъ! что разсудка гордый лепеть  
Предъ убѣжденіемъ души.

---

## ССХІ.

## ПИШИ ПРОПАЛО.

Съ надежды часто взяты гладки,  
 Нельзя ея посуловъ счесть,  
 А какъ придется на остатки  
 Тебѣ концы съ концами свести:  
 Обманщицъ — будто не бывало,  
 И въ свой приходъ пиши пропало!

„Какъ счастливъ я! „дождешься мѣста“  
 „Сказалъ мнѣ князь наединѣ,  
 „По гробъ любить влялась невеста,  
 „Должникъ заплатитъ завтра мнѣ...  
 „Ты вѣришь? — вѣрилъ я, бывало,  
 „Но мой приѣвъ: пиши пропало!

„Мою дадутъ сегодня драму,  
 „Ужъ слышу громкое „браво!“  
 „Соперникамъ я вырылъ яму,  
 „И съ похвалою торжество  
 „Меня въ храмъ славы записало!  
 Партеръ свиститъ — пиши пропало!

Съ метрическою ссорясь книгой,  
Сочтя годовъ десятковъ шесть,  
Мелина! хочешь ты подъ иго  
Народъ любовниковъ подвести.  
Уймись! и зеркало сказало —  
Тебѣ давно: пиши пропало!

„Невѣрная мнѣ измѣнила,  
„Нельзя мнѣ грусти пережить;  
„Но дай бумаги и чернила.  
„Отъ словъ укорныхъ, можетъ-быть,  
„Въ ней совѣсти проснется жало?  
Пиши, пиши, пиши пропало!

Немногимъ жизнь плоды приносить,  
Не всякъ-бы могъ сказать: живу!  
И время дни много косить,  
Какъ непотребную траву.  
Какъ смерть опустить покрывало,  
Болтунъ! скажи: пиши пропало!



## ССХІІ.

## Э П И Г Р А М М Ы.

## 1.

Ошибку у меня поймавъ, тотчасъ съ улыбкой  
Спѣшите вы о ней трубить въ трубы молвы;  
Согласенъ! я пишу съ ошибками... Но вы,  
Вы врядь не пишете-ль ошибкой.

## 2.

Какого общества быть можетъ живописцемъ  
Нашъ тротуарный Адиссонъ?  
Въ хорошее не проливаетъ онъ,  
Въ дурномъ—онъ будетъ вдругъ и судіей и истцемъ.

## ССХІІІ.

ГРАФИНЯМЪ С. И. и С. И. ЧЕРНЫШЕВЫМЪ,  
ВЪ ПРОЪЗДЪ ИХЪ ЧЕРЕЗЪ МОСКВУ.

---

Зачѣмъ вы ѣдете отъ насъ,  
Или зачѣмъ насъ посѣтили?  
Непрочность радости, мелькнувшей намъ на часъ,  
Мы сожалѣньемъ заплатили!

Зачѣмъ хотите намъ вы подтвердить урокъ,  
Который и безъ васъ намъ мудрость натвердила,  
Что наслажденіе нигдѣ не старожило,  
И что прекрасное дается здѣсь на срокъ!

Вы увлекательны, какъ счастья образъ милый,  
Какъ первая любовь неопытной души;  
Какъ радость ясны вы, какъ младость хороши,  
Зачѣмъ же, какъ они, вы также легковрылы?

Невѣдѣньемъ о прелестяхъ своихъ,  
Любезностью, непринужденъемъ,  
Вы служите счастливымъ исключеньемъ  
Въ кругу соперницъ молодыхъ.

Ахъ! будьте исключеньемъ дивнымъ.  
И въ мірѣ нравственномъ на зло самимъ судьбамъ  
Заставьте вѣрить насъ отрадамъ непрерывнымъ,  
И постоянство благъ вы оправдайте намъ!

Не дайте знать печаль разлуки,  
И, оставаясь здѣсь, докажете собой,  
Что радость милая, которой вы порука,  
Не перелетный гость въ обители земной.

---

## ССХІV.

## ТОГО-СЕГО.

Того-сего плѣнительную смѣсь  
 Всегда люблю, вездѣ желаю!  
 Однообразіемъ скучаю,  
 И за столомъ прошу, и здѣсь  
 Того-сего.

Старикъ Вольтеръ даръ угождать имѣлъ  
 Царямъ, философамъ, повѣсамъ,  
 Онъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ,  
 И встати подносить умѣлъ  
 Того-сего.

Фирсъ жилъ въ гостяхъ; теперь домкомъ живетъ.  
 Фирсъ вѣрно получилъ наслѣдство?  
 Нѣтъ! онъ нашель вѣрнѣе средство:  
 Въ судѣ устроился на счетъ  
 Того-сего.

Куда какъ пусть Лужницкаго журналъ!  
 Какой онъ тощій и тяжелой,  
 Ни то, ни се въ тетради цѣлой,

Хотя онъ въ ней и обобралъ  
Того-сего.

Смотрите льстецъ въ сѣняхъ у баръ большихъ,  
Вертится онъ, какъ флюгеръ гибкой,  
Торгуетъ вздохами, улыбкой,  
Всегда придерживать лихъ  
Того-сего.

И самъ Зевесъ, давъ волю процвѣтать  
Злымъ, добрымъ, хмѣлю и крапивѣ,  
Хотѣлъ, чтобъ на житейской нивѣ  
Пришлось намъ понспытать  
Того-сего.

---

## ССХV.

## МЛАДОЙ ПѢВЕЦЪ.

Видали-ль вы, какъ на закатѣ дня  
Младой пѣвецъ всходилъ на холмъ уныло,  
Какъ провожалъ онъ взорами свѣтило,  
Когда въ волнахъ румянаго огня  
Оно лучомъ прощальнымъ золотило  
Вечернихъ облаковъ края?

Слышали-ль вы пѣвца печальный стихъ,  
Когда онъ пѣлъ надеждъ своихъ утрату,  
Измѣну пѣлъ, любви коварной плату  
За жертву ей всѣхъ радостей земныхъ,  
Какъ примѣнялъ вечернему закату  
Завать онъ раннихъ дней своихъ?

Тоска его прозрѣла близкій часъ,  
Ужъ нѣтъ пѣвца на холмѣ одинокомъ,  
И замерла вчера во снѣ глубокомъ  
Пѣснь юноши, какъ лебединый гласъ!  
Младой пѣвецъ, сраженный гнѣвнымъ рокомъ,  
Съ зарей вечернею погасъ!

## ССХVІ.

## НЕДОВОЛЬНЫЙ

(СЪ ФРАНЦУЗСКАГО).

Какихъ намъ благъ просить отъ Бога?  
Фортуны? — Слишкомъ быстронога,  
Едва придетъ и пропадетъ!  
Чиновъ? — За ними рой заботъ!  
Высокихъ титуловъ? — Тщетны звуки!  
Богатства? — Не запасъ отъ скуки.  
Съ мѣшками будешь самъ мѣшовъ!  
Великодушія? — Порокъ  
Воюетъ съ нимъ открытой бранью!  
Похвалъ? — Глупцамъ бываютъ данью!  
Достоинствъ? — Зависти змѣя  
Вопьется яростно въ тебя!  
Познаній? — Въ кладезѣ глубокомъ  
Невѣрнымъ и туманнымъ окомъ  
Не сыщешь дна, не видишь зги!  
Любви? — Не уживешься съ нею!  
Жены? — Попытка въ лотерею!  
Друзей? — Опасные враги!  
Вина? — Но грустно протрезвиться!  
Роскошныхъ яствъ? — Въ аптекахъ рыться!

Горячей крови? — Разожжетъ!  
Холодновровья? — Будетъ ледъ!  
Ума? — Вожатый ненадежный,  
Болтунъ подчасъ неосторожный!  
Союза мудрости? — Она  
Безъ зва подъ старость посѣщаетъ,  
Когда намъ болѣ не нужна,  
И каждый мудрецомъ бываетъ.  
Съ убыткомъ счастья пополамъ!  
Покоя? — И въ монастырямъ  
Ему заложена дорога!  
Кавихъ же благъ просить отъ Бога?

---



## ССХVII.

КЪ КНЯЖНЪ \*\*\*,

при послыкѣ ей моихъ пѣсень.

За пару строчекъ мѣрныхъ словъ,  
Тяжелой почтою стиховъ  
Отправленныхъ на упокой въ журналы,  
Поэты ремесломъ, лжецы и самохвалы,  
Твердятъ вездѣ, что имъ знакомъ языкъ боговъ!  
Такую честь себѣ присвоить не посмѣю,  
Но, строго заповѣдь смиренія храня,  
Отъ тайной гордости сбережся не умѣю,  
Когда вы просите рюмъ скучныхъ отъ меня!  
Искусства звучнаго могуществомъ прекраснымъ  
И голосомъ своимъ, всегда душѣ подвластнымъ,  
Всегда владѣющихъ душой,  
Преобразите вы ничтожный лепетъ мой  
Въ языкъ возвышенный, въ языкъ любви прелестной.  
Вливая чувства жаръ въ перерожденный стихъ,  
Похитите съ земли, изъ-за границы тѣсной,  
Въ мѣръ лучшей, въ стройный мѣръ гармоніи небесной,  
И пѣсни слабыя и слушателей ихъ!

Такъ! если вашимъ я вниманьемъ удостоенъ  
И призрѣли мой даръ подъ вѣрный свой покровъ,  
То радъ и я признать божественность стиховъ,—  
И можетъ ли языкъ, что вами былъ присвоенъ,  
Не быть языкъ боговъ?

---

## СОХVІІІ.

## ЧЕРТА МѢСТНОСТИ.

Прочестъ ли вамъ любовное посланье?  
 „Радъ слушать васъ!“ — Прошу совѣтовъ я!  
 Домъ, *идь сидитъ владычица моя!*  
 „Позвольте мнѣ вамъ сдѣлать замѣчанье:  
 Я бъ не сказалъ — *сидитъ*, да ужъ и *домъ*,  
 Мнѣ кажется, не ладитъ со стихомъ.  
 Не лучше ли: *живетъ* иль *обитаетъ*,  
 И *домъ* смѣнить на *храмъ*, или *чертогъ*?  
 Любовь во храмъ и хату претворяетъ,  
 Къ тому жъ въ стихамъ идетъ высокій слогъ!“  
 Такъ, спѣсь и мнѣ нарѣчья музъ знакома;  
 Но здѣсь въ стихѣ есть мѣстная черта:  
 Несчастная, младая красота  
 Сидитъ въ стѣнахъ смиренного дома!

## СОХІХ.

## ПРОСТОСЕРДЕЧНЫЙ ОТВѢТЪ.

Съ подагрою въ груди супругъ съдой,  
Предчувствуя ужъ запахъ близкій ели,  
Въ послѣдній часъ, на роковой постели,  
Прощаясь съ молоденькой женой,  
Ей говорилъ съвозъ кашель и съвозъ слезы:  
Вдовой тебя оставить больно мнѣ!  
Но, ахъ! еще мучительнѣй вдвойнѣ  
Мнѣ страхъ, что годъ пройдетъ и снова розы,  
Моимъ въ гробу ругаясь крѣпкимъ сномъ,  
Блеснутъ тебѣ предъ брачнымъ алтаремъ...  
Другой супругъ... за гробомъ ревность мучить.  
Ты молода... вдовѣть тебѣ соскучить...  
— „Охъ, нѣтъ! жена въ отвѣтъ ему: клянусь,  
Голубчикъ мой, что твой повлечъ обиденъ!  
Дай овдовѣть: вдовства я не боюсь,  
Мнѣ жребій вдовъ былъ всегда завиденъ!“

ССХХ.

## КЪ ДВОЮРОДНОЙ СЕСТРѢ.

Двоюродной сестрѢ писать мнѣ трудъ напрасный,  
 Что ни скажу я ей, все будетъ не въ попадѣ;  
 Не будь ты такъ мила, я пѣть тебя бы радъ,  
 Но не велить писать разсудокъ мнѣ прекрасной  
 Двоюродной сестрѢ.

Двоюродной сказать: люблю! я не дерзаю.  
 А видя разѣ тебя, кто можетъ не любить?  
 Сказавъ: люблю! родство боюсь я оскорбить,  
 А не сказавъ, любовь мою я оскорбляю  
 Къ двоюродной сестрѢ.

Нѣтъ! нѣтъ! уволь меня, промолвиться опасно  
 И беззаконникомъ поэта назовутъ;  
 Другіе пусть тебя и любятъ и поютъ,  
 А жребій мой молчать и думать о прекрасной  
 Двоюродной сестрѢ.

## ССХХІ.

## КЪ ЖУРНАЛЬНЫМЪ БЛИЗНЕЦАМЪ

(М. А. Дмитриеву и А. И. Писареву).

---

Цыпъ! цыпъ! сердитыя малютки!  
 Вамъ злиться право не подь стать,  
 Скажите: стоило-ль изъ шутки  
 Вамъ страшный пискъ такой поднять?  
 Напрасна вашихъ силъ утрата!  
 И такъ со смѣхомъ всѣ глядятъ,  
 Какъ раздраженные цыплята  
 Распѣтушились не въ попадъ!

---

## СОХХІІ.

## Д В Ъ Л У Н Ы

(застольная пѣсня).

---

Посмотрите, какъ полна  
 Златоливая луна!  
 Словно чаша круговая  
 Посреди ночныхъ огней,  
 Словно сватерть голубая,  
 Растилается подь ней.

Посмотрите какъ свѣтла  
Чаша чистаго стекла!  
Златомъ гроздїй благовонныхъ  
Какъ сіяетъ намъ она,  
Полуночниковъ безсонныхъ  
Незакатная луна!  
Хороша небесъ луна—  
Но надежна-ли она?  
Нѣтъ, въ красотѣ вѣроломной  
Постоянства не найти:  
То сидитъ за тучкой темной,  
То убудетъ—и прости!  
А застольная луна  
Постоянно намъ вѣрна,  
Все по мѣрѣ жажды краше  
Съ погребовъ встаетъ она:  
Застраховано намъ въ чашѣ  
Полнолуніе вина.  
Про небесную луну  
Я и то упомяну:  
На нее глаза таращишь  
Да и только! какъ тутъ быть  
Но съ небесъ ее не стащишь  
И зубами не схватить.  
А ручная-то луна  
Словно нѣжная жена!  
Такъ и льнетъ къ губамъ любовно,  
Какъ домашняя, своя!  
Въ душу такъ и льется ровно  
Закадышная струя!

---

## ССХХІІІ.

## ЭПИГРАММЫ И ЗАМѢТКИ.

## 1.

Чтобъ васъ оставить васъ я вижу—  
 Злой духъ-ли мнѣ вредить иль ангелъ мнѣ щитомъ  
 Не знаю я! Судьбу въ волненіи своемъ  
 Благодарю и ненавижу.

## 2.

Тебѣ одной, тебѣ быть Антигоной можно,  
 Путеводителемъ несчастнаго отца!  
 Мы видѣли не разъ, какъ осторожно  
 Водила за носъ ты крылатаго слѣпца.

## 3.

Предъ хоромъ ангеловъ семья святая  
 Поетъ небесну благодать,  
 А здѣсь семья земная  
 По дудкѣ насъ своей заставитъ всѣхъ плясать.





1826 г.



ЗАПРЕТНАЯ РОЗА.  

---

Прелестный цвѣтъ, душистый, ненаглядный,  
Московскихъ розъ царица и краса!  
Вотще тебя свѣжитъ зефиръ прохладный,  
Заря златитъ и серебрить роса.  
Судьбою злой гонимая жестоко,  
Свой красный день ты тратишь одиноко.  
Ты про себя таишь дары свои:  
Румянецъ свой, и медь и запахъ сладкой  
И съ завистью пчела любви, украдкой,  
Глядитъ на цвѣтъ, запретный для любви.  
Тебя, цвѣтокъ, коварствомъ безкорыстнымъ  
Похитилъ шмель, пчелѣ и розѣ врагъ;  
Онъ оскорбилъ лобзаньемъ ненавистнымъ,  
Онъ погубилъ весну надеждъ и благъ.  
Счастливъ, кто, снявъ съ цвѣтка запретъ враждебный  
И возвративъ ее пчелѣ любви,  
Ей скажетъ: цвѣтъ прелестный! цвѣтъ волшебный!  
Познай весну и къ счастью оживи!

---

## ССХХV.

## КОЛЯСКА.

(Отрывокъ изъ путешествія, въ стихахъ).

*Вместо предисловія.*

---

Томясь житьемъ однообразнымъ,  
Люблю свой страннической домъ;  
Люблю быть дѣятельно-празднымъ  
Въ уединенія кочевомъ.  
Люблю, готовъ сознаться въ томъ —  
Ярмо привычекъ свергнувъ съ выи,  
Бидаться въ новыя стихіи  
И обновляться существомъ.  
Боюсь примерзнуть сиднемъ въ мѣсту  
И, волю осязать любя,  
Пытаюсь убѣждать себя,  
Что я не подлежу аресту.  
Прости, шлагбаумъ городской,  
И городъ, гдѣ всегда на стражѣ  
Заботъ безсмѣнныхъ пестрый строй,  
А жизнь безцвѣтная все та же;  
Гдѣ бредать, судять, мыслять даже  
Всегда по таксѣ цеховой.  
Прости, блестящая столица!

Великолѣпная темница,  
Великолѣпный желтый домъ,  
Гдѣ сумасброды съ бритымъ лбомъ,  
Гдѣ плѣнники слѣпыхъ дурачествъ,  
Различныхъ званій, лѣтъ и качествъ,  
Кряхтятъ и пляшутъ подъ ярмомъ.  
Не разъ мнѣ съ дѣла и съ бездѣлья,  
Не разъ съ унынья и съ веселья,  
Съ излишества добра и зла,  
Съ тоски столичнаго похмѣлья,  
О четырехъ колесахъ велья  
Душеспасительна была.  
Хоть тѣлу мало въ ней простору,  
Но духомъ на просторѣ я:  
И недоступные обзору  
Изъ глазъ бѣгущіе края,  
И вольный міръ воздушной степи,  
Свободный путь свободныхъ птицъ,  
Которымъ чужды наши цѣпи;  
Рѣкой, безъ русла, безъ границъ,  
Какъ волны льющіяся тучи;  
Здѣсь лѣсъ обширный и дремучій,  
Тамъ море жатвы золотой;  
Все тѣшитъ глазъ разнообразно  
Картиной стройной и живой,  
И мысль свободно и развязно,  
Сама, какъ птица на лету,  
Паритъ, кружится и ныряетъ  
И мимолетомъ обнимаетъ  
И даль, и глубь, и высоту.  
И все, что на душѣ подъ спудомъ  
Дремало въ непробудномъ снѣ,  
На свѣжемъ воздухѣ, какъ чудомъ,  
Все быстро ожило во мнѣ.  
Несется легкая коляска,  
И съ ней легко несется умъ,

И вереницу свѣтлыхъ думъ  
Мчитъ фантастическая пляска.  
То по открытому листу,  
За подписью воображенья,  
Переносусь съ мечты въ мечту;  
То на почлегѣ размышленья  
Съ собой рассчитываюсь я:  
Въ расходной книжкѣ бытія,  
Я убыль съ прибылью сличаю;  
Итогъ со страхомъ повѣряю  
И контролирую себя.  
Такъ! отъѣзжать люблю порою,  
Чтобъ въ самого себя войти  
И говорю другимъ: прости!  
Чтобъ поздороваться съ собою.  
Не понимаю, какъ иной  
Живетъ и мыслить въ то же время,  
То-есть живетъ, какъ наше племя  
Живетъ — подъ вихремъ и грозой.  
Мнѣ-такъ не въ мочь двойное бремя:  
Когда живу, то ужъ живу,  
Такъ что и мысли не промыслить.  
Когда же вздумается мыслить,  
То умираю на яву.  
Теперь я мертвъ, и слава Богу!  
Таюсь въ вочующемъ гробу,  
И муза грѣшному рабу  
Приулыбнулась на дорогу.  
Глупцы! не миновать ужъ вамъ  
Моихъ дорожныхъ эниграммъ!  
Сатиры бичъ въ дорогѣ встати:  
Имъ васъ огрѣю по ушамъ,  
Опричники журнальной рати,  
Съ мечемъ гусинымъ по бовамъ.  
Писать мнѣ часто нѣтъ охоты,  
Писать мнѣ часто недосугъ:

Умъ вянетъ отъ ручной работы,  
 Вмѣняя трудъ себѣ въ недугъ;  
 Чернильница, бумага, перья,  
 Все это смотритъ ремесломъ;  
 Сидишь за письменнымъ столомъ  
 Живымъ подобьемъ подмастерья  
 За цеховымъ его станкомъ.  
 Я не терплю ни въ чемъ обузы  
 И многіе мои стихи, —  
 Какъ быть? дорожные грѣхи  
 Праздношатающейся музы.  
 Равно движеніе нужно намъ,  
 Чтобы расторгнуть лѣни узы:  
 Люблю по нивамъ, по горамъ  
 За тридевять земель, какъ въ сказкѣ,  
 Летать за музой по слѣдамъ  
 Въ стихоподатливой коляскѣ;  
 Земли не слышу подъ собой  
 И только на толчкѣ, иль въ ямѣ,  
 Или на рѣмѣ поупрямѣй  
 Опомнится ѣздокъ земной.

Друзья! посудите вы строже  
 О неосѣдлости моей:  
 Любить разлуку точно тоже,  
 Что не любить своихъ друзей.  
 Есть призракъ правды въ сей посллкѣ:  
 Но васъ ли бѣгаю, друзья,  
 Когда по добровольной ссылкѣ  
 Въ коляскѣ постригаюсь я?  
 Кто лямку тянетъ въ свѣтской службѣ,  
 Кому та лямка дорога,  
 Тотъ и себѣ уже и дружбѣ  
 Плохой товарищъ и слуга.  
 То пустослова слушай сказки,  
 То на смѣхъ сердцу и уму  
 Самъ дань плати притворной ласки

Богъ вѣсть кому, Богъ вѣсть въ чему;  
Всю жизнь окрась въ чужія краски,  
И какъ ни душно, а съ лица  
Сначала пытки до конца  
Ты не снимай обрядной маски;  
Учись, какъ труженикъ иной,  
Безмолвнѣй строгаго траписта,  
Съ володой вѣчныхъ картъ въ рукахъ  
Донгрываетъ робертъ виста  
И робертъ жизни на крестахъ;  
Какъ тотъ въ бумагахъ утопаетъ,  
И Геркулесъ на пустяки,  
Слоновъ сквозь пальцы пропускаетъ  
А на букашекъ напираетъ  
Всей силой воли и руки.  
Приписанный къ приличьямъ въ крѣпость,  
Ты за нелѣпостью нелѣпость  
Вторь, слушай, дѣлай и читай,  
И свѣтской барщины неволю  
По отмежеванному полю  
Безпрекословно исправляй.  
Гдѣ-жъ тутъ за общимъ недосугомъ  
Есть время быть съ собой, иль съ другомъ,  
Знакомый пѣсню намъ пострѣль  
Смѣшнымъ отказомъ гнать умѣль  
Займодавецъ изъ прихожей;  
Подъ стать и намъ его отвѣтъ,  
И для самихъ себя насъ тоже,  
Какъ ни спросись, а дома нѣтъ!  
По мнѣ ошибкой моралисты  
Твердятъ, что люди эгоисты.  
Гдѣ эгоизмъ? кто полный я?  
Кто не въ долгу предъ этимъ словомъ?  
Нѣтъ, я глядитъ въ изданьи новомъ  
Анахронизмомъ словаря.  
Держася круговой поруки,



Среди *житейской* вутерьмы,  
 Забавъ, досадъ, вражды и скуки  
 Взаимно владчиками мы,  
 Мы, выживъ я изъ челоуѣка,  
 Есть слово нынѣшняго вѣва;  
 Всѣ мы, да мы; наперечетъ  
 Всѣ на толкучемъ рынкѣ свѣта  
 Судьбой отсчитанныя лѣта  
 Горопимся прожить въ народъ.  
 Какъ будто стыдно поскупиться  
 И днемъ единымъ поживиться  
 Изъ жизни, отданной въ расходъ.  
 Все для толпы — и вѣчно жадной  
 Толпою все поглощено.  
 Силъ нашихъ хищникъ беспощадной  
 Уносить насъ волною хладной  
 Иль топить безъ вѣсти на дно:  
 Дробь мелкой дроби въ общей смѣтѣ  
 Вся жизнь, затерянная въ свѣтѣ,  
 Какъ бурей загнанный ручей  
 Въ сѣдую глубь морскихъ зыбей,  
 Кипитъ, тѣснится, въ сшибкахъ стонетъ,  
 Но, не прорѣзавъ ни слѣда,  
 Въ пучинѣ водъ глубокихъ тонетъ  
 И пропадаетъ навсегда.  
 Но между тѣмъ какъ стихотворный  
 Свакунъ, заносчивый подъ часъ,  
 Мой избалованный Пегасъ,  
 Уздѣ строптиво-неповорный,  
 Гулялъ, разсудка не спросясь,  
 И по проселкамъ своевольно  
 Бѣсился подо мной довольно,  
*Прекраснымъ всадникомъ гордясь:*  
 Пегаса сродниви земные,  
 Пегасы просто почтовые  
 Меня до почты довели.

Да чуть и мнѣ ужъ не пора ли  
Свернуть изъ баснословной дали  
На почву прозы и земли!  
Друзья! боюсь, чтобъ бѣгъ мой дальшой  
Не утомилъ васъ, если вы,  
Простя мнѣ пылъ первоначальной,  
Дойдете до конца главы  
Полу-пустой, полу-моральной,  
Полу-смѣшной, полу-печальной,  
Которой бѣдный Йорикъ вашъ  
Открылъ журналъ сентиментальной,  
Куда заносить дурь и блажь  
Своей отваги повиральной.  
Всѣ скажутъ: съ нимъ двойной подрывъ,  
И съ нимъ что далѣе, то хуже;  
Поэтъ болтливый, онъ въ тому же  
Какъ путешественникъ болтливъ!  
Нѣтъ, дайте срокъ: стиховъ разбѣга  
Не могъ сперва я одолѣть,  
Но общаюсь присмирѣть.  
Теперь до новаго ночлега  
Простите... *(продолженіе впереди)*.

---

## ССХХVI.

## ЭПИГРАММЫ.

## I.

Въ Клеонѣ видишь ты двуличнаго льстеца,  
 И говоришь: „Страшись податься на приманку!“  
 Гдѣ въ немъ двуличность? въ немъ и не найдешь лица,  
 А только съ пятнами изнанку!

## II.

## ХАРАКТЕРИСТИКА.

Не даромъ, мимо всѣхъ живыхъ и мертвецовъ,  
 Онъ Русскимъ гениемъ пожалованъ въ Парижѣ:  
 Отдѣлкой языка, сказать и я готовъ,  
 Онъ къ Сумарокову изъ всѣхъ новѣйшихъ ближе,  
 А творчествомъ, огнемъ и полнотою стиховъ  
 Онъ развѣ малымъ чѣмъ Херасова пониже.

## III.

## НАШИ ЛАРОШФУКО.

Въ журналахъ нашихъ всѣхъ мыслителей исчисли!  
 Въ журналахъ мѣста нѣтъ отъ мыслей записныхъ, —  
 Въ нихъ недостатка нѣтъ; но въ мысляхъ-то самихъ  
 Недостаетъ чего-то: „мысли!“

## ССХХVII.

## БАСНИ

(съ Польскаго изъ Красицкаго).

## 1.

## ВСТУПЛЕНИЕ КЪ БАСНЯМЪ.

Былъ юноша въ своихъ желаньяхъ скромный;  
 Былъ временщикъ, царя не льстецъ наемный;  
 Былъ счастья баловень, несчастныхъ опекунъ;  
 Поэтъ не сумасбродъ и воинъ не хвастунъ;  
 Былъ журналистъ, оцѣнщикъ безпристрастный;  
 Былъ судія, вліяньямъ не подвластный;  
 Былъ вѣрный мужъ; старикъ, не спорщикъ, не брюзга;  
 Министръ — народныхъ правъ не баринъ, а слуга;  
 Писатель былъ, сопернику пріятель;  
 Былъ другъ, друзей въ несчастьи не предатель.  
 Гдѣ-жъ басня тутъ? Все то бываетъ на-яву. —  
 Пусть такъ; но басню я однакожъ назову.

## 2.

Орелъ на воробья, сидящаго на кровлѣ,  
 Отправилъ ястреба, гнушаясь мелкой ловлей.  
 Спѣшитъ орлу ловецъ поворный дань поднести.

Иной чѣмъ больше ѣсть, тѣмъ больше хочетъ ѣсть:  
Орель знать, этого придерживаясь слова,  
Съ начала птицу съѣлъ, а послѣ птицелова.

## 3.

Смотря, какъ въ жаръ пастухъ быковъ на пойло велъ, —  
Что за душа! — вскричалъ разнѣженный осель —  
Какъ онъ ихъ бережетъ отъ зноя, какъ ихъ холить;  
Въ тебѣ знать, быкъ сказалъ, и смыслъ ослиный есть, —  
О насъ заботясь онъ, не намъ, себѣ мирволить:  
Онъ водить къ пойлу насъ, чтобъ послѣ въ бойню свести.

## 4.

Пастухъ стригъ шерсть съ овецъ и имъ твердилъ не разъ:  
Вы видите, друзья, какъ я тружусь для васъ;  
Быть въ пользу вамъ — мое любимое занятъе!  
Неблагодарные молчали. Наконецъ  
Одна сказала: Самъ воздай тебѣ Творецъ!  
Но изъ чего скажи сукно твое на платъѣ?

## 5.

Всѣмъ возрастамъ по злу отчель судьбины молотъ:  
Сынъ плакалъ, а отецъ вряхтѣлъ, —  
Сынъ воли, а отецъ здоровья не имѣлъ:  
Одинъ грустилъ, что старъ, другой грустилъ, что молодъ.

## 6.

Для табака ли носъ, или табакъ для носа?  
Заспорили до слезъ знать два молвососа.  
Табашный лавочникъ, свидѣтель жаркихъ вракъ,  
Назначенъ былъ отъ нихъ въ рѣшители вопроса.  
О чемъ и спорить тутъ? рѣшилъ нашъ думный дьякъ:  
Вѣстимо носъ на то, чтобъ нюхали табакъ.

## 7.

Осель завидовалъ — кому-бы ужъ? — барану.  
Чѣмъ хуже я его? придумать не могу.  
Мнѣ тяжкій трудъ: ему раздолье на лугу!  
Съ глупцомъ, прервалъ баранъ, я тратить словъ не стану,  
Но видишь-ли? Мясникъ съ ножомъ уже готовъ, —  
Доволенъ будь и тѣмъ, что не ѣдятъ ословъ.

---

## ССХХVІІІ.

О. С. ПУШКИНОЙ.

(ПАВЛИЩЕВОЙ).

Насъ случай свелъ; но не слѣпцомъ меня  
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой:  
Поэта другъ, сестра и геній милой,  
По сердцу ты и мнѣ давно родня.

Тавъ, въ памяти сердечной безъ заката  
Мечта о немъ горитъ теперь живѣй:  
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата,  
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

Удѣлъ его—блескъ славы вѣчнольстивой,  
Не часто намъ сіяющей изъ тучъ;  
И отъ нея ударитъ яркій лучъ  
На жребій твой въ безпечности счастливой.

Но для него ты благотворной будь:  
Свѣти ему звѣздою безмятежной,  
И въ бурной мглѣ отрадой, дружбой нѣжной  
Ты усладяй тоскующую грудь.

## ССХХІХ.

## АЛЬБОМЪ.

Альбомъ, какъ жизнь, противорѣчій смѣсь,  
 Смѣсь добраго, худаго, пустословья:  
 Здѣсь дружбы дань, тутъ свѣтскаго условья,  
 Тутъ жаръ любви, тамъ умничанья спѣсь.  
 Изящное въ немъ наряду съ ничтожнымъ,  
 Умъ съ глупостью, иль истинное съ ложнымъ:  
 Идей и чувствъ пестрѣтъ маскарадъ;  
 Все счетомъ, все въ обрѣзъ и по наряду;  
 Частехонько ни складу нѣтъ, ни ладу,  
 Здѣсь риѣмъ наборъ, а тамъ пустой обрядъ.  
 Какъ въ жизни, такъ не точно-ль и въ альбомѣ  
 Плоды души сжимаетъ свѣтскій ледъ,  
 Подъ свой аршинъ приличье всѣхъ гнететъ,  
 И на цѣпи, какъ узникъ въ желтомъ домѣ,  
 Котораго намъ видѣтъ смѣхъ и жаль,  
 Иль тотъ звѣровъ, что къ колесу привязанъ —  
 Въ одномъ кругу вертѣтся умъ обязанъ  
 И, двигаясь, не подвигаться въ даль?  
 Пусть отомститъ мнѣ пчелъ альбомныхъ жало,  
 Но я еще сравненье имъ принасъ:  
 Поэзіи и меда въ жизни мало,



А въ ихъ стихахъ и менѣе подъ часъ.  
Къ цвѣтнымъ листкамъ альбомовъ стихъ бодливый  
Радъ примѣнить пестрѣющіе дни:  
Есть свѣтлыя, какъ радуги отливы,  
Есть темныя, помервшіе въ тѣни!  
Какъ на вѣку день на день не придется  
И будни въ слѣдъ за праздникомъ; равно  
Въ альбомѣ тожь: здѣсь сердце улыбнется,  
А тамъ звѣнетъ съ разсудкомъ за одно.  
Иной листокъ для памяти сердечной  
Дороже намъ поэмы долговѣчной,  
И день иной намъ памятникъ, чѣмъ рядъ  
Безплодныхъ лѣтъ, что выдохлись, какъ чадъ.  
Счастливъ, кому, по милости фортуны,  
Отсчитанъ день для сердца вѣчноюныи!  
Счастливъ и тотъ, чей стихъ, любовь друзей,  
Какъ сердца звукъ на сердцахъ отзовется:  
Тотъ безъ молвы стотрубной обойдется  
И безъ прислугъ журнальныхъ трубачей!  
Боясь въ дверяхъ безсмертья душной давки,  
Я не стремлюсь на полки книжной лавки  
И счастья жду въ смиренномъ уголкѣ.  
Пусть гордый свѣтъ меня купаешь въ Летѣ,  
Лишь былъ бы я у дружбы на примѣтѣ  
И живъ у васъ на памятномъ листкѣ.

## СОХХХ.

НАРВСКІЙ ВОДОПАДЪ.  

---

Несись съ неукротимымъ гнѣвомъ,  
Мятежной влаги властелинъ!  
Надъ тишиной окрестной ревомъ  
Господствуй, бурный исполинъ!  
Жемчужною, кипящей лавой,  
За валомъ низвергая валъ,  
Сердитой, дикой, величавой  
Перебѣгай ступени скалъ!  
Дождь брызжетъ отъ упорной сшибки  
Волны, сразившейся съ волной,  
И влажный дымъ, какъ облакъ зыбкій,  
Вдали ихъ представляетъ бой.  
Все разъяреннѣй, все угрюмѣй  
Летишь, какъ геній непогодъ.  
Я мыслью погружаюсь въ шумъ  
Междоусобно-бурныхъ водъ.  
Но какъ вокругъ все безмятежно,  
И, утомленная тобой,  
Какъ чувства отдыхаютъ нѣжно,  
Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берегъ чуждъ смятенью,  
На немъ цвѣтетъ весны краса,  
И вмѣстѣ миру и волненью  
Свѣтлѣютъ тѣже небеса.  
Но ты, созданье тайной бури,  
Игралище глухой войны,  
Ты не зеркало ихъ лазури,  
Вотще блестящей съ вышины.  
Противорѣчїе природы,  
Подъ грознымъ знаменемъ тревогъ,  
Въ залогѣ вѣчной непогоды  
Ты бытія прїялъ залогъ.  
Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный  
Одинъ свирѣпствуешь въ глуши,  
Какъ вдоль пустыни вихорь знойный,  
Какъ страсть въ святилищѣ души.  
Какъ ты, внезапно разразится,  
Какъ ты, растеть она въ борьбѣ,  
Терзаетъ лоно, гдѣ родится,  
И поглощается въ себѣ.

---

## ССХХХІ

## СЕМЬ ПЯТНИЦЪ НА НЕДѢЛѢ.

„День черный — пятница“ кричитъ  
 Намъ суевѣръ, покорный страху,  
 И повѣряетъ жизни быть  
 По Брюсовскому альманаху.  
 Счастливицу каждый день хорошъ,  
 Но кто у счастья въ черномъ тѣлѣ  
 По неудачамъ тотъ и сплошь  
 Сочтетъ семь пятницъ на недѣлѣ.

„Ужъ былъ я въ пятницу дуракъ!“  
 Какъ будто въ пятницу? „какъ въ ящикъ,  
 Меня упрятали въ просакъ  
 Жена, пріятель и прикащикъ!“  
 Мой другъ, нейдетъ попытка въ счетъ;  
 Баръ многихъ вижу я отселѣ,  
 У воихъ дома круглый годъ  
 Твоихъ семь пятницъ на недѣлѣ.

„Женюсь! Нѣтъ, путь женатыхъ свользкъ.  
 Подамъ въ отставку! Нѣтъ, ни слова!  
 Въ Парижъ поѣду! Нѣтъ, въ Тобольскъ!  
 Прочту Сеневу! Нѣтъ, Графова!“

Такъ завсегда по колесу  
 Вертятся мысли въ пустомелѣ,  
 Вотъ, что зовется — на часу  
 Имѣть семь пятницъ на недѣлѣ.

Устроивъ флюгеръ изъ пера,  
 Иной такъ пишетъ, какъ подуетъ:  
 У тѣхъ, на коихъ вралъ вчера,  
 Сегодня ножви онъ цѣлуется.  
 Флюгаринъ иль Фигляринъ, тотъ  
 Набилъ ужъ руку въ этомъ дѣлѣ,  
 Онъ и семь совѣстей сочтетъ,  
 Да и семь пятницъ на недѣлѣ.

У должниковъ и знатныхъ баръ  
 Дню нынѣ завтра не намѣстникъ:  
 День завтра часто очень старъ,  
 И не упомнишь, чей ровесникъ;  
 Онъ день отмѣнный, и сравню  
 Его я съ первымъ днемъ въ апрѣлѣ:  
 Кто вѣритъ завтрашнему дню,  
 Тотъ знай семь пятницъ на недѣлѣ.

„Эрнестъ въ бреду: вдругъ слезы льетъ,  
 Вдругъ плашетъ, то клянеть, то молить,  
 То волоса съ себя деретъ,  
 То онъ ихъ въ кудри вьетъ и холить!“  
 Сей бредъ по имени зови,  
 Когда слыхалъ о хитромъ Лелѣ;  
 Эрнестъ влюбленъ, а у любви  
 Всегда семь пятницъ на недѣлѣ.

Семь пирамидъ, семь мудрецовъ  
 И семь чудесъ намъ древность славить,  
 Владыкѣ снилось семь коровъ,  
 Римъ семь холмовъ подошвой давитъ,  
 Семь городовъ входили въ споръ

О славной Грекамъ колыбелѣ,  
Да и вездѣ, какъ на подборѣ  
Семь пятницъ на одной недѣлѣ.

Пригнали въ пятницу меня  
Къ брегамъ попутныя желанья:  
Друзья, изъ буднишняго дня  
Будь праздникъ свѣтлаго свиданья!  
Играй вино на чистомъ днѣ,  
Какъ кровь играетъ въ юномъ тѣлѣ!  
О небо, ввѣкъ даруй ты мнѣ  
Такихъ семь пятницъ на недѣлѣ.

---

## ОСХХХІІ.

## КЪ МНИМОЙ СЧАСТЛИВИЦѢ.

Мнѣ грустно, на тебя смотря;  
Твоя не вѣрится мнѣ радость,  
И розами твоя увѣнчанная младость  
Есть дня холоднаго блестящая заря.  
Нѣтъ прозаическаго счастья  
Для поэтической души:  
Поэзіей любви дни наши хороши,  
А ты чужда ея святаго сладострастья.  
Нѣтъ, нѣтъ — онъ не любимъ тобой;  
Нѣтъ, ты любить его не можешь;  
Въ стихіи спорныя одно движеніе вложишь,  
Съ фальшивымъ вѣрнымъ звукъ сольешь въ согласный строй,  
Насильствомъ хитраго искусства  
Стѣсненная, творить природа чудеса,  
Но не позволять небеса,  
Чтобъ предрасудковъ власть уравнивала чувства.  
Сердцамъ избраннымъ данъ языкъ,  
Непосвященному невнятной, —  
Кто тайства его съ рожденья не проникъ,  
Тотъ не достигнетъ ихъ награды благодатной.

Гдѣ въ двухъ сердцахъ нѣтъ тайнаго сродства,  
 Повѣрья общаго, сочувствія, понятя;  
 Тамъ холодны любви права,  
 Тамъ холодны любви объятя!  
 Товарищи въ земномъ плѣну житейскихъ узъ,  
 Другъ другу чужды вы внѣ роковаго круга:  
 Не Промыслъ васъ берегъ и прочилъ другъ для друга,  
 Но свѣта произволь вамъ наложилъ союзъ.  
 Я знаю, ты не лицемѣришь  
 Какъ свѣжая роса, душа твоя свѣтла,  
 Но суетѣрная разсудку слѣпо вѣришь  
 И сердце на его поруку отдала.  
 Ты вѣришь, что, какъ честь, насильственнымъ обѣтомъ  
 И сердце вольное нетрудно обложить  
 И что ему подъ добровольнымъ гнетомъ  
 Долгъ можетъ счастье замѣнить!  
 О женщины, какой мудрецъ васъ разгадаетъ?  
 Въ васъ двѣ природы, въ васъ два спорятъ существа.  
 Въ васъ часто любить голова  
 И часто сердце разсуждаетъ.  
 Но силой ли души, иль слѣпотой почестъ,  
 Когда вы жизни сей, дарами столь убогой,  
 Надежды лучшія дерзаете принести  
 На жертвенникъ обязанности строгой?  
 Что къ отреченью васъ влечетъ? какая власть  
 Васъ счастья призракомъ дарить на плахѣ счастья?  
 Смиренья-ль чистаго возвышенная страсть,  
 Иль безмятежный сонъ холоднаго безстрастья?  
 Вы совершеннѣй-ли иль хладнокровнѣй насъ?  
 Вы жизни выше-ли, иль какъ въ избранный камень  
 Отъ Пигмаліоновой любви, равно и въ васъ,  
 Пролиться долженъ чистый пламень?  
 Иль, въ тяжбѣ съ обществомъ и съ силою въ борьбѣ,  
 Страшась испытывать игру превратныхъ долей,  
 Заранѣ ищете убѣжища себѣ  
 Въ благоразумьѣ и неволѣ?



Умѣренность — расчетъ, когда начнутъ отъ лѣтъ  
 Умъ болѣ повѣрять, а сердце менѣй вѣрить,  
 Необходимостью свои желанья мѣрить —  
 Намъ и природы гласъ и опыта совѣтъ.  
 Но въ возрастъ тотъ, когда еще сокрытъ отъ насъ,  
 Въ мерцаньи радужномъ, печальныхъ истинъ свитокъ,  
 Для сердца жаднаго и самый благъ избытокъ  
 Есть недостаточный запасъ.  
 А ты, разбивъ сосудъ волшебный  
 И съ жизни оборвавъ поэзи цвѣты,  
 Чѣмъ сердце обольстишь, когда рукой враждебной  
 Сердечный міръ разворожила ты?  
 Есть въ счастью выдержка въ долинѣ золь и плача;  
 Но въ свѣтъ заброшенный небесный сей залогъ,  
 Не положительный извѣстныхъ благъ итогъ,  
 Не алгеброй ума рѣшенная задача.  
 Нѣтъ, вдохновеніемъ дается счастье намъ,  
 Какъ искра творчества живой душѣ поэта,  
 Какъ розѣ свѣжій эиміамъ,  
 Какъ нѣга звучная пѣвцу любви и лѣта.  
 И горе смертному, который въ слѣпотѣ  
 Взысканьямъ общества сей вышній даръ уступить,  
 Иль, робко жертвуя приличью и тщетѣ,  
 Земныя выгоды его цѣною купить.  
 Мнѣ грустно, на тебя смотря;  
 Твоя не вѣрится мнѣ радость,  
 И розами твоя увѣнчанная младость  
 Есть дня холоднаго блестящая заря.  
 Съ полудня свѣтлаго переселенецъ милой,  
 Цвѣтокъ, предчувствіе о лучшей сторонѣ,  
 Къ растенью сѣвера привитый гнѣвной силой,  
 Цвѣтетъ нерадостно, тоскуя по веснѣ.  
 Иль, жертва долгая минуты ослѣпленья,  
 Младая Пери, дочь воздушныя семьи,  
 Изъ части благъ земныхъ не почерпнетъ забвенья  
 Обѣтованныхъ ей восторговъ и любви.

Любуйся тишиной подъ небомъ безмятежнымъ,  
Но хладъ разсудка, хладъ до сердца не проникъ;  
Въ немъ пламень не потухъ: такъ подъ уборомъ снѣжнымъ  
Кипитъ невидимо земныхъ огней тайникъ.  
Въ сердечномъ забытьи, а не во снѣ спокойномъ,  
Еще таишь въ себѣ мятежныхъ думъ слѣды;  
Еще тоскуешь ты о буряхъ, небѣ знойномъ,  
Подъ коимъ зрѣютъ въ насъ душевные плоды.  
Завидуя мученьямъ милымъ  
И бурнымъ радостямъ, невѣдомымъ тебѣ,  
Хотѣла-бъ жертвовать ты счастьемъ постылымъ  
Страстей волненью и борьбѣ.

---

## ССХХХІІІ.

## ВОСПОМИНАНІЕ.

Пусть времени полетъ стремится  
И все съ собой уноситъ онъ;  
Въ душѣ тоскующей хранится  
Любви моей послѣдній сонъ.  
День каждый падаетъ за мною,  
Какъ, близкихъ бурь послыша свистъ,  
Угрюмой осени порою —  
Валится съ дуба мертвый листъ.  
Уже весны моей не стало,  
Уже полсердца отцвѣло,  
И на лицѣ печали жало  
Слѣды глубоко провело.  
Но памяти волшебной силой  
Еще присутственъ прошлый часъ,  
И образъ незабвенно-милой  
Въ воображеньи не угасъ.  
Какъ въ день счастливой первой встрѣчи,  
Небесный гость! я зрю тебя,  
Мнѣ явыкомъ любви, безъ рѣчи,  
Сказавшій тайну бытія.

Еще невыразимымъ взглядомъ,  
Восторгами волнуетъ грудь,  
И по долинь жизни рядомъ  
Со мной свершаетъ тяжкій путь.  
Глаза любуются прилежно  
Струями черными волосъ,  
Которые Зефиръ небрежно  
По мраморнымъ плечамъ разнёсъ.  
На головѣ твоей прелестной  
Изъ свѣжихъ яхонтовъ нарядъ,  
Въ одеждѣ синева небесной  
Твой стройный станъ красиво сжать.  
Какъ мягкое, струисто злато,  
Роскошнаго Востока дань,  
Волнуясь, падаетъ богато  
На плечи брошенная тканьъ.  
Еще я при тебѣ печальный,  
Тоской окованный, стою,  
И жадно голосъ твой прощальный  
Въ пустынномъ воздухѣ ловлю.  
Все, что похитилъ жребій гнѣвный,  
Все, что ни взвидѣлъ взоръ слѣпый  
Я перенесъ въ тайникъ душевный  
Отъ глазъ завистливой толпы.  
Тамъ поклоненьемъ нераздѣльнымъ  
Боготворю любви кумиръ,  
И тамъ желаньямъ безпредѣльнымъ  
Открытъ мечты безбрежный міръ.  
Другъ вѣрный, неизмѣнной думѣ,  
Вездѣ сопутствуешь ты мнѣ:  
Съ одной тобой я въ свѣтскомъ шумѣ,  
Съ одной тобой на-единѣ.  
Во всѣхъ явленіяхъ природы  
Зрю отпечатокъ красоты:  
Твой образъ отражаютъ воды  
И въ чистомъ утрѣ свѣтишь ты!

Роскошно пью твое дыханье  
Въ душистомъ вѣяннѣ цвѣтовъ,  
Твой голосъ слышенъ мнѣ въ шептаньѣ  
Перепорхнувшихъ вѣтерковъ.  
Ты сострадательной рукою  
Стираешь слезы съ влажныхъ глазъ,  
Когда, въ Незримому, съ душою  
Я возношу молящій гласъ.  
Когда, какъ свѣтлою горящей  
Небесъ обложится шатеръ,  
Въ звѣздѣ привѣтнѣе блестящей  
Тебя отыскиваетъ взоръ.  
Когда слетаетъ тихій геній  
На ложе свѣжей тишины,  
Игрой таинственныхъ видѣній  
Ты очаровываешь сны,  
Давно умолкнувшую радость  
Нашептываешь сердцу вновь,  
Надежды пробуждаешь сладость  
Делѣя сирую любовь.

---

## ССХХХІV.

## ЛУГА.

---

Луга, широкіе луга!  
Гдѣ отъ овечьяго врага  
Свое я сберегала стадо,  
Простите! — Завтра на вѣнки  
Не мнѣ ужъ съ васъ срывать цвѣтки,  
Простите! васъ повинуть надо!

Луга, широкіе луга!  
Вы отъ дѣвичьяго врага  
Не сберегли своей пастушки!  
Красавецъ сердце обольстилъ,  
Невѣрный сердцемъ пошутилъ,  
И клятвы всѣ его игрушки.

Луга, широкіе луга!  
Тамъ, гдѣ въ враты берега  
Волнами грозно плещетъ море:  
Тамъ я забуду, что люблю,  
Тамъ въ шумной безднѣ утолю  
Тоску любви — и сердца горе!

---

1827 г.





СОХХХV.

## БАЙРОНЪ.

(Отрывокъ).

„Если я могъ бы дать тѣло и выходъ изъ груди своей тому, что наиболѣе во мнѣ, если я могъ бы извергнуть мысли свои на выраженіе и такимъ образомъ душу, сердце, умъ, страсти, чувство слабое или мощное, все, что я хотѣлъ бы нѣкогда искать, и все, что ищу, ношу, знаю, чувствую и *выдыхаю*, еще бросить въ одно слово, и будь это одно слово Перунъ, то я высказалъ бы его; но какъ оно, теперь живу и умираю, не разслушанный съ мыслью совершенно безголосною, влагая ее какъ мечъ въ ножны...

(Чайльдъ Гарольдъ; II. 3 ч. стр. ХСVII)

Поэзія! твое святилище природа!  
Какъ древній Промееей съ безоблачнаго свода  
Похитилъ лучъ живой предвѣчнаго огня,  
Такъ ты свой черпай огонь изъ тайныхъ нѣдръ ея.  
Природу замѣнить вотще труда усилъ;  
Наука водить насъ, она даетъ намъ крылья  
И чадамъ избраннымъ указываетъ слѣдъ  
Въ безвѣстный для толпы и чудотворный свѣтъ.  
Счастливъ поэтъ, когда онъ внялъ отъ колыбели  
Ея таинственный призывъ въ завѣтной цѣли.  
Счастливъ, кто съ первыхъ дней пріялъ, какъ лучшій даръ,  
Волненье, смѣлый пылъ, неутолимый жаръ;

Кто дѣтскихъ игръ бѣглець, объятый дикой думой,  
 Любилъ паденью водъ внимать съ скалы угрюмой,  
 Провлаживалъ слѣды въ заглохшіе лѣса,  
 Взоръ вопрошающій вперялъ на небеса  
 И тайною тоской и тайной нѣгой полный,  
 Любилъ скалы, лѣса и облава и волны.  
 Въ младенческихъ глазахъ горитъ души разсвѣтъ.  
 И мысли на челѣ прорѣзанъ ранній слѣдъ  
 И чувствамъ чуждая душа, еще молодая,  
 Живетъ въ предчувствіи, грядущимъ обладая.  
 Счастливъ онъ, сынъ небесъ, наслѣдникъ высшихъ благъ!  
 Повѣдаетъ ему о чудѣ каждый шагъ.  
 Раскрыта передъ нимъ природы дивной книга:  
 Воспитанникъ ея, онъ чуждъ земнаго ига;  
 Предъ нимъ отверстыи міръ: онъ міра властелинъ.  
 Чѣмъ далѣ отъ людей, тѣмъ менѣ онъ одинъ.  
 Вездѣ онъ слышитъ гласъ, душѣ его знакомый:  
 О страшныхъ таинствахъ ей возвѣщаютъ громы,  
 Ей водопадъ реветъ, ласкается ручей,  
 Ей шепчетъ вѣтерокъ и стонетъ соловей.  
 Но не молчитъ и онъ: пѣвецъ, въ пылу свободы,  
 Поэзію души съ поэзіей природы,  
 Съ гармоніей земли гармонію небесъ  
 Сликаетъ пѣснями онъ въ звучный строй чудесъ  
 И стихъ его тогда, какъ пламень окрыленный,  
 Взрываетъ юный духъ, еще непробужденный,  
 Въ немъ зажигае жаръ возвышенныхъ надеждъ;  
 Иль, какъ Перуна гласъ, казнитъ слѣпыхъ невѣждъ,  
 Въ которыхъ, подъ ярмомъ презрительныхъ желаній,  
 Умъ безъ грядущаго и сердце безъ преданій.  
 Таковъ, о Байронъ, гласъ поэзіи твоей!  
 Отважный исполинъ, Колумбъ новѣйшихъ дней,  
 Какъ онъ предугадалъ міръ юный, первобытвой,  
 Такъ ты, снѣдаемый тоскою ненасытной  
 И презря рубежи боязненной толпы,  
 Въ полетѣ смѣломъ сшибъ Иракловы столпы:

Ихъ иѣтъ для генія въ полетѣ непреклонномъ!  
Пусть ихъ лобзаетъ чернь въ порабощеньи сонномъ,  
Но онъ, вдали прозрѣвъ заповѣдную грань,  
Насильства памятникъ и суевѣрья дань,  
Онъ жадно чрезъ нее стремится въ безконечность!  
Стихія вышихъ думъ; просторъ небесъ и вѣчность.  
Такъ, Байронъ, такъ и ты, за грань перескочивъ  
И душу въ пламенной стихіи закаливъ,  
Забылъ и дольний міръ и судъ надменной черни;  
Стезей высокихъ благъ и благодатныхъ терній  
Достигъ ты таинства, ты мыслью ихъ проникъ  
И чудно освятилъ ты ими свой языкъ.  
Какъ страшно-сладостно въ нарѣчи сердцу новомъ  
Насъ пробуждаешь ты молніеноснымъ словомъ,  
И мыслью, какъ стрѣлой перуннаго огня,  
Вдругъ освѣщаешь ночь души и бытія?  
Такъ вспыхнуть изъ тебя оно было готово  
На языкѣ земномъ несбыточное слово,  
То слово, гдѣ-бъ вся жизнь, вся повѣсть благъ и мукъ  
Сосредоточились въ единый полный звукъ;  
То слово, гдѣ-бъ слились, какъ въ вѣрный отголосокъ,  
И жизни зрѣлый плодъ и жизни недоносокъ,  
Весь пылъ надеждъ, страстей, желаній знойныхъ думъ,  
Что создали мечты и ниспровергнувъ умъ,  
Что намекаетъ жизнь и не докажетъ время,  
То слово — тайное и роковое бремя,  
Которое тебя тревожило и жгло,  
Которымъ грудь твоя, какъ Зевсово чело,  
Когда имъ овладѣлъ недугъ необычайный,  
Тягчилась подъ ярмомъ неразрѣшенной тайны!  
И если персти сынъ, какъ баснословный богъ,  
Ту думу кровную осуществить не могъ,  
Утѣшься: изъ среды души твоей глубокой  
Намъ слышалась она, какъ гудъ грозы далекой,  
Не гранувшей еще надъ нашею главою,  
Но намъ вѣщающей о тайнѣ страшной той,

Предъ коей гордый умъ нѣмѣеть боязливо,  
Которую весь міръ хранить краснорѣчиво!  
Мысль всемогуща въ насъ; но тотъ, кто мыслить, слабъ,  
Мысль независима, но времени онъ рабъ.  
Какъ искра вѣчности, какъ пламень безпредѣльный,  
Съ небесъ запавшая она въ сосудъ стужельный,  
Иль гаснетъ безъ вѣсти, или сожжетъ сосудъ.  
О Байронъ! надъ тобой свершился грозный судъ!  
И лучшихъ благъ земли и позднихъ дней достойной,  
Увы! не выдержала ты пыла мысли знойной,  
Мучительно тебя снѣдавшей съ юныхъ поръ.  
И гробъ, твой равній гробъ, какъ фенисовъ востеръ,  
Благоухающей и жертвой упраздненный,  
Безсмертья свѣтлаго алтарь нѣмой и тѣнный  
Свидѣтельствуеть намъ весь подвигъ бытія!  
Гробъ, сей Иракловъ столпъ, одинъ былъ грань твоя,  
И жизнь твоя гласить, разбившись на могилѣ:  
Чѣмъ смертный можетъ быть, и чѣмъ онъ быть не въ силѣ.

---

## ССХХХVI.

Е. А. КОЛОГРИВОВОЙ.

(ВЪ АЛЬБОМЪ).

---

Всѣ челобитчики Сатурну  
И всѣ невольно, съ каждымъ днемъ,  
Сѣдому лихоимцу въ урну  
Мы дани грустныя несемъ.  
Въ его Шемякиномъ совѣтѣ  
Ужъ нѣтъ повинной головы:  
Береть съ невѣсты въ юномъ цвѣтѣ,  
И лепту бѣдную съ вдовы.  
Но почему слѣпой на лица,  
Неизбѣжимый лиходѣй,  
Тебя, среди подругъ царица,  
Сестра средь юныхъ дочерей!  
Скажи мнѣ, почему съ любовью,  
Твой постоянный доброхотъ,  
На зло подлунному условью,  
Тебя онъ свято бережетъ?  
Влюбленнымъ въ твой разсвѣтъ прекрасный  
Отцамъ вружила ты умы;  
На твой любуясь полдень ясный,  
Не образумимся и мы.

---

## СОХХХVII.

## ТЕПЕРЬ МНѢ НЕДОСУГЪ.

Дѣлецъ пришелъ къ начальнику съ довлaдомъ,  
 Графиня ждетъ отъ графа денегъ на домъ,  
 На балѣ графъ—жену до пѣтуховъ,  
 Бѣднякъ—давно обѣщаннаго мѣста,  
 Купецъ—долговъ, невѣста—жениховъ,  
 Пиладъ—услугъ отъ вѣрнаго Ореста,—  
 Имъ всѣмъ отвѣтъ: „теперь мнѣ недосугъ,  
 „А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ.“  
 Но звать приди вельможу на пирушку,  
 Явись въ привазъ со вкладчиною въ кружку,  
 Хвалить въ глаза писателя начни,  
 Иль подвергать соперниковъ разбору,  
 Будь иль въ ходу, иль ходавамъ съ родни  
 Гость дорогой, всегда, какъ деньги, въ пору!—  
 Не слышишь ты: „теперь мнѣ недосугъ,  
 „А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ.“  
 Чтобъ улестить взыскательную совѣсть  
 И многихъ лѣтъ замаранную повѣсть  
 Хоть обложить въ красивый переплетъ,  
 Ханжа твердитъ: „расскаться не поздно!“  
 Когда-жъ въ нему раскаянье придетъ

И въ злыхъ дѣлахъ отчета просить грозно,  
 Онъ ей въ отвѣтъ: „теперь мнѣ недосугъ,  
 „А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ“.  
 Бракъ былъ для нихъ вѣнцомъ земнаго блага,  
 Ихъ сопрягла взаимная присяга,  
 Ихъ запрягла судьба за тотъ-же гужъ;  
 Нѣтъ года: бракъ не розъ, ужъ терній жатва;  
 Жены-ль вопросъ, жену-ли спросить мужъ:  
 „А гдѣ-жъ любовь, а гдѣ-жъ на счастье клятва?“  
 Отвѣтъ какъ тутъ: „теперь мнѣ недосугъ“,  
 „А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ“.  
 Когда возьметъ меня запой Парнасской  
 И явится схоластика съ указкой,  
 Сказавъ мнѣ: „стихъ твой вольничать привыкъ;  
 „Будь онъ хоть пошлъ, но у меня въ границахъ,  
 „Смирись, пока пострѣла не настигъ  
 „Журнальный рундъ дѣепричастій въ лицахъ!“  
 Я ей въ отвѣтъ: „теперь мнѣ недосугъ,  
 „А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ“.  
 Есть гостя: ей всегда всѣ настезь двери,  
 Враждебный духъ, иль счастливая Пери,  
 Въѣзжаетъ въ домъ на радость, иль на страхъ,  
 Какъ заскрыпить ея повозки полозъ  
 У молодой безпечности въ дверяхъ,  
 Когда подастъ она счастливицу голосъ,  
 Не скажешь ей: „теперь мнѣ недосугъ,  
 „А послѣ ты зайди ко мнѣ, мой другъ!“

## СОХХХVІІІ.

## КЪ ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

---

И за письмо и за подарокъ  
Стихами наскоро плачу.  
Предъ Фебомъ ты зажегъ огарокъ,  
А не огромную свѣчу;  
По разноцвѣтенъ онъ и ярокъ  
И Музѣ нашей по плечу,  
Пылаетъ онъ потѣшнымъ блескомъ,  
Подсыпанъ порохомъ слегка,  
Звѣздой рассыпчатой и съ трескомъ  
Взрывается изподтишка  
И мечетъ, за народнымъ плескомъ,  
Шутихи подъ носъ дурака.  
Пальбой огней своихъ потѣшныхъ  
Пугай глупцовъ и радуй насъ;  
Не вайся въ шалостяхъ безгрѣшныхъ;  
То по дѣломъ, то для проказъ,  
И встрѣчныхъ ты и поперечныхъ  
Коли и въ бровь и прямо въ глазъ.  
Задорный Музы собесѣдникъ,  
Когда-то зналъ я твой языкъ...  
Но нѣтъ! ты мнѣ не ученикъ,  
А развѣ заживо наслѣдникъ.

---



## СОХХХІХ.

## ЭПИГРАММА.

## I.

Булгаринъ хочетъ слыть хорошимъ журналистомъ,  
Булгаринъ хочетъ быть лихимъ кавалеристомъ --  
    Не обличу его въ лганьѣ,  
Но на конѣ сидитъ онъ журналистомъ,  
Въ журналѣ рубить смыслъ лихимъ кавалеристомъ  
    И выѣзжаетъ на враньѣ....

## II.

Кто будетъ красть стихи твоя?  
Давно ихъ въ Летѣ утопили;  
Иль -- ихъ, забывшия, прочли,  
Иль -- прочитавши, позабыли!

---

ССХЛ.

ЩИПЦЫ И СВѢЧИ.

(Басня).

---

Поссорясь отъ людей, щипцамъ пеняли свѣчи  
И называли ихъ наперсницами тьмы.  
„Не вовсе съ истиной согласны ваши рѣчи;“ —  
Былъ отъ щипцовъ отвѣтъ: — „одно орудье мы.  
„Въ умѣющей рукѣ одинъ нагаръ снимаетъ,  
„Въ рукѣ незнающей, снимая, потушаетъ.“ —  
Долгъ цензорства съ умомъ и пользой согласи:  
Стражъ свѣта, а не врагъ, снимай, а не гаси!

---

ССХЛІ.

Р — У.  

---

Знакомы ли тебѣ, о юный другъ!  
Та свѣтло-тѣнь души, тотъ свѣтъ непостижимый,  
Когда поэтъ, предчувствіемъ томимый.  
Летаетъ въ горній міръ, какъ безтелѣсный духъ?  
Когда фантазіи волшебнымъ мановеньемъ,  
Сей дольний міръ весь въ радугахъ блеститъ  
И свѣтлымъ, неземнымъ видѣньемъ  
Преображенный предстоитъ!  
О если бы онъ могъ сей мигъ, блаженства полный,  
Перомъ иль кистью передать,  
Струнами тѣми же въ родной душѣ звучать —  
Тогда-бъ онъ радостно повинулъ жизни волны!  
Такъ старецъ Симеонъ, узрѣвъ желанный свѣтъ,  
Израиля таинственный обѣтъ,  
Небесной радости лучами озарился  
И съ жизнію земной, утѣшенный, простился!

---

## СОХЛІІ.

## КЪ МОЛЯЩЕЙСЯ.

Когда возносишься съ долинь житейской почп  
Ты въ утру вѣчной чистоты  
И къ небесамъ подъемлешь ты  
Любви возвышенной исполненныя очп,  
Вѣрь, превлоняются и небеса къ тебѣ,  
Съ любовью смотрятся въ душѣ твоей прекрасной  
И улыбаются твоей улыбкѣ ясной,  
Твоей отвѣтствуя мольбѣ!  
Въ сей часъ, какъ набожной мечтой тебя объсмлю  
И пѣнью тайному души твоей я внемлю,  
Въ сей часъ торжественный, въ предчувствіи чудесъ,  
Не знаю, въ свѣтломъ упоеньѣ,  
Я зрю-ли Ангела, нисшедшаго съ небесъ,  
Иль смертной въ Ангела я зрю преображенье!

## ССХLIII.

## ВСПЫЛЬЧИВОСТЬ ДОБРОДѢТЕЛЬНОГО.

(Восточный апологъ).

---

Царь добродѣтельный, но вспыльчивый и дикой,  
Невинному рабу велѣлъ главу отсѣчь:  
„Не страшень для меня блестящій смертью мечъ“, —  
Съ рѣшимостью сказалъ невольникъ предъ владыкой.  
„Меня злосчастіе мой лютой судія;  
„Ты съ жизнью мнѣ прервешь мгновенной казни муку,  
„Но съ смертію моею начнется казнь твоя!“ —  
И Царь къ нему простеръ спасительную руку.

---

## СОХЛІV.

## НЕТЛѢННЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Объятый молніей случайной,  
Погибъ красавицы уборъ,  
Подъ коимъ прелестію тайной  
Она обворожала взоръ.  
Уже, счастливецъ дерзновенный,  
Ты лобызать не будешь вновь  
Кудрей душистыхъ шелкъ безцѣпный,  
Что пѣжно выпряла любовь;  
Какъ блескъ зарницы лѣтней ночи,  
Изъ-подъ погибшаго вѣнца  
Уже горѣть не будутъ очи  
И зарево видать въ сердца.  
Ты вѣкъ свой отжилъ: такъ утратимъ  
Мы все, что веселило насъ,  
И сожалѣніемъ заплатимъ  
Веселья легвокрылый часъ,  
Но недотронутый бѣдою  
Цвѣтокъ въ уборѣ уцѣлѣлъ:  
Неизмѣнимой красотою  
Онъ свѣтитъ, какъ всегда свѣтлѣлъ.  
Когда нетлѣнною святыней

Щадилъ тебя и самый ровъ,  
Въ огнѣ испытанный, будь нынѣ  
Сердечной памяти цвѣтокъ.  
Тавъ, пусть судьбы враждебной пламень  
Похитить радости готовъ  
И опалитъ послѣднїй камень  
Воздушныхъ замковъ нашихъ сновъ;  
Но, вѣрны думой благодарной  
Тому, чего у насъ ужъ нѣтъ,  
Мы отомстимъ судьбѣ коварной,  
Храня воспоминанья цвѣтъ.

---

## СОХLV.

СЛЕЗЫ ПРОЩАНІЯ.  

---

Благодарю тебя за слезы:  
Роса ихъ, утренней свѣжѣй,  
Взлелѣветъ въ памяти моей  
Неувядаемая розы.  
Я помнить буду этотъ часъ,  
Ознаменованный разлукой:  
Такъ будь, на жизнь и смерть, за насъ  
Онъ въ дружбѣ вѣрною порукой!  
Когда въ враждѣ съ самимъ собой  
Другими буду недоволенъ  
И ядовитою тоской  
Сердечнаго припадка боленъ,  
Прощанья вспомню я слезу  
И, добрый вѣстникъ примиренья,  
Она, какъ радуга спасенья,  
Смирить сердечную грозу.  
Иль какъ слеза воздушной Пери  
Изъ заточенья мрачныхъ думъ,  
Къ надеждѣ растворяя двери,  
Она искупить грустный умъ.  
Скажу себѣ: тотъ жилъ не даромъ,  
Къ кому слезою взоръ свѣтлѣлъ,  
Кто сердце ближней тихимъ жаромъ  
Священной дружбы разогрѣлъ.

---



## CCXLVI.

## ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ „ДЕРЕВНЯ“.

## I.

## БИБЛИОТЕКА.

Въ хранилищѣ вѣковъ, въ святынѣ ихъ наслѣдства,  
 Творцовъ привѣтствую, любимыхъ мной изъ дѣтства,  
 Путеводителей, наставниковъ, друзей.  
 Ихъ пламень воспалилъ разсвѣтъ души моей;  
 Обязанъ вкусомъ имъ, занятъемъ и забавой,  
 Быть можетъ — какъ узнать? — обязанъ буду славой.  
 Виргилій! другъ полей и благодѣтель ихъ,  
 Любить ихъ, украшать и пѣть — твой учить стихъ.  
 Горацій! всѣхъ вѣковъ по духу современникъ,  
 Поэтъ всѣхъ возрастовъ, всѣхъ націй соплеменникъ,  
 Которымъ мы всегда довольны, въ смѣхъ и въ грусть,  
 И учимся еще, ужъ зная наизусть.  
 И жизнь исправилъ ты и встрѣтилъ смерть съ улыбкой;  
 Мудрецъ незыблемый и царедворецъ гибкой!  
 Ты льстилъ не приторно, училъ не свысока,  
 И время на тебѣ не тронуло вѣнка,  
 Который соплели веселье и разсудокъ  
 Изъ сладострастныхъ розъ и вѣчныхъ незабудокъ.  
 Кипящій Марціалъ, дурачество Римскихъ бичь,  
 Гдѣ ихъ ни подмѣчалъ — спѣшилъ стихомъ настичь;  
 И я тебѣ во слѣдъ наметываю руку  
 Въ безграмотную снѣсь и грамотную скуку.

Проперцій и Тибуллъ, у коихъ въ наши дни,  
 Педантамъ не во гнѣвъ, исхитилъ лавръ Парни.  
 Андрей Шенье, пѣвецъ и мученикъ свободы,  
 На плаху въ жертву ты принесъ молодые годы  
 И полное надеждъ грядущее принесъ,  
 Когда тирановъ серпъ, во дни гражданскихъ грозъ,  
 Свирѣпо пожиналъ подъ жатвою кровавой  
 Все, что грозило имъ иль доблестью, иль славой.  
 Такъ! умирая, ты сказать со вздохомъ могъ,  
 Что многого еще хранилъ въ себѣ залогъ  
 Твой стихъ, неполный звукъ души въ мечтахъ обильной,  
 Уныль и сладостенъ, какъ памятникъ умильный  
 Надеждъ, разтерзанныхъ подъ бурю судебъ.  
 Фебъ древнихъ алтарей и новыхъ пѣсней Фебъ  
 Животворятъ его согласнымъ вдохновеньемъ.  
 По древнимъ образцамъ романтикъ исполняемъ,  
 Шенье! въ трудахъ твоихъ рѣшился бы тотъ споръ,  
 Что въ Музамъ внесъ вражду междуусобныхъ ссоръ  
 И вѣчно безъ конца, какъ подвигъ Пенелопы,  
 Не довершенъ ни мной, ни „Вѣстникомъ Европы“.  
 Руссо, врагъ общества и человѣка другъ!  
 Сколь въ сердце вкрадчивъ къ намъ сердечный твой недугъ,  
 Писатель Бриарей! колдунъ! Протей писатель!  
 Вождь вѣва своего, умовъ завоеватель,  
 Въ рукѣ твоей перо — сраженья острый мечъ.  
 Но, пылкій, не всегда умѣлъ его беречь  
 Для битвы праведной и самъ страстямъ покорный,  
 Врагъ фанатизма, былъ фанатикъ ты упорный.  
 Другимъ оставя трудъ костеръ твой воздвигать,  
 Показуюсь: я люблю съ тобою разсуждать;  
 Во слѣдъ тебѣ идти отъ важныхъ истинъ къ шуткамъ,  
 И смѣло пламенѣть враждою къ предразсудкамъ;  
 Какъ смертный ты блуждалъ, какъ геній ты парилъ,  
 И въ области ума свѣтиломъ новымъ былъ.  
 Плутарховыхъ временъ достойная Коринна,  
 По сердцу женщина и по душѣ мущина,

Философъ мудростью и пламенемъ поэтъ,  
Восторговъ для тебя въ насъ недоступныхъ пѣтъ.  
Страстями движешь ты, умомъ, воображеньемъ;  
Твой слогъ, трепещущій сердечнымъ вдохновеньемъ,  
Какъ отголосокъ чувствъ всегда краснорѣчивъ,  
Какъ прихоть женщины, какъ радуги отливъ  
Разнообразенъ онъ, струистъ и своенравенъ;  
О, долго будешь ты воспоминаемъ славенъ,  
Копцетъ! гдѣ Неккеру, игрѣ народныхъ бурь,  
Блеснула въ тишинѣ спойствія лазурь,  
И гдѣ изгнанница тревожила изъ ссылки  
Деспота чуткій умъ и гнѣвъ, въ порывахъ пылкій.  
Въ сіяньи, онъ робѣлъ отдѣльнаго луча;  
И миръ поработивъ владычеству меча,  
Съ владычествомъ ума въ совмѣстничествѣ гордомъ  
Онъ личнаго врага воюя въ мнѣннѣ твердомъ,  
Державу мысли самъ невольно признавалъ.  
Осуществившій намъ поэта идеалъ,  
О Шиллеръ, какъ тебя прекрасно отражало  
Поэзіи твоей блестящее зеркало!  
Въ тоскѣ невѣденья, въ борьбѣ съ самимъ собой,  
Влечешь ли ты и насъ въ междуусобный бой  
Незрѣлыхъ помысловъ, надеждъ высокоумныхъ;  
Ты возвращаешь ли въ унынѣ чувствъ невѣрныхъ,  
На счастье данную — сомнительный залогъ,  
Который выплатить міръ цѣлый бы не могъ;  
Иль гордыя души смиривъ хаосъ мятежный,  
Мракъ бури озаришь ты радугою надежной  
И гласомъ сладостнымъ, какъ звукомъ горныхъ лиръ,  
Врачуешь сердца скорбь и водворяешь миръ  
Въ стихію бурную желаній безпокойныхъ,  
Равно господствуешь ты властью пѣсней стройныхъ.  
И васъ здѣсь собрала усердная рука,  
Законодателей родного языка,  
Любимцевъ Русскихъ Музъ, ревнителей науки,  
Которыхъ внятые, живые сердцу звуки

Будили въ отрокѣ, на лонѣ простоты,  
Восторги свѣтлыя и раннія мечты,  
Васъ умъ не понималъ, но сердце ужъ любило:  
Къ вамъ темное меня предчувствіе стремилло.  
Непосвященный жрецъ, невѣдомый себѣ,  
Свой жребій въ вашей я угадывалъ судьбѣ.  
Вашъ мѣрный гласъ мой слухъ пробудить ли случайно,  
Ему, затрепетавъ, я радовался тайно.  
Сколь часто, весь не свой, заслушивался я,  
Какъ гула стройныхъ волиъ, иль пѣсней соловья,  
Созвучья стройныхъ строфъ пѣвца Елисаветы,  
И слезы вѣщія, грядущихъ думъ примѣты,  
Въ глазахъ смѣющихся сверкали у меня,  
И весь я полонъ былъ волненья и огня.  
И нынѣ въ возрастъ тотъ, какъ вкусъ вѣрнѣй и строже  
Цѣнить, что чувствовалъ, когда я былъ моложе,  
Умильно данъ плачу признательности вамъ,  
Ума споспѣшникамъ, прекраснаго жрецамъ!  
Къ отечеству любовь была въ васъ просвѣщенъемъ.  
Къ успѣхамъ согражданъ пылая чистымъ рвенъемъ,  
Какъ силою меча, могуществомъ пера,  
Герои мирные, сподвижники Петра,  
На свѣтломъ поприщѣ, гдѣ онъ, боецъ державный,  
Въ борьбѣ съ невѣжествомъ настойчивой и славной  
Умъ завоевывалъ и предрасудки гналъ —  
Стяжали вы вѣнецъ заслуженныхъ похвалъ.  
Но многимъ ли изъ васъ разцвѣлъ и лавръ безплодный?  
Забывчивой молвой и памятью народной  
Уваженъ, признанъ ли вашъ безкорыстный трудъ?  
Къ вамъ свѣта хладнаго внимателенъ ли судъ?  
Немногихъ чистое, родное достоянъе,  
Намъ ваше свѣтитса во тьмѣ благодѣянъе.  
Наслѣдовали мы вашъ въ пользѣ смѣлый жаръ  
И свято предадимъ его потомкамъ въ даръ.  
Пусть чернь блестящая у праздности въ объятыхъ  
О вашихъ именахъ, заслугахъ и занятыхъ

Толкуеть на обумъ и въ адресь-валендарь  
 Заглядывать должна, чтобъ справиться, кто встарь  
 Былъ пламенный Петровъ, порывистый и сжатый,  
 Иль юной Душеньки пѣвецъ замысловатый;  
 Утѣштесь! не вотще, въ виду родной земли,  
 Вы звѣзды ясныя въ окрестной тьмѣ зажгли.

## II.

Я слышу, слышу вашъ краснорѣчивый зовъ,  
 Слѣшу подъ вашу тѣнь, подъ вашъ зеленый кровъ,  
 Гостепріимныя, прохладныя дубровы!  
 Съ негодованьемъ рву постыдныя оковы,  
 Въ которыхъ суетность опутала меня;  
 Цѣлебный воздухъ здѣсь, живѣй сіянье дня  
 И жизнь прекраснѣе и сердце безмятежнѣй!  
 Здѣсь человекъ съ собой бесѣдуетъ прилежнѣй,  
 Степеннѣй умъ его и радостнѣй мечты.  
 Здѣсь нѣтъ цѣпей, здѣсь нѣтъ господства суеты!  
 Ко счастью слѣдъ открывъ, наперсникъ вѣрныхъ тайнъ —  
 Здѣсь мыслямъ и дѣламъ, и времени хозяинъ,  
 Не принужденъ платить предубѣжденью дань  
 И въ мятежѣ страстей вести съ собою брань;  
 Мужаю бытіемъ и зрѣю въ полныхъ силахъ,  
 Живительный огонь въ моихъ струится жилахъ.  
 Какъ воздухъ, такъ и умъ въ людскихъ оградахъ сжать:  
 Ихъ всюду тяжкія препятствія тѣснятъ.  
 И думать и дышать равно въ столицахъ душно!  
 Въ нихъ мысль запугана, въ нихъ чувство малодушно,  
 Желанія безъ крыль прикованы къ землѣ  
 И жизнь какъ пламеникъ, тускнѣющей во мглѣ,  
 Въ поляхъ, сыновъ земли свободной колыбели,  
 Стремится бытіе къ первоначальной цѣли:  
 Отвагою надеждъ кипитъ живая грудь  
 И думамъ пламеннымъ открытъ свободный путь.

Подъ вѣяньемъ древесъ и бѣглыхъ водъ журчаньемъ  
Спитъ честолюбіе съ язвительнымъ желаньемъ.  
Въ виду широкихъ нивъ, въ виду высокихъ горъ,  
Небесъ раскинувшихъ сіяющій шатеръ,  
Какъ низки замыслы тщеты высокоумной! —  
Равно унизилъ онъ свой промыслъ на землѣ,  
Страстей мятежныхъ рабъ, корысти-ль рабъ послушный,  
Рабъ свѣтскихъ прихотей, иль нѣги малодушной,  
Равно затмилъ печать величья на челѣ.  
Здѣсь утромъ, какъ хочу, я самъ располагаю,  
Ни важныхъ мелочей, ни мелкихъ дѣлъ не знаю.  
Когда послушу Музъ таинственный призывъ  
И вдохновенныхъ думъ пробудится порывъ,  
Могу не трепетать: нежданный посѣтитель,  
Чужаго времени жестокой расточитель,  
Не явится ко мнѣ съ вѣстями о дождѣ!...  
Какъ часто три часа, не шевелясь со стула,  
Злодѣй держалъ меня подъ пыткой караула  
И холостой стрѣльбой пустыхъ своихъ вѣстей.  
Счастливъ еще, когда, освободясь гостей  
И свѣтскаго ярма сваливъ съ себя обузу,  
Могъ залучить я вновь запуганную Музу,  
И рному отыскавъ подъ дружескимъ перомъ,  
Стихъ сиротливый свестъ съ отставшимъ близнецомъ.

---

## СОХLVII.

## ВЫДЕРЖКА.

Мой умъ — колода картъ: — „Вотъ вздоръ!  
 Но знать, не перваго разбора!“  
 Прибавить, въ видѣ приговора,  
 Журнальной парты Матадоръ.  
 Вамъ, господа, и книги въ руки!  
 Но съ вашей легкой мнѣ руки, —  
 Спасибо вамъ, — могу отъ скуки  
 Играть въ носки и въ дураки.

Въ моей колодѣ, по мастямъ,  
 Разсортированы всѣ люди:  
 Сдаю я желуди иль жлуди  
 По вислоухимъ игрокамъ;  
 Есть бубны — славнымъ за горами;  
 Вскрываю вины для друзей;  
 Живо-усошшими творцами  
 Я вдоволь лакомлю червей.

На выдержку-ль играть начну,  
 Трещить банкъ глупостей союзныхъ,  
 И банкومتъ, изъ самыхъ грузныхъ,  
 Не усидить, когда загну;  
 Смѣняются, берутъ съ испуга  
 Вновь дольщиковъ въ игру свою...  
 Богъ помощь имъ топить другъ друга,  
 А я ихъ гуртомъ всѣхъ топлю.

Что мысли? Выдержки ума!—  
 А у кого задержки въ этомъ? —  
 Тотъ засадается, вѣкъ съ лабетомъ  
 Въ игрѣ и рѣчи и письма;  
 Какой ни сдѣлаетъ попытку,  
 А глупость срѣжетъ на просакъ!  
 Онъ проиграется до нитки  
 И выйдетъ на-чисто дуракъ.

Вотъ парты дамской игрочки,  
 Друзья, два бѣдные Макара:  
 На нихъ отъ важдаго удара  
 Валятся шишки и щелчки:  
 Одинъ, съ поблекшими цвѣтами,  
 Съ послѣдней жертвой, на мель сталъ;  
 Тотъ мѣломъ, бѣлыми стихами,  
 Вписалъ свой проигрышъ въ журналъ.

Игра честей въ большомъ ходу,  
 Въ нее играть не всѣмъ здорово:  
 Играя на честное слово,  
 Какъ разъ наскочишь на бѣду.  
 Тотъ ставитъ свѣчку злomu духу,  
 Въ прокъ не пойдетъ того казна,  
 Кто легкоумье ловить въ муху,  
 Чтобъ дѣлать изъ нее слона.

Не суйтеса въ большимъ тузамъ,  
 Вы мнѣ подъ пару недоростки:  
 Игрушки вошьѣ, мышкѣ слезки,  
 Давно твердятъ разсудокъ намъ;  
 Поищемъ по себѣ игорку,  
 Да игрововъ подъ нашу масть:  
 Кто не по силамъ лѣзетъ въ горку,  
 Тотъ можетъ и въ просакъ попастьъ.

А какъ играть тому съ плеча,  
 Кто заручился у фортуны;



Онъ лука натяни всѣ струны  
И бей всѣ взятки съ горяча.  
Другой ведетъ расчетъ, и строгій,  
Но за безсчетныхъ счастье Богъ,  
И тамъ, гдѣ умный выигралъ ноги,  
Тамъ дурачокъ всѣхъ срѣзалъ съ ногъ.

Бѣднякъ, дуракъ и намъ съ руки,  
Заброшенный въ народной давкѣ,  
У счастья и у всѣхъ въ отставкѣ,  
Климъ, развѣ могъ играть въ плевки;  
Теперь онъ стеръ успѣховъ губкой  
Все, чѣмъ обчелся въ старину,  
Въ игрѣ коммерческой съ прикупкой  
Онъ вскрылъ удачно на жену.

Друзья! кто хочетъ быть умнѣ,  
Тотъ по пословицѣ поступитъ:  
Продастъ онъ книги, карты купитъ;  
Такъ древле нажилъ умъ Семенъ.  
Умъ въ картахъ: соглашусь охотно!  
Въ ученомъ мѣрѣ видимъ сплошь,  
Домъ книгами набить, и плотно,  
Да картъ не сыщешь ни на грошъ.

Памфилъ, пустая голова!  
Ты игровомъ себя не числи:  
Не вскроешь ты на козырь мысли,  
Какъ ни тасуй себѣ слова.  
Не такова твоя порода,  
Игрой ты не убьешь бобра:  
Твой умъ и полная колода,  
Я знаю, но не картъ игра.

---

## СОХLVIII.

Е. Н. УШАКОВОЙ.

Чѣмъ васъ отпраздную, прославлю?  
Приходскій староста, въ убожествѣ моемъ,  
Передъ угодницей свѣчу за васъ поставлю  
И помолюсь ей кой-о-чемъ.  
Но я не вашего прихода,  
Но не дойдетъ моя молюба:  
Меня обидѣла судьба,  
И задарила васъ природа.  
Церковный староста, увы,  
Я отлученъ уже изъ храма,  
Гдѣ поминаетесь и граціи и вы,  
Въ моленьяхъ, въ жертвахъ оиміама.  
Вы примете мой даръ разсѣянной рукой  
И о другомъ жрецѣ вздохнете въ думѣ страстной:  
Свѣчу поставлю я предъ образомъ прекрасной,  
Но ужъ зажжетъ ее другой.

---

## СОХЛІХ.

КРОХОБОРАМЪ.  

---

Сорвавшейся съ пера ошибкою моею,  
Живете, скромники, вы нѣсколько ужъ лѣтъ;  
Я вашей трезвости цѣнить примѣръ умѣю,  
И каюсь, что съ меня большихъ вамъ взятокъ нѣтъ;  
Но критикамъ вѣрнѣй вашъ навыкъ хлѣбосоленной  
И съ вашего стола для жадныхъ ихъ потребъ,  
Отъ щедрой глупости, къ несчастнымъ сердобольной,  
Идетъ насущный хлѣбъ.

---

ССЛ.

РУССКІЙ БОГЪ.

---

Нужно ль вамъ истолкованье,  
Что такое русскій богъ?  
Вотъ его вамъ начертанье,  
Сколько я замѣтить могъ.

Богъ мятелей, богъ ухабовъ,  
Богъ мучительныхъ дорогъ,  
Станцій, тараканьихъ штабовъ,  
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ голодныхъ, богъ холодныхъ  
Нищихъ вдоль и поперегъ,  
Богъ имѣній недоходныхъ,  
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ наливовъ, богъ разсоловъ,  
Душъ, представленныхъ въ залогъ,

Бригадиршъ обонхъ половъ,  
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ всѣхъ съ анненской на шеяхъ  
Богъ дворовыхъ безъ сапогъ,  
Баръ въ саняхъ при двухъ лавеяхъ,  
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Къ глупымъ полнъ онъ благодати,  
Къ умнымъ безпощадно строгъ,  
Богъ всего, что есть нехстати,  
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ всего, что изъ границы,  
Не въ лицу, не подъ итогъ,  
Богъ по ужинѣ горчицы,  
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Богъ бродяжныхъ иноземцевъ,  
Къ намъ зашедшихъ за порогъ,  
Богъ въ особенности нѣмцевъ,  
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

---

ОСЛІ.

РУССКІЙ БОГЪ.

(По списку кн. Долгорукова)

---

Богъ ухабовъ, богъ ~~м~~ятелей,  
Богъ проселочныхъ дорогъ,  
Богъ ночлеговъ безъ постелей,  
Вотъ онъ, вотъ онъ русский богъ.

Богъ холодныхъ, богъ голодныхъ,  
Нищихъ вдоль и поперегъ,  
Богъ имѣній бездоходныхъ,  
Вотъ онъ, вотъ онъ, русский богъ.

Богъ пришельцевъ иноземцевъ,  
Перешедшихъ нашъ порогъ,  
Богъ въ особенности нѣмцевъ,  
Вотъ онъ, вотъ онъ русский богъ.

Богъ всѣхъ съ Анною на шеѣ,  
Богъ лакеевъ безъ сапогъ, .

Баръ, служащихъ какъ лакеи,  
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

Къ глупымъ полонъ благодати,  
Къ умнымъ черезъ мѣру строгъ,  
Богъ всего что есть нехстати,  
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ.

**КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.**





## ПРИМЪЧАНІЯ.

1808 г.

- I. Напечатано въ Вѣстн. Евр., 1808 г. № 19, стр. 178. (Въ копіи, принадлежащ. П. И. Баргеву стихотвореніе озаглавлено «Жуковскому».)
- II. Тамъ же, № 24, стр. 256.
- III. Тамъ же, № 24, стр. 257.
- IV. Съ черновой собственноручн. На бумагѣ водян. знакъ 1808 г.
- V. На бракосочетаніе княжны Екатерины Андреевны Вяземской съ княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ. Напечатано отдѣльно въ Унив. Тилогр. Слова кн. П. А. Вяземскаго, музыка А. А. Плещеева. Съ одобренія ценз. ком., учрежденнаго для округа Имп. Моск. Университета.

1810 г.

- VI. Напеч. Вѣстн. Евр., 1810 г. № 7, стр. 196.
- VII. > > > № 7, стр. 196.
- VIII. > > > № 10, стр. 197.
- IX. > > > № 11, стр. 209.
- X. > > > № 11, стр. 210.
- XI. > > > № 11, стр. 210.
- XII. > > > № 7, стр. 197.
- XIII. > > > № 11, стр. 210.
- XIV. > > > № 11, стр. 210.

1811 г.

- XV. Михаилу Васильевичу Милонову; въ Рукоп. сборникъ 1864 г., пригот. къ печ., ч. II, стр. 11, помѣчено «1811 г.». Въ копіи принадлеж. П. И. Баргеву, есть вариантъ. Послѣ 4-го стиха:  
Когда Шишковъ, Батый талантовъ,  
Грозитъ смерть вкусу навести,  
Шихматовъ изъ морскихъ сержантовъ  
Въ Гомеры хочетъ перейти  
Когда Хвостовъ, Анастасевичъ.  
Захаровъ, Шаховской, Станевичъ  
И вся Батыева орда и т. д.
- XVI. Алексѣю Алексѣевичу Перовскому, взято изъ Рукоп. Сборника 1864 г., стр. 17, помѣчено: «Москва 1811 г.».

- XVII. Напечатано въ Вѣстн. Евр., № 1, стр. 24.  
XVIII. Стихотвореніе это написано въ честь артистки Валберховой, игравшей роль Дидоны въ траг. Княжнина. Тамъ же, № 1, стр. 67.

1812 г.

- XIX. Напечатано въ Спб. Вѣстникѣ, 1812 г. № 8, стр. 153. Также въ Собр. Образл. Соч., ч. II.  
XX. Въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, 1816 г., ч. I.  
XXI. Напеч. въ Вѣстн. Евр., 1812 г. ч. 6, стр. 204.  
XXII. Съ рукописи, помѣч. рукою автора: «Вологда, ноября 26, 1812 г.»  
XXIII. Также, съ рукописи 1812 г.  
XXIV. Изъ Рукоп. Сб. 1821—22 г., т. I, стр. 18. Относится къ 1812 г. пребыванію кн. П. А. въ Вологдѣ.  
XXV. Съ рукописи автора, помѣч. 1812 г.  
XXVI. Изъ Рукоп. Сб. 1821—22 г., т. III, стр. 23. Неполная черновая 1812 г.

1813 г.

- XXVII. Рукопись 1813 г.  
XXVIII. Рукоп. Сб. 1821—22 г., т. II, стр. 20.  
XXIX. Рукоп. Сб. 1822 г., т. II, стр. 34. Помѣч. копія 1813 г. Напеч. впоследствии въ «Рецензентѣ» Олига 1821 г. № 22, стр. 87.  
XXX. Къ Барановой, за присланный ею новый бантъ для креста. Князь П. А. Вяземскій получилъ Владиміра 4 ст. съ бантомъ за Бородинское сраженіе. Изъ Рукописн. Сборн., 1822 г., т. II, стр. 64. Чернов. 1813 г.

1814 г.

- XXXI. Надпись подъ бюстомъ Императора Александра I. Напеч. въ особой брошюрѣ «Описаніе праздника даннаго въ Москвѣ въ мав 1814 г. по случаю взятія Парижа 19 (31) марта 1814 г. Москва. 1814.  
XXXII. Напеч. въ брошюрѣ «Храмъ безсмертія». (Москва, 1814 г., 4 д. л.), стр. 11. Перепеч. въ нѣсколькихъ изданіяхъ.  
XXXIII. Тамъ же, стр. 16. Музыка Рейнгардта.  
XXXIV. Всѣ три эпиграммы напеч. въ Пантеонѣ Русской поэзіи 1814 г., ч. 2, стр. 125.  
XXXV. Пантеонъ Русской поэзіи, ч. 2, стр. 126.  
XXXVI. Тамъ же, ч. 4, стр. 274.  
XXXVII. Тамъ же, ч. 4, стр. 274.  
XXXVIII. Изъ Рукоп. Сб. 1822, т. I, стр. 21. Черновая 1814 г.  
XXXIX. Тамъ же, стр. 23. Копія 1814 г.

1815 г.

- XL. Изъ Амфіона 1815 г. № 3, стр. 71.  
XLI. > № 9, стр. 129.  
XLII. > № 6, стр. 115.  
XLIII. > № 6, стр. 116.  
XLIV. > № 6, стр. 116. Графиня Софья Алексѣевна Мусина-Пушкина была замужемъ за кн. Ив. Леонтьичемъ Шаховскимъ. Недавно скончалась.  
XLV. > 1815 г. № 4, стр. 71.  
XLVI. > № 6, стр. 116.

- XLVII. Изъ Росс. Муз. 1815 г. № 2 стр. 32.  
 XLVIII. Росс. Муз., 1815 г. № 3, стр. 261.  
 XLIX. > > 1815 г. № 9, стр. 263.  
 L. Сб. Кн. Долгорукова, стр. 83. Росс. Муз., стр. 231.  
 LI. Изъ Рук. Сб. 1822. г., (Копія 1815) т. II, стр. 66.  
 LII. Росс. Муз., 1815 г. № 9, стр. 261.  
 LIII. > > № 9, стр. 264.  
 LIV. > > № 9, стр. 265.  
 LV «Изъ Ириарта, испанскаго поэта» примѣч. автора. Напеч. въ Росс. Муз., № 12, стр. 225.  
 LVI. Эпиграммы эти, направленные противъ кн. А. А. Шаховскаго, были напечатаны въ разныхъ изданіяхъ. Авторъ соединилъ ихъ подъ общимъ заглавіемъ: «Поэтическій вѣнокъ Шутовскаго, подвешенный ему одинъ разъ на всегда за многіе подяпки». Кн. Шаховской въ своихъ комедіяхъ «Новый Стернь» (1807 г.) «Ляпецкія воды» (1815) задѣлъ Карамзина и Жуковскаго и этимъ раздражилъ друзей этихъ писателей. Осенью 1815 года Жуковскій писалъ въ своимъ роднымъ: «Друзья заступились за меня... Съ Вяземскимъ сдѣлался поносъ эпиграммами».  
 LVII. Росс. Муз., № 12, стр. 234—235.  
 LVIII. Сынъ Отеч., ч. 19, стр. 104.  
 LIX. Сынъ Отеч., 1815 г. ч. 19, стр. 104—106.  
 LX. Росс. Музеумъ, 1815 г. ч. 1, стр. 6.  
 LXI. Всѣ три эпиграммы напечатаны въ Росс. Муз., 1815 г. ч. 3, стр. 262.  
 LXII. Въ Рукон. Сборн. 1822, т. I, стр. 6, полное. Неоконченное черновое 1815 г.  
 LXIII. Къ Батюшкову 1815 г. Тамъ же, стр. 27.  
 LXIV. Копія 1815 г. Рук. Сб. 1821—22 г. т. II, стр. 18.

1816 г.

- LXV. Изъ Сына Отеч. 1816. г., ч. 29, стр. 24.  
 LXVI. Тамъ же.  
 LXVII. Сынъ Отеч., стр. 108. Собственноручная на рукописи помятка: «писано кн. Гагаринной, сестрѣ Свѣтцовой».  
 LXVIII. Тамъ же. Помятка на рукописи: «Кн. Шаховской, при послыжкѣ стихотвореній Жуковскаго».  
 LXIX. Сынъ Отеч., ч. 29, стр. 141, Собств. помятка: «Елизаветѣ Сергѣевнѣ Огаревой».  
 LXX. Напеч. въ Вѣстн. Евр., 1816 г. ч. 88, стр. 101.  
 LXXI. Въ Вѣстн. Евр., ч. 88, стр. 177.  
 LXXII. Тамъ же, ч. 89, стр. 201.  
 LXXIII. Тамъ же, стр. 201.  
 LXXIV. Въ Тр. Общ. Люб. Р. Сл., 1816 г. стр. 71.  
 LXXV. Напечатано въ С. Отеч. 1816 г. № 52, въ статьѣ «Два губернатора». подписанной А. В. (Булгаковъ) Это сравненіе Сакена, бывшаго въ 1814 году губернаторомъ Парижа и маршала Мортъе, бывшаго губернаторомъ въ Москвѣ.  
 LXXVI. Съ рукописи; помяч.: «1816 г. Москва, декабря 8.» Подп.: «Кн. Вяземскій».  
 LXXVII. Рукопись помяч. 1815 г. Напеч. потомъ въ Ураганѣ 1826 г. стр. 40.  
 LXXVIII. Къ овецкамъ. Копія 1816 г.

1817.

- LXXIX. Пянт. Русск. поэт. ч. 7. стр. 51.  
 LXXX. Тамъ же, ч. 9, стр. 80.  
 LXXXI. Тамъ же, ч. 9, стр. 81.  
 LXXXII. Всѣ четыре пѣсни соединены въ Рукон. Сб. 1822 г. стр. 84, и помѣч. 1817 г.  
 LXXXII. Къ стихотв. «Деревня». Собственноручное примѣчаніе автора: «писано въ 1817 году, когда авторъ намѣревался поселиться на пѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, но вскорѣ неожиданныя обстоятельства, иначе распорядившія жизнь принудили его оставить планы и стихотворенія недовершенными». Напечатано потомъ въ 1827 г. въ Памятн. Отеч. Муз., стр. 252.  
 LXXXIII. Писано въ 1817 г. Напечатано съ обозначеніемъ этаго года въ Новостяхъ Литературы, 1822 г. кн. 2, стр. 173.  
 LXXXIV. Писано въ Остафьевѣ, 21 сент. 1817 г. Напеч. потомъ въ Сынѣ От. 1821 г., № 37, стр. 178.  
 LXXXV. Ухабъ. Писано въ 1817 г. Напеч. въ С. От. 1821 г. ч. 3 стр. 81.

1818.

- LXXXV. Указано авторомъ подъ 1818 г. Напеч. въ Пол. Зв. 1824 г., стр. 256.  
 LXXXVI. Со списка, сдѣланнаго рукою кн. В. Ѳ. Вяземской, съ поправками поэта. Помѣчено: „Варшава, Окт. 19, 1818 г.“ Въ сборникѣ «Въ Дорогѣ и Дома» это стих. помѣщено въ такомъ видѣ (стр. 339).  
 „Американецъ и цыганъ,  
 Онъ въ мірѣ нравственномъ загадка.  
 Его страстей мятежныхъ скватка,  
 Какъ упительный дурманъ,  
 Какъ съ перемежкой лихорадка  
 Всегда несетъ изъ края въ край  
 Изъ рая—въ адъ, изъ ада—въ рай,  
 Душа его—любовь и пламень,  
 А умъ—холодный эгоистъ:  
 Подъ бурей рока—твердый камень,  
 Въ волненьи страсти—легкой листъ.

- LXXXVII. Рукон. Сб. 1822 г., т. III, стр. 3. Помѣч.: «въ Варшавѣ». Объ этомъ стихот. поэтъ въ своей «Исповѣди» говоритъ (стр. 101): «Возмутительныхъ сочиненій у меня на совѣсти нѣтъ. Въ двухъ такъ наз. либеральныхъ стихотвореніяхъ моихъ: «Петербургъ» и «Негодование», отзывается вездѣ желаніе законной свободы монархической и нигдѣ нѣтъ оскорбленія державной власти. Первое кончилось воззваніемъ къ Императору Александру; писано оно было вскорѣ послѣ перваго польскаго сейма, и тогда гласнымъ образомъ ходило по Петербургу. Второе также писано было въ Варшавѣ, оно менѣе извѣстно. Я написалъ его въ самую эпоху борьбы или перелома мнѣній и, разумѣется, должно оно носить живой отпечатокъ мнѣній, которымъ я оставался преданъ и послѣ ихъ паденія. Такія произведенія не могутъ быть почитаемы за выраженіе цѣлой жизни; онѣ—бѣглыя выраженія минуты, внезапнаго впечатлѣнья и отпечатлѣніе ихъ на умы также есть минутное. Прямодушное изслѣдованіе обязано разборчиво отдѣлнить шалость игриваго ума—отъ злоумствованій и легкой проступокъ сердца,—отъ преступленія».

1819.

- LXXXVIII. Напеч. въ Сынѣ Отеч. 1819 г. № 58, стр. 34.  
 LXXXIX. Тамъ же.  
 XC. > ч. 58, стр. 80.  
 XCI. > ч. 58, стр. 81.

- ХСII. > ч. 58, стр. 34.  
 ХСIII. > ч. 58, стр. 34.  
 ХСIV, ХСV, ХСVI, ХСVII. Тамъ же, дн 80 страницы.  
 ХСVIII. «Медвѣдь» напечатано въ Русск. Архивѣ 1867 г., стр. 651. Въ 1819 г. А. И. Тургеневъ писалъ И. И. Дмитріеву: «Посылаю последнее произведеніе Варшавскаго поэта, писанное на Краковской площади».  
 ХСIX, С, СI. Рукон. Сб. 1822 г., т. II, стр. 85, 96. 98. Черновыя наброски 1819 г.

1820.

- СII. Сынъ От., 1820 г. № 4, стр. 175.  
 СIII. Эпиграмма. С. От., № 10, стр. 173.  
 СIV. С. От., 1820 г. № 12, стр. 265.  
 CV. Тамъ же, № 12, стр. 268.  
 CVI. Копія 1820 г. неполная. Рукон. Сб. 1821—22 г. т. II, стр. 61.  
 CVII. Благонамѣр., ч. 9, стр. 120.  
 CVIII. > ч. 9, стр. 125.  
 СIX. > стр. 127.  
 CX. > стр. 128.  
 CXI. Тамъ же.  
 CXII. Рукон. Сб. 1822 г., т. III, стр. 90.  
 CXIII. Тамъ же, т. II, стр. 91.  
 CXIV. «Стихи, вырѣзанные на мертвой головѣ». 1820 г. собствен. подпись. Тамъ же, т. III, стр. 1.  
 CXV. Всѣ эти эпиграммы напечатаны въ Благонамѣренномъ, ч. 9, стр. 128—129.  
 CXVI. Съ рукописи 1820 г. Объ этомъ стихотвореніи упоминаетъ самъ поэтъ въ своей автобіографіи.

1821 г.

- СXVII. Нов. Собрание Образц. Соч., ч. 2, стр. 132.  
 СXVIII. Напеч. всѣ въ Рецензентѣ, № 26, стр. 102—103.  
 СXIX. Рук. Сб. 1821—22 г. т. II, стр. 59.  
 СXX. Тамъ же, стр. 59.  
 СXXI. С. От. 1821 г. № 2 стр. 76.  
 СXXII. > № 13 стр. 277.  
 СXXIII. > № 27 стр. 38.  
 СXXIV. > № 10, стр. 129.  
 СXXV. > № 28, стр. 81.  
 СXXVI. Напеч. въ Утр. Зарѣ, 1841 г. стр. 235. Рук. Сб. 1821 г. т. II.  
 СXXVII. Благонам., ч. 13, стр. 204.  
 СXXVIII. >  
 СXXIX. > ч. 14, стр. 145. Подпись «Варшава»  
 СXXX. Тамъ же, ч. 14, стр. 146.  
 СXXXI. > стр. 147.  
 СXXXII. > ч. 14, стр. 146. Подпись «Варшава».  
 СXXXIII. С. От. 1821 г. № 48, стр. 83.  
 СXXXIV. С. От. № 48, стр. 80.  
 СXXXV. Изъ Рук. Сб. Кн. Долгорукова. Записана подъ 1821 г. стр. 98.

- CXXXVI. Рук. Сб. 1821—22 г., стр. 63.  
 CXXXVII. Благонам., 1821 г., ч. 14, стр. 193.  
 CXXXVIII. Всѣ поставлены въ томъ видѣ какъ расположены въ рукописи того же года.  
 CXXXIX. Рук. Сб. 1821—22 г. т. III, стр. 7.  
 CXI. Тамъ же, 1821—22 г., т. III, стр. 9.  
 CXLI. Изъ Москвы 29 декабря 1821 г. Тамъ же, стр. 13.  
 CXLII. Копія 1821 г.

1822 г.

- CXLIII. С. От. 1821 г. № 39 стр. 273.  
 CXLIV. > № 48 стр. 82.  
 CXLV. > № 50 стр. 177.  
 CXLVI. > № 50, стр. 178.  
 CXLVIII. Нов. Лит., кн. 1, стр. 143.  
 CXLVIII. Расположены такъ авторомъ въ Рукон. Сб. 1822 г. т. II, стр. 53, и въ рукописи отдѣльной.  
 CXLIX. Копія 1822 г.  
 CL. Рук. Сб, 1822 г. т. II, стр. 88.  
 CLI. > 1822 г. т. III, стр. 14 помѣч. «Москва 13 ноября 1822 г.  
 CLIII и CLIII. Два отрывка эти есть въ двухъ спискахъ; здѣсь помѣщены по болѣе полному списку 1822 г.  
 CLIV. Юпитеръ, Тебѣ и мамѣ. Въ Рукон. Сб. 1822 г. т. II, стр. 33.  
 CLV. Рукон. Сб. 1822 г. стр. 38  
 CLVI. > стр. 44.  
 CLVII. > стр. 93.  
 CLVIII. Копія 1822 г. Напеч. потомъ въ 833 г. стр. 126.  
 CLIX. Рук. Сб. кн. Долгорукова, стр. 509, помѣч. 1821 г.

1823 г.

- CLX. Соревнователь Просв. и Благ., 1823 г. ч. 23, стр. 69.  
 CLXI. Пол. Звѣзда, 1823 г. стр. 97.  
 CLXII. Всѣ четыре въ рукописи 1823 г. съ собственноручными поправками автора. Эниграмма изъ Ж. Б. Руссо напеч. въ Пол. Зв., стр. 3,  
 CLXIII. Пол. Зв., 1823 г. стр. 182.  
 CLXIV. > 1823 г., стр. 186.  
 CLXV. > >  
 CLXVI. > стр. 266.  
 CLXVII. > 1823 г. стр. 268.  
 CLXVIII. С. От., 1823 г. № 1, стр. 35.  
 CLXIX. Въ Новостяхъ Лит., кн. 3, стр. 2.  
 CLXX. > 1823 г. кн. 3, стр. 2.  
 CLXXI. > 1823 г. кн. 3, стр. 63.  
 CLXXII. > кн. 2, № 6.  
 CLXXIII. Обѣ въ Пол. Зв., 1823 г. стр. 84—87.  
 CLXXIV. Въ Нов. Лит., ч. 3, № 8, стр. 124.  
 CLXXV. > ч. 4, стр. 59.  
 CLXXVI. > № 21, стр. 127.  
 CLXXVII. > № 38, стр. 187.  
 CLXXVIII. Дамск. Журн., 1823 г. № 6, стр. 234.  
 CLXXIX. > № 1, стр. 29.

- CLXXX. Дамск. Журн., № 6, стр. 234.  
 CLXXXI. > № 17, стр. 175.  
 CLXXXII. > ч. 1, стр. 29 и 69.  
 CLXXXIII. > ч. 1, стр. 109.  
 CLXXXIV. > ч. 2, стр. 91.  
 CLXXXV. > ч. 2, стр. 133.  
 CLXXXVI. > ч. 2, стр. 172.  
 CLXXXVII. > ч. 3, стр. 77.  
 CLXXXVIII. Копія 1823 г. Эпигр. Ж. Б. Руссо.  
 CLXXXIX. Дамск. Журн. 1823 г.  
 CXC. Рук. Сб. 1821—22 г. т. II, стр. 53.  
 CXCI. > > стр. 101.  
 CXСII. Копія помѣченная «1823 г. Москва».

1824.

- CXCIII. Напеч. въ Нов. Литературн., 1824 г. ч. X, стр. 34.  
 CXCIV. «Отвѣтъ древняго мудреца», въ Нов. Лит., 1824 г. стр. 96, ч. X  
 «Ландышь» тамъ же, ч. X, стр. 94; «Молотокъ и гвоздь», въ  
 Пол. Зв., 1824 г. стр. 31.  
 CXCV. Напеч. въ Мнемозинѣ, 1824 г. № 1. стр. 47.  
 CXCVI. > № 9, стр. 44.  
 CXCVII. > № 2, стр. 45.  
 CXCVIII. Въ Нов. Лит., № 19, стр. 112.  
 CXСIX. Тамъ же, кн. 7, стр. 91.  
 CC. Въ Пол. Звѣздѣ, № 7, стр. 198.  
 CCI. > стр. 235.  
 CCII. > стр. 322.  
 CCIII. Изъ оперы-водевиля «Кто братъ и кто сестра». 1824 г. Помѣч. въ  
 Сбор. кн. Долгорукова, стр. 144.  
 CCIV. Въ Нов. Лит., кн. 8, стр. 23.

1825.

- CCV. Дамск. Журн. № 4, стр. 156  
 CCVI. Всѣ напечатаны въ Нов. Л  
 98 и августъ, стр. 18.  
 CCVII. Въ Нов. Лит., Янв., 1825 г  
 CCVIII. Моск. Телегр. ч. 1, 1825, ст  
 CCIX. Нов. Лит., окт., 1825, стр. 6  
 CCX. Моск. Тел. ч. 2 стр. 184.  
 CCXI. Моск. Тел. ч. 6 стр. 160.  
 CCXII. Тамъ же, ч. 3 стр. 161 и 21  
 CCXIII. Въ Полярн Зв., 1825, стр. 1  
 CCXIV. Тамъ же, стр. 191.  
 CCXV. Сѣв. Цвѣты, 1825, стр. 262.  
 CCXVI. > стр. 287.  
 CCXVII. > стр. 317.  
 CCXVIII. Тамъ же, стр. 298.  
 CCXIX. > стр. 298.  
 CCXX. Невскій Альманахъ, 1825, ст  
 CCXXI. Сѣв. Цвѣты, стр. 289.  
 CCXXII. Копія 1825 г.  
 CCXXIII. Также.